

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2025. Том 15, № 3

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2025, vol. 15, no. 3

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-87862 от 22 июля 2024 г.

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

ТИПОГРАФИЯ:

Издательство Академии наук Республики Татарстан
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2025

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС 77-87862 from Yuly 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

PRESS:

Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

<https://iknsp-journal.ru>
E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2025

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2025

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Аминов Рустем Равилевич**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н. (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., и.о. директора Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Scientific editor of the issue: **Rustem R. Aminov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Executive secretary of the issue: **Ilshat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (technical sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history) (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Michael Kemper, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Paul W. Werth, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

Rail R. Fakhrutdinov, Dr. Sci. (history), Acting Director of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Торопицын И.В. Служба астраханской тюркской знати в Низовом полку в ходе Крымских походов 1687 и 1689 гг.	10
Мухамадеев Д.Р. Топология и топонимика первых поселений служилых татар (мещеряков) Уфимского уезда в XVII веке	21
Басманцев Д.В. Из истории воеводского управления в Среднем Поволжье: 1693 год	42
Владимиров О.О. Население Арска в 1656–1763 гг. (по документальным материалам)	61
Файзрахманов И.З. Социально-правовой статус отставных нижних чинов и семей военнослужащих в 1870–1880-е гг. (по материалам фонда Больше-Атнинского волостного правления Казанского уезда)	75
Абдуллин Х.М. Уроженец села Татарская Бездна: матрос 1-й статьи и младший мулла Гвардейского корпуса в Санкт-Петербурге Бадамша Курамшин (1767–1831)	87
Дубовиков А.М. Волнения в Казахской степи Уральской области в 1860–1870 годах в дореволюционной и советской историографии	94
Габдрафикова Л.Р., Миронова Е.В. Учредительницы и воспитательницы частных дошкольных учреждений в городах Поволжья в начале XX века	124

Публикация источника

Аминов Р.Р., Багаутдинова Х.З. Состав тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX века по материалам ревизских сказок Бугульминского и Мензелинского уездов Оренбургской губернии	140
---	-----

Новые книги, рецензии

Имашева М.М. Рецензия на книгу: Гибшман Г.Э. История астраханских базаров и их характеристика (Астрахань, 2024)	162
---	-----

Научная жизнь

Галлямова А.Г. К 100-летию Зямира Ибрагимовича Гильманова	170
Исхаков Р.Р. Подвижник исторической науки (к 60-летию академика Радика Римовича Салихова)	183
Гыйниятуллина Л.С. Алтын Урда мирасы: Татарстан һәм Казахстан галимнәренең фәнни хезмәттәшлеге	191

CONTENTS

Articles

Toropitsyn I.V. Service of the Astrakhan Turkic nobility in the Nizovoy Regiment during the Crimean Campaigns of 1687 and 1689	10
Mukhamadeev D.R. Topology and toponymy of the first settlements of the service Tatars (Meshcheryaks) in the Ufa district in the 17th century	21
Basmantsev D.V. From the history of voivodeship administration in the Middle Volga region: 1693	42
Vladimirov O.O. The population of Arsk in 1656–1763 (based on documentary materials)	61
Faizrahmanov I.Z. Social and legal status of retired lower ranks and families of military personnel in the 1870s and 1880s (based on materials from the fund of the Bolshe-Atninsky volost administration of the Kazan district)	75
Abdullin Kh.M. Native of the village of Tatarskaya Bezdna: sailor of the 1st article and junior mullah of the Guards Corps in St. Petersburg Badamsha Kuramshin (1767–1831)	87
Dubovikov A.M. Unrest in the Kazakh steppe of the Ural region in the 1860–1870 in prerevolutionary and Soviet historiography	94
Gabdrifikova L.R., Mironova E.V. Founders and teachers of private preschool institutions in the Volga region cities at the beginning of the 20th century	124

Publication of the source

Aminov R.R., Bagautdinova Kh.Z. Personnel of the Teptyar Cossack regiments in the late 18th – early 19th centuries based on the materials of revision tales of the Bugulma and Menzelinsk districts of the Orenburg province	140
---	-----

New books, reviews

Imasheva M.M. Book review: Gibshman G.E. History of Astrakhan bazaars and their characteristics (Astrakhan, 2024)	162
--	-----

Scientific life

Gallyamova A.G. On the 100th anniversary of Zyamil Ibragimovich Gilmanov	170
Iskhakov R.R. An ascetic of historical science (dedicated to the 60th anniversary of academician Radik Rimovich Salikhov)	183
Giniyatullina L.S. The heritage of the Golden Horde: Tatar-Kazakh scientific cooperation	191

СТАТЬИ

УДК 93/94

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.10-20>

Служба астраханской тюркской знати в Низовом полку в ходе Крымских походов 1687 и 1689 гг.

И.В. Торопицын

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация*

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье рассматриваются факты участия представителей астраханской тюркской знати в военных походах против Крымского ханства, предпринятых Московским государством во второй половине 1680-х гг. В центре исследования оказывается боевой путь ядра русской армии, составной частью которого был Низовой полк, в котором служили астраханские тюркские служилые люди. Анализируется персональный состав астраханских мурз, табунных голов и сотников, принимавших участие в Крымских походах 1687 и 1689 гг. Изучаются факты участия Низового полка в сражениях с крымцами. Отдельное внимание уделяется посреднической роли астраханского юртовского сотника К.Кутлубеева в налаживании переговоров главнокомандующего русской армии с крымским ханом.

Ключевые слова: астраханские мурзы, табунные головы, сотники, военный поход, Крым, XVII в.

Для цитирования: Торопицын И.В. Служба астраханской тюркской знати в Низовом полку в ходе Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.10-20>

В последней четверти XVII в. Московское государство осуществило два крупных похода против Крымского ханства, к участию в которых в составе Низового полка были привлечены и представители астраханской тюркской знати. Несмотря на то, что оба похода подробно рассмотрены в историографии, участию в них астраханских служилых людей не уделено значимого внимания.

Наиболее ценные сведения о количественном составе астраханских мурз и табунных голов, призванных для участия в Крымских походах 1687 и 1689 гг., потерях, понесенных во втором походе Низовым полком, где они служили, можно почерпнуть из коллективной монографии, посвящен-

ной Русско-турецкой войне 1686–1700 гг. [3]. В этом труде также отмечается факт участия астраханского юртовского сотника К.Кутлубеева в переговорах, которые вел главнокомандующий князь В.В. Голицын с представителями крымского хана в ходе второго Крымского похода.

Архивные и опубликованные источники позволяют дополнить общую картину событий, происходивших в 1687 и 1689 гг., важными сведениями персонального характера, относящимися к участникам данных походов из числа представителей астраханской тюрокской знати.

Поход русской армии на Крым был запланирован на весну 1687 г. Низовой полк стал одним из полков, который должен был усилить ядро русской армии – Большого полка под командованием князя В.В. Голицына, возглавлявшего все русские силы. Командирами Низового полка были назначены стольник И.Ю. Леонтьев и дьяк А.Волков.

Состав Низового полка формировался из служилых людей понизовых городов: Астрахани, Терков, Царицына, Саратова, Самары и Уфы. Основу полка должны были составить дети боярские, стрельцы и казаки, новокрещены и иноземцы. Непосредственно из Астрахани по наряду следовало отправить в Крымский поход 18 детей боярских, 500 конных стрельцов, 50 мурз и табунных голов. Местом сбора Низового полка был назначен город Ахтырск, но позднее решено было собирать полк в Чугуеве.

Сохранившаяся в архиве именная роспись позволяет установить всех представителей астраханской тюрокской знати, призванных для участия в первом Крымском походе. Наибольшее представительство среди них имели мурзы – 37 человек. В абсолютном отношении среди всех мурз больше всего было джетисанских – 15 человек. Из них 10 были из рода Тинбаевых, три мурзы представляли род Урусовых, по одному человеку было от мурз Кутумовых и Алатуевых. Юртовских мурз представляли десять человек из родов Байтерековых, Акмурзиных, Канбаевых, Аллашевых. Джембуйлукских мурз было призвано пять человек – все они были из рода Шихмамаевых. Ногайских мурз представляли пять человек: четверо из рода Тинокпатовых и еще один был указан как представитель рода Юнусовых. Наряду с мурзами в Крымский поход были призваны табунные головы: Темир Аллагулов, Танай Кашкарин, Байтеш Янтуганов, Акатей Тогумов, Епай Курманаков, а также татарские сотники: Тонгатар Чигирпанов, Эшпулат Девонев, Эсенгельдей Карин, Базгит Мамедлеев, Янык Кендышев (Кеншев), Этемей Камаев Эшкенеев, Тлев Эметеев, Чагалай Агатанов¹.

Согласно наряду, в Низовой полк должны были войти 1847 человек. В численном отношении он уступал другим полкам русской армии. Во время смотра полка в мае 1687 г. по факту налицо оказалось всего 1211 человек, в числе которых находились 42 представителя юртовских мурз, табунных голов и татарских сотников [3, с.82, 87–89].

¹ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). Ф.178. Оп.1. Д.10456. Л.3–5.

Основная часть русской армии выступила в поход от сборного пункта на р. Мерле 18 мая и спустя неделю встала лагерем вблизи р. Коломак, где еще несколько дней ожидала подхода всех своих сил. 26 мая князь В.В. Голицын провел общий смотр русской армии, после которого спустя три дня она двинулась дальше на Крым.

В историографии отмечается, что русское войско двигалось в походе специальным порядком, который позволял избежать внезапного нападения быстрой татарской конницы. «Внутри прямоугольника, составленного из двух обозных колонн, шла пехота; с наружной стороны этого прямоугольника – наряд; конница окаймляла всю походную колонну, высылая сторожи для разведки противника», – указывает П.И. Рудой. Такой походный порядок, по его мнению, был обусловлен как особенностями местности, так и тактикой противника: «вокруг степные равнины, на которых с любой стороны может внезапно атаковать легкая конница крымцев, прибегая к своей излюбленной тактике» [4, с.34].

В ходе похода русская армия совершала небольшие переходы по 15–20 км в день от одной реки к другой. «На протяжении всего марша войска имели достаточно воды и травы для лошадей, – отмечает В.С. Великанов, – заранее заготовленных запасов было в избытке, и ратные люди не испытывали каких-либо серьезных проблем и неудобств. Но по мере продвижения на юг местность постепенно менялась. Широких рек становилось все меньше, а сменившие их маловодные ручьи уже не могли служить полноценным источником воды для многотысячной армии, сопровождаемой гигантским обозом» [1, с.34].

К 23 июня первые части русской армии, шедшей несколькими колоннами, достигли реки Конские Воды. Посланные вперед разведчики обнаружили, что вся степь на юг от реки сожжена. Несмотря на это, князь В.В. Голицын приказал двигаться дальше, и к 27 июня армия подошла к р.Карачекрак. «Здесь состоялся военный совет о продолжении похода, – пишет В.С. Великанов. – И люди, и лошади уже были истомлены длительным походом, жарой и тучами пыли от выжженной земли. В армии имелось достаточно продовольствия, однако сожженная степь сделала невозможным заготовление конских кормов, а небольшие ручьи не позволяли напоить несколько сотен тысяч людей и лошадей. До Перекопа оставалось еще около 200 км. В таких условиях продолжение похода было рискованным, и русское командование приняло решение о возвращении армии обратно к русским рубежам» [1, с.35].

Главкомандующий отмечал в донесении в Москву трудности, с которыми столкнулась армия по пути на Крым, и отсутствие противника, который, узнав о приближении русских сил, «пришел в ужас». «Тщетно ждали мы неприятеля не малое время на реке Карачакраке, для воинского над ним поиска: он нигде не показывался, – писал князь В.В. Голицын, – между тем скудость в конских кормах сделалась всеконечною; стоять долее в выжженной степи было невозможно, и мы возвратились к Конским

Водам». При этом для предупреждения внезапного нападения крымских татар «в Украину и Польшу» часть сил под началом окольного Л.Р. Неплюева была направлена к днепровским городкам [12, с.199].

Обратный переход русской армии, занявший целый месяц, по словам Н.Н. Петрухинцева, дался не менее тяжело: «по свидетельству генерала Франца Лефорта, отчаявшийся Голицын по временам даже горько плакал» [5, с.24].

В ходе первого Крымского похода астраханской служилой тюркской знати, как и основному русскому войску, не довелось вступить в бой с крымскими татарами, но все его участники в полной мере ощутили трудности движения по выжженной огнем степи.

Итоги первого Крымского похода были подведены в царском указе, объявленном 5 сентября 1687 г. воеводам и всяким чинов ратным людям [6, с.883–897]. Несмотря на то, что все участники Крымского похода заслужили похвалу от великих государей за проявленное усердие в ходе службы, у царских властей оставалось чувство неудовлетворенности от его итогов. Поэтому практически сразу же начинается подготовка к новому походу на Крым.

Для участия во втором Крымском походе в состав Низового полка были назначены 1447 человек из тех же городов: Астрахани, Терков, Царицына, Саратова, Самары и Уфы. Численность полка, как видим, изначально была уменьшена на четыреста человек. При этом наряд непосредственно для Астрахани изменился незначительно: в поход планировалось привлечь 17 детей боярских, 43 мурзы и табунных головы и 492 стрельца [3, с.170, 186–187].

Списка мурз и других представителей астраханских татар, призванных в поход на Крым в 1689 г., обнаружить не удалось. Но учитывая небольшой промежуток времени между первым и вторым походами, есть основание полагать, что на службу могли быть вызваны практически те же лица, что и в 1687 г. Впрочем, все это не исключало определенной ротации среди представителей астраханской тюркской знати.

Архивные данные свидетельствуют, что в период второго Крымского похода в Астрахани находились несколько мурз из числа тех, кто участвовал в походе на Крым в 1687 г.: Тиней, Салтамамбет и Исай Тинбаевы, Каспулат и Белек Урусовы, Назлым Тинокпатов, Союн Шихмамаев². Табунный голова Танай Кашкарин также не принимал участия во втором Крымском походе³. Все они были задействованы в борьбе против «воровских людей» на Северном Кавказе.

С другой стороны, среди участников второго похода на Крым мы видим новые лица. В их числе юртовские мурзы Байтерековы – Шатек Ак-

² Архив СПБИА РАН. Ф.178. Оп.1. Д.11164. Л.1–5.

³ Архив СПБИА РАН. Ф.178. Оп.1. Д.11176. Л.1–2.

мурзин и Расламбек Янибеков⁴. Особого внимания заслуживает личность астраханского татарского сотника Карамана Кутлубеева [7, стб. 1047], который не участвовал в первом походе на Крым, но, как мы увидим далее, сыграет заметную роль в судьбе второго Крымского похода.

Как и в случае с первым Крымским походом, царские власти не стали широко привлекать к походу рядовых астраханских татар, ограничившись призывом лишь представителей их знати. И это несмотря на то, что численность Низового полка уменьшилась на четыреста человек по сравнению с нарядом 1687 г.

Следует отметить, что данная практика была не характерна для взаимоотношений русской власти и астраханских татар. В XVI–XVII вв. военная служба была неотъемлемой частью обязанностей тюркских жителей Нижнего Поволжья перед русским государем [8; 11]. И хотя на нее вызвались в основном представители тюркской знати и служилые татары, их совокупный потенциал позволял формировать достаточно крупные воинские отряды.

Как правило, на военную службу с Нижнего Поволжья царской администрацией вызывалось максимально возможное число тюркских подданных. В первой половине XVII в. наряд на службу для них составлял несколько тысяч воинов. Во второй половине XVII в. он постепенно был снижен до 500 человек. Но уже в поход на Крым в 1675 г. и в Малороссию в 1678 г. отправлялось не более двух сотен астраханских татар во главе со своими мурзами и табунными головами [9; 10].

Местом сбора Низового полка изначально был назначен город Чугуев, но потом его решили формировать в Харькове. Первоначально планировалось, что Низовой полк, как и в 1687 г., возглавит окольный И.Ю. Леонтьев, но в феврале 1689 г. последовал указ о назначении его командиром стольника В.М. Дмитриева-Мамонова. В помощники ему назначался дьяк П. Тютчев. 16 апреля в Низовой полк приехал стольник Г.Ф. Балакирев и вручил его командиру знамя с изображением святого Николая Чудотворца [3, с.170].

Князь В.В. Голицын во главе Большого полка выступил в поход из Ахтырска (Ахтырки) в конце марта 1689 г., не дожидаясь подхода остальных частей своего войска. 20 апреля у Новобогородицкой крепости на реке Самаре состоялось объединение всех основных русских и малороссийских сил. Низовой полк присоединился к войску чуть позже, ввиду задержки с комплектованием [3, с.203].

Главные сражения между противниками произошли 15–17 мая в Зеленой и Черной долинах. Со стороны Крыма в них участвовали местные татары и вассальные отряды белгородских татар, черкесов и ногайцев, а также турки из гарнизонов приднепровских крепостей. 15 мая столкновения носили разведывательный характер. Нападениями на отдельные части

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.11180. Л.1–2.

русского войска крымцы пытались составить представление о его численности.

Описывая бои, происходившие 15 мая в Зеленой долине, князь В.В. Голицын указал в отписке в Москву, что они длились с двух часов дня до десяти часов вечера, отметив, что в них принимали участие, наряду с другими ратными людьми, «полку стольника и воеводы Василья Михайлова сына Дмитриева-Мамонова низовых городов дворяне, и иных чинов служилых люди» [12, с.369]. Данное указание свидетельствует о непосредственном участии служилых людей Низового полка, в котором служили астраханские тюркские воины, в схватках с противником.

16 мая русское войско, продвигаясь по Черной долине, подверглось внезапной атаке крупных татарских сил, которые под прикрытием начавшегося ливня ударили в тыл его левого фланга. Основной удар пришелся на Сумской и Ахтырский полки. Крымцам удалось смешать ряды слободских полков, захватить их обоз и артиллерию. Лишь благодаря помощи от Большого полка эту атаку удалось отбить за счет массированного ружейного и артиллерийского огня.

17 мая русское войско продолжило движение к Перекопу, разместив внутри обоза не только пехоту, но и всю кавалерию. Татарские отряды, не имея возможности вступить в бой с русской конницей, кружили вокруг повозок, из-за которых их обстреливали из ружей и пушек стрельцы и артиллеристы. Периодически между добровольцами, выезжавшими из русского войска, и татарскими всадниками происходили схватки. К концу дня, понеся крупные потери, крымское войско отступило за Перекоп [2, с.666–667; 3, с.212–223].

Согласно записке об участии ратных людей во втором Крымском походе, автором которой, по всей видимости, был командующий князь В.В. Голицын, в ходе похода русское войско испытывало трудности с подвозом продовольствия и нехваткой воды. Воду и фураж для лошадей приходилось возить издалека, так как «от самого Колончака все потравлено и повыбито, а наипаче воды достать было невозможно – рек и колодцев с стороны Перекопи нет». Подойдя к Перекопу, русские войска неприятельские посады и ближние села тоже «пожгли без остатку»⁵.

В ходе одной из схваток, имевших место 17 мая, произошел эпизод, оказавший влияние на дальнейший ход второго Крымского похода. Его участником стал астраханский юртовский сотник Караман Кутлубеев, который в тот день «сезжался на бою с крымскими татары». Данный факт весьма показателен, так как свидетельствует о том, что люди из Низового полка, в частности представители астраханской тюркской знати, сражались с противником в индивидуальных стычках.

Как вспоминал К.Кутлубеев, в тот день в боях с крымцами участвовали многие «московских и всяких разных чинов» ратные люди, которые «для

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.11606. Л.2.

съезду выезжали из обозу охотою». Несмотря на то, что «тот де съезд с тем татаринном был самым скорым делом, как обычай бывает съезжаться в бою», К.Кутлубеев хорошо запомнил своего противника, которым, как впоследствии выяснится, был Багильдей ага [7, стб. 1049]. «И в то время мне говорил один крымской татарин, на бою, – указывал К.Кутлубеев, – о том, что ханово величество желает миру». По словам К.Кутлубеева, он поинтересовался у своего противника: «Для чего о том ханово величество к боярину не присылал?» Крымский татарин ответил, что его хан опасается, что его посланцу, как и в прошлый раз, не будет оказано «никакой чести». На этом разговор двух противников завершился. В процессе боя крымский татарин показал астраханскому юртовскому сотнику письмо, прикрепленное к копью. «И тот де татарин с тем письмом уехал в Перекоп того ж часа», – подчеркнул К.Кутлубеев. Астраханский юртовский сотник вернулся в русский лагерь и передал главнокомандующему содержание разговора, который состоялся у него с крымским татаринном [7, стб. 952–953].

Князь В.В. Голицын, имея полномочия на осуществление боевых действий и заключение мирных договоренностей, решил вступить с крымцами в переговоры [7, стб. 951]. Доставить свое послание крымскому хану он поручил все тому же астраханскому юртовскому сотнику К.Кутлубееву.

Начавшиеся при посредничестве сотника К.Кутлубеева переговоры между враждующими сторонами не привели к взаимоприемлемым договоренностям. Князь В.В. Голицын вынужден был начать отступление, в ходе которого русские войска несли потери от обстрелов из луков и нападений крымцев и вассальных от них орд. Как правило, последние нападали на небольшие группы русского войска, которые отлучались в поисках воды и продовольствия [3, с.231].

Очевидно, к этому периоду следует отнести основные потери, понесенные Низовым полком в ходе второго Крымского похода, так как в ходе марша на Крым в столкновениях с татарским войском Большой полк, составной частью которого был Низовой полк, практически не участвовал [3, с.222], если не считать добровольцев, которые, как юртовский сотник К.Кутлубеев, выезжали помериться силами с противником.

Согласно приведенным в историографии данным, за весь период активных боевых действий в ходе второго Крымского похода, пришедшихся на май 1689 г., Низовой полк потерял одиннадцать человек убитыми, в том числе троих астраханцев, и тринадцать человек ранеными, включая четырех астраханских стрельцов [3, с.244].

К 11 июня русская армия добралась до реки Самары, где у нее произошел еще один бой с противником. В историографии отмечается, что около двухсот человек («крымские татаровя и черкесы горские и джаман саадаки») из татарского разъезда атаковали обоз. «Разведчикам удалось захватить десятерых русских солдат, заготавливающих сено, – пишут А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров и С.М. Шамин. – Однако вскоре нападавших

настиг и разбил отряд стольника, ротмистра Леонтия Григорова с донскими казаками и калмыками, захватив знамя (“данное от хана знамя большое”) и шестерых (по отпискам Голицына) пленных» [3, с.233].

В записке, ранее уже частично процитированной нами, этому эпизоду также уделено внимание. Автор источника (есть основания полагать, что им был князь В.В. Голицын, командовавший русским войском) подтверждает, что крымские татары вместе с черкесами и ногайцами «яман саадак» напали «у моего обозу» на людей, которые косили в степи траву. Далее упомянуты детали, ранее не отмеченные в историографии и других отписках князя В.В. Голицына в Москву. «И уведав о том, я послал стольника Леонтия Григорова, а с ним астраханских и терских мурз и донских и яицких казаков и велел над ними промысл чинить, – говорилось в записке. – И милостию Божію и счастьем великих государей тех неприятелей они постигл[и] и учинили с ними великой бой и на том бою побили их многое число и гнали и рубили их на двадцати верстах. И мурз, которые с ними приводцы были, побили и взяли два ханские большие знамя да живьем в полон взяли мурз и татар шесть человек»⁶. Данная записка красноречиво свидетельствует, что в бою у реки Самары участвовали силы Низового полка, в частности астраханские мурзы и, очевидно, другие тюркские служилые люди, призванные из Астрахани.

По окончании похода все служилые люди Низового полка были отпущены по домам. По его итогам всем им было выдано вознаграждение. Астраханские мурзы, табунные головы и сотники получили по полтора руб. каждый⁷.

Таким образом, можно видеть, что в последней трети XVII в. астраханские тюркские служилые люди привлекались в составе Низового полка к участию в Крымских походах 1687 и 1689 гг. Несмотря на то, что русскому войску не удалось достичь значимых успехов в этих военных предприятиях против Крыма, астраханские мурзы, табунные головы и сотники вынесли все тяготы этих походов. В ходе второго Крымского похода они сражались с крымскими татарами в Зеленой и Черной долинах. Одному из астраханцев – юртовскому сотнику К.Кутлубееву – довелось поучаствовать от лица русского командования в переговорах с крымскими татарами, которые фактически привели к прекращению второго Крымского похода. На обратном пути от Перекопа астраханские мурзы, табунные головы и сотники вместе с казаками и другими русскими ратными людьми участвовали в сражении с крымцами и ногайцами на реке Самаре, разбили их, захватили пленных и трофеи и отпраздновали победу.

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.11606. Л.3.

⁷ Там же. Л.4.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Великанов В.С.* Детали похода армии В.В. Голицына в 1687 г. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С.32–39.
2. *Голицын Н.С.* Русская военная история. Ч.2: От Иоанна III до Петра I. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1878. 693 с.
3. *Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: Русское слово – учебник, 2022. 528 с.
4. *Рудой П.И.* Крымские походы В.В. Голицына // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Новосибирск, 2018. Вып. 6. Ч.1. С.32–38.
5. *Петрухинцев Н.Н.* Путь к Тавриде // Родина. 2014. №12. С.22–26.
6. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II отд. собст. Е. И. В. канцелярии, 1830. Собр. 1-е. Т.2, №1258.
7. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т.3. СПб.: Археологическая комиссия, 1888. 1472 стб.
8. *Торопицын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в войнах Московского государства // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы Всероссийской научной конференции, Астрахань, 29 апреля 2016 г. / отв. ред. А.О. Тюрин. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2016. С.37–41.
9. *Торопицын И.В.* Низовая рать: астраханские стрельцы и юртовские татары в военных кампаниях России XVII – начала XVIII вв. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VIII Токаревские чтения): материалы Всерос. науч.-практич. конф. (г. Ростов-на-Дону, 17–18 мая 2019 г.) / отв. ред. А.Л. Бойко, А.В. Яровой. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С.94–101.
10. *Торопицын И.В.* Участие астраханских служилых людей в войнах России с Крымским ханством в XVII веке // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве Волгоград, 28–29 сент. 2023 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. С.356–361.
11. *Торопицын И.В.* Военная и дипломатическая служба астраханских юртовских татар в XVII–XVIII вв. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14. №1. С.21–35. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.21-35>
12. *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т.1. СПб.: Тип. II-го отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1858. 496 с.

Информация об авторе:

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева (Астрахань, Российская Федерация), старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7542-3337; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Поступила 04.08.2025

Принята к публикации 27.08.2025

Service of the Astrakhan Turkic nobility in the Nizovoy Regiment during the Crimean Campaigns of 1687 and 1689

I.V. Toropitsyn

Tatishchev Astrakhan State University

Astrakhan, Russian Federation

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

The article examines the participation of representatives of the Astrakhan Turkic nobility in military campaigns against the Crimean Khanate undertaken by the Muscovite state in the second half of the 1680s. The study focuses on the combat path of the core of the Russian army, an integral part of which was the Nizovoy Regiment, in which where Astrakhan Turkic servicemen served. The personnel of the Astrakhan murzas, tabun heads, and centurions who took part in the Crimean Campaigns of 1687 and 1689 are analyzed. The Nizovoy Regiment's participation in battles with the Crimeans is examined. Special attention is given to the mediating role of the Astrakhan yurt centurion K. Kutlubeyev in facilitating negotiations between the commander-in-chief of the Russian army and the Crimean khan.

Keywords: Astrakhan murzas, tabun heads, centurions, military campaign, Crimea, 17th century

For citation: Toropitsyn I.V. Service of the Astrakhan Turkic nobility in the Nizovoy Regiment during the Crimean Campaigns of 1687 and 1689. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.10-20> (In Russian)

REFERENCES

1. Velikanov V.S. Details of the Campaign of V.V. Golitsyn's army in 1687. *South of Russia and adjacent countries in wars and armed conflicts: proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation (Rostov-on-Don, June 22–25, 2016)*. Ed. by G.G. Matishov. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. Pp.32–39. (In Russian)
2. Golitsyn N.S. *Russian Military History*. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza Printing house Publ., 1878. Part 2. From John III to Peter I. 693 p. (In Russian)
3. Guskov A.G., Kochegarov K.A., Shamin S.M. *Russian-Turkish War of 1686–1700*. Moscow: Russkoe Slovo – textbook Publ., 2022. 528 p. (In Russian)
4. Rudoy P.I. V.V. Golitsyn's Campaigns in Crimea. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Novosibirsk, 2018. Vol.6. Part 1. Pp.32–38. (In Russian)

5. Petrukhintsev N. The path to Taurida. *Rodina*. 2014, no.12, pp.22–26. (In Russian)

6. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (PSZ RI-1)*. Vol.2, no.1258. (In Russian)

7. *Investigative cases on Fyodor Shaklovity and his accomplices*. Vol.3. St. Petersburg: Archaeological Commission, 1888. 1472 columns. (In Russian)

8. Toropitsyn I.V. Participation of the Astrakhan Yurt Tatars in the wars of the Moscow State. *Crossroads of history. Current problems of historical science: materials of the All-Russian scientific conference (Astrakhan, April 29, 2016)*. Ed. by A.O. Tyurin. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilievich Publ., 2016. Pp.37–41. (In Russian)

9. Toropitsyn I.V. Nizovoy Army: Astrakhan streltsy and Yurt Tatar in the military campaigns of Russia in the 17th – early 18th centuries. *War and military traditions in the cultures of the peoples of Southern Russia (8th Tokarev Readings): materials of the All-Russian scientific and practical conference (Rostov-on-Don, May 17–18, 2019)*. Ed. by A.L. Boyko, A.V. Yarovoy. Rostov-on-Don: Altair Publ., 2019. Pp.94–101. (In Russian)

10. Toropitsyn I.V. Participation of Astrakhan servicemen in the wars of Russia with the Crimean Khanate in the 17th century. *Military-historical aspects of life in the South of Russia in the 17th–21st centuries: issues of study and museumification: materials of the 5th International scientific and practical conference, dedicated to the 80th anniversary of the defeat of the Nazi troops by Soviet troops in the Battle of Stalingrad (Volgograd, September 28–29, 2023)*. Volgograd: Volgograd State University Publishing House Publ., 2023. Pp.356–361. (In Russian)

11. Toropitsyn I.V. Military and diplomatic service of the Astrakhan Yurt Tatars in the 17th–18th centuries. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2024, vol.14, no.1, pp.21–35. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.21-35> (In Russian)

12. Ustryalov N. *History of the reign of Peter the Great*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1858. Vol.1. 496 p. (In Russian)

About the author:

Toropitsyn Ilya Vasilyevich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of Russian History, Tatishchev Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7542-3337; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Received August 4, 2025

Accepted for publication August 27, 2025

УДК 325.1

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.21-41>

Топология и топонимика первых поселений служилых татар (мещеряков) Уфимского уезда в XVII веке

Д.Р. Мухамадеев

Исследователь

Москва, Российская Федерация

В статье раскрываются ранние этапы развития первых поселений мещеряков (служилых татар, выходцев из Мещерского края) в Уфимском уезде в XVII в. С 1640-х гг. на территории Уфимского уезда стала формироваться постоянная сеть населенных пунктов служилой корпорации татар. Во второй половине XVII в. уфимские служилые татары столкнулись с целым рядом внешних вызовов. Несмотря на неблагоприятные условия, они смогли в целом не только сохранить свою поселенческую структуру, но и продолжить ее развитие. В качестве основных источников при проведении исследования использованы материалы фондов Российского государственного архива древних актов, а также Национального архива Республики Башкортостан. В результате исследования удалось реконструировать топологию и развитие топонимики первых поселений служилых татар, основанных в XVII в. в Уфимском уезде. Новизна исследования состоит в представлении модели формирования топонимов поселений служилых татар в Уфимском уезде, реконструкции ранних этапов развития сети поселений служилых уфимских мещеряков, а также в описании миграционных процессов служилых татар на территории уезда в XVII в.

Ключевые слова: миграция, служилые татары (мещеряки), башкиры, Уфимский уезд, Алатырский уезд, Мещерский край

Для цитирования: Мухамадеев Д.Р. Топология и топонимика первых поселений служилых татар (мещеряков) Уфимского уезда в XVII веке // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.21–41. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.21-41>

После включения территорий Приуралья в состав Русского государства начинается процесс формирования централизованной системы управления краем. В 1586 г. учреждается Уфимский уезд, в Уфу отправляются первые воеводы с приказными людьми и стрельцами. В силу пограничного положения Уфимского уезда и периодической угрозы набегов ногаев, калмыков и других кочевников в уезд с конца XVI в. были переселены различные корпорации служилых людей для несения в Уфимской крепости «государевой службы». В их число входили дворяне, дети боярские, стрельцы, служилые иноземцы, новокрещены, служилые татары и другие

категории служилых людей. Гарнизон Уфимской крепости со временем пополнился новыми переведенцами, и вокруг Уфы возникли слободы служилых людей. Одно из ранних упоминаний служилых татар в Уфимской крепости датируется концом XVI в. – в 1592 г. пятерым слободским служилым татарам, в числе других служилых людей Уфы, была отведена земля на расстоянии 12–14 верст от города [6, с.45, 47]. В дальнейшем корпорация уфимских служилых татар пополнялась посредством перевода из мест их основной службы в Уфимскую крепость. Например, в 1625 г. трое служилых татар вместе с представителями других служилых сословий отправились в Уфу во главе с назначенным Москвой уфимским воеводой Семёном Ивановичем Волынским [4, с.16].

Среди документов фонда 1173 «Уфимская приказная изба» Российского государственного архива древних актов (РГАДА) имеется челобитная¹ уфимского татарина Майбечко² Сабончина к царю Алексею Михайловичу³. В ней Майбечко поведал царю о том, что его отец Сабанчи Чолпанов служил «на Уфе» царю Михаилу Фёдоровичу вместе со «своею братьею» служилыми татарами. Сабанчя «не стало тому лет з десять» и челобитчик, в силу малолетнего возраста, не мог сразу приступить к «государевой» службе, поэтому повзрослевший Майбечко просит царя Алексея Михайловича «написать его в государеву службу» вместо отца. Также Майбечко просит «в место, Государь, в мое, в ясак [...] приверстать брата моего роднова Бакшу Сабанчина сына»⁴. Таким образом, этот документ раскрывает нам имя одного из слободских татар, живших в начале XVII в. в слободе при Уфимской крепости, и в нем устами его сына даются сведения об их службе: «Служил на Уфе [...] всякие твои государевы службы и посылки зимою и летом». В последующие десятилетия политика по переводу царской военной администрацией в Уфу служилых людей и свободное переселение туда служилых татар способствовали формированию в Уфимском уезде особой этносословной категории населения – служилых мещераков, т.е. служилых татар родом из Мещерского края (Кадомский, Темниковский, Шацкий, Алатырский и другие уезды).

Одним из наиболее содержательных документов для изучения вопросов социального и правового положения служилых татар Уфимского уезда является дело 488 описи 1 фонда 1173 РГАДА «По прозбе уфинских служилых татар Досалейки Сунчелеева с товарищи о даче им земли по дватцети четей в поле, а в дву по тому ж» (далее – дело 488) [2]. В декабре

¹ В челобитной отсутствует датировка. Если рассматривать документ в совокупности с другими челобитными этого дела, то его можно датировать периодом 1645–1650 гг.

² Документ имеет дефекты, возможно другое прочтение имени челобитчика.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1173. Оп.1. Д.197. Л.11–11 об.

⁴ Там же. Л.2.

1658 г. царское правительство в ответ на челобитную «уфинцов иноземского списку Тишки Колесникова с товарищи» решило обложить ясаком мешчеряков, которые «живут в Уфинском уезде безьясашно, а пашни па-шут и всякими угоды владеют». Царская грамота от 17 апреля 1659 г., данная уфимскому стольнику и воеводе Алексею Ивановичу Головину, подтвердила намерение центральной власти «положить в ясак» мешчеряков, которые в казну «Великого Государя никаких доходов не платят». Уфимские служилые татары не согласились с намерением уфимской администрации перевести их в ясачное сословие и отправили своих представителей в Москву. В конце июня 1659 г. А.И. Головин получил царскую грамоту, по которой было разрешено служить «служилым тотаром Доса-лейку с товарищи [...] по Уфе з земель [...] по 20 чети человеку по прежнему, как оне служили з земель наперед сего». Уфимские служилые татары обратились к стольнику и воеводе А.И. Головину, чтобы добиться, согласно царской грамоте, указа о наделении землей всех служилых татар в количестве ста человек. В июле того же года, после сличения имен служилых татар из поданного Досалеем Сюнчалеевым списка с кликовым списком 1657 г., стольник и воевода А.И. Головин «закрепил своею рукою» приговор и записал имена всех ста мешчеряков в особый список.

В своей челобитной уфимские мешчеряки указали, что «оне де – служилые татары и служилых отцов дети, деды де и отцы их служили по Алатырю, а иных по Арзамасу, по Кадому, по Темникову, по Раманову, по Свяжску, по Курмышу, а оне де служат по Уфе лет по пятнатцати, а иные де и болши, всякие Великого Государя службы: и в посылки и в подъезды ездят з дворяны и детми боярскими, и с ыноземцы, и с своею братьею, служилыми верстаными тотары, а оне де, Досалейко с товарищи, Великого Государя денежным [жалова]ньем и помесным [окладом] не верстаны, служат де с пашенные земли»⁵. К середине XVII века Уфимский уезд становится одной из конечных точек миграции служилых татар в Приуралье, а интенсивность миграционного оттока из мест постоянного проживания служилых татар зависела от многих факторов, включая перенос оборонительных засечных черт, изменение политики центральных властей по отношению к служилым татарам и проблему малоземелья.

В отличие от слободских служилых татар, которые в первой трети XVII в. жили вблизи Уфы и являлись частью гарнизона ее крепости, служилые татары группы «Досалей Сюнчалеев с товарищи» в 1640-х и 1650-х гг. селились на арендованных у башкир землях, а также в полученных от местных властей поместьях, преимущественно расположенных к северу от Уфы по Осинской и Казанской дорогам Уфимского уезда. В документах зафиксировано девять наименований деревень служилых татар, которые появились в этот период: Уразаево, Кулбарисово, Нанмасово, Байбаково, Ишмаево, Кулаево, Байбюрино, Секияды, Базы. Перечисленные деревни мешчеря-

⁵ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.54–55а.

ков являются одними из самых ранних постоянных поселений служилых татар, зафиксированных в архивных документах. Некоторые из них сохранили свои названия до сегодняшнего дня, например, Байбаково (совр. Мишкинский р-н Республики Башкортостан (РБ)), Кулаево (совр. Бураевский р-н РБ), и их расположение легко определить на современной географической карте. Названия других татарских населенных пунктов неоднократно менялись в зависимости от смены лидера служилых татар в конкретной деревне или внешних факторов (будь то восстания в Уфимском уезде в XVII в. или конфликты с местными властями). Непостоянство топонимики первых татарских деревень в Уфимском уезде усложняет их идентификацию без привлечения дополнительных источников.

В данной статье сделана попытка топонимически и топологически идентифицировать первые деревни служилых татар, упомянутых в деле 488, и кратко проследить этапы их развития в XVII в. Для достижения этой исследовательской цели в архивных документах были выявлены межевые описания деревень служилых татар, прослежена трансформация наименований деревень и близлежащих географических объектов, и полученные сведения были соотнесены с информацией о современных населенных пунктах Республики Башкортостан.

Прежде всего был рассмотрен вопрос топонимики поселений служилых татар Уфимского уезда. Из девяти приведенных выше наименований татарских деревень два можно отнести к гидротопонимам – названиям, образованным от наименований водных объектов, находящихся поблизости: Базы (река Евбазы) и Секияды (река Сикияз). Остальные семь наименований однозначно относятся к антропотопонимам, т.е. к населенным пунктам, получившим свои наименования от имен проживавших в них людей. В фонде 1173 «Уфимская приказная изба» хранятся документы, раскрывающие имена основателей первых поселений служилых татар в Уфимском уезде. Так, основатель д. Байбаково – Байбак (Байбахта) Ахметев⁶, а первопоселенец д. Кулаево – Кулай Акбулатов⁷ (в деле 488 в д. Кулаево указан его брат Алёшка Окбулатов). В переписях начала XVIII в. отдельные деревни служилых татар имеют двойные наименования, например, Кулбарисово – «Сабаево тож», Янбаево – «Ибраево тож»⁸, что говорит о параллельной фиксации в делопроизводственной документации старого и нового наименований деревень. Таким образом, татарские поселения большей частью получали названия по именам своих первопоселенцев, которые подавали от лица своих групп мещеряков челобитные в Уфимскую приказную избу с просьбой о «поверстании земельным окладом». Происходящие по разным причинам изменения названий деревень приводили к равноправному существованию в документах двойной топо-

⁶ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.12. Л.14.

⁷ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.115. Л.510.

⁸ Там же.

нимики, пока один из топонимов окончательно не закреплялся за населенным пунктом.

На основании вышеизложенного краткого топонимического экскурса поселениям уфимских служилых татар была осуществлена топологическая реконструкция расположения на территории современной Республики Башкортостан населенных пунктов мещераков, упомянутых в деле 488.

Уразаев. Одним из челобитчиков, представлявших в 1658 г. в Москве интересы корпорации уфимских служилых татар, был Досалей Сюнчалеев. В 1657–1659 гг. он, вместе со своими братьями Мамаделеем и Нуралеем, проживал в д. Уразаев. Из архивных документов становится известно, что Досалей Сюнчалеев был абызом⁹ и хафизом¹⁰, поручившимся за жителей д. Уразаев в прошении царю Алексею Михайловичу. Имя Досалея Сюнчалеева является ключом для интерпретации месторасположения д. Уразаев.

Для реконструкции ранней истории д. Уразаев необходимо обратиться к одному из ключевых событий в истории Западного Приуралья XVII в. – Башкирскому восстанию 1662–1664 гг. В ходе подавления восстания царское правительство решило упрочить свое присутствие в Уфимском уезде и начало строительство новой крепости у реки Бирь – на месте сожженного повстанцами с. Архангельское. С появлением Бирского городка как новой русской крепости в крае царское правительство стало переводить служилых людей в ее гарнизон. Царский указ от 28 мая 1671 г., данный стольнику и воеводе Ивану Тимофеевичу Кондыреву, предписывал отправить в Бирский городок двести человек «в стрелцы на вечное житье» с годовым денежным и хлебным жалованием, таким же, как и у «уфинских старых пеших стрелцов»¹¹. В 1674 г. в Уфу стольнику и воеводе Петру Тимофеевичу Кондыреву был отправлен новый царский указ, по которому местные власти должны были предоставить бирским стрельцам, наравне с уфимскими пешими стрельцами и казаками, «вместо нашего Великого Государя хлебного жалования дать оброчные пашенные подгородные земли»¹². Воевода нашел годную для выделения бирским стрельцам «лишнюю землю» (вместо хлебного жалования) рядом с «поместными дачами» мещераков д. Янмурзино и д. Куткино.

В мае 1674 г. майор Василий Романович Кунингам был отправлен для описания земель уфимских служилых татар. В составленных им отдельных книгах каждому двору служилых мещераков д. Янмурзино и д. Куткино было отведено по 5 «десятин в поле, а в дву по тому же»¹³. В своей отписке в Москву П.Т. Кондырев сообщал, что отвел остальные

⁹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.115. Л.5.

¹⁰ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.7 об.

¹¹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.612. Л.1.

¹² РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.656. Л.1.

¹³ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.838. Л.5.

«лишние земли» бирским стрельцам в размере 679 десятин «паханой и заложной земли»¹⁴. Воевода не забыл упомянуть выгоду для казны от решения о выделении стрельцам и казакам оброчной земли вместо привычной выдачи хлебного жалования: «тем твоей, Великого Государя, казне хлебу прибыль учинилась: то твое, Великого Государя, хлебное жалованье две тысячи восьмьсот чети ржи и овса будет в твоей, Великого Государя, казне, а в даче им, стрелцом, не будет»¹⁵. Из отдельных книг, составленных майором В.Р. Куниным в 1674 г., известно, что «Нанмаска Бизиргенев с товарищи» проживали в д. Куткино в восьми дворах, а в д. Янмурзино в одиннадцати дворах жили «Досалейка-абыз Сюнчалеев с товарищи». Решение местных властей об исполнении царского указа по замене для бирских стрельцов хлебного жалования на «земельную дачу» за счет земель уфимских мещераков породило дальнейшие споры служилых татар с уфимской воеводской администрацией. В июне 1675 г. служилый мещерак д. Куткино Нанмаска Бездергенев попробовал вернуть отобранную у татар землю «по речке Куткине до черного лесу», которая у «бирских стрелцов стала в лишке»¹⁶. На это воевода П.Т. Кондырев ответил, что «мещераки де, Нанмаско с товарищи, бьют челом Великому Государю и называют тое землю, что осталась у стрелцов за дачею, в лишке напрасно»¹⁷ и запретил пахать татарам землю бирских стрельцов, так как «у них де, мещераков, и опричь тое земли не скудно, и пахать есть где»¹⁸.

Еще до «Первой башкирской шатости» в августе 1660 г. крестьянам «села Архангелского Бирю» была отведена земля, которую пахали «деревни Янмурзине прежней их дачи [...] уфинские ж мещераки Уразайко Тохташев с товарищи»¹⁹. Имя Уразая Тохташева из д. Янмурзиной упоминается также в одном из дел Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ) о наделении поместной землей группы служилых татар во главе с Ишем-мурзой и Булаем-мурзой Досаевыми детьми Киреевыми в деревнях Янзигитово и Бикшево²⁰. В первой половине XVII в. мурзы Киреевы, до переселения в Уфимский уезд, проживали в Алатырском уезде в д. Овечий Враг: в 1623–1626 гг. в числе других «кадомских переходцев» Д.Ю. Пушечниковым был переписан Досай-мурза Киреев с поместным окладом в 150 четей земли [3, с.38–39]. В документе от 22 ноября 1649 г. при описании межевого раздела указаны границы земельных пожалований алатырским переходцам с упоминанием гидронима Бирского района РБ: «а та ричка Бисминь смижно д[е]ривни Янмурзин служил[ы]ми татар[ами] с Ураза[й]ком с т[о]ва-

¹⁴ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.30. Л.2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.671. Л.2.

¹⁷ Там же. Л.3.

¹⁸ Там же. Л.4.

¹⁹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.499. Л.1.

²⁰ НА РБ. Ф.И-172. Оп.1. Д.83. Л.265–266 об.

рищи, а то ричка Бисминь устьем впала в Бирь-рику»²¹. Также отмечены две категории жителей д. Янмурзино: черемисы (марийцы) «Кошай Козаков да Елпай Елгаев, да Тулабай Югаев»²² и служилые татары «Уразай Тахтешв и Розвше Аитоганов, да Мурчак Байсемав»²³.

На основании вышеизложенных фактов можно сделать вывод, что д.Уразаево, в которой проживал Досалей Сюнчалеев вместе со своими братьями и товарищами в 1657–1659 гг., изначально была черемисской д.Янмурзино. В 1640-х гг. в деревне поселилась группа служилых татар Уразая Тохташева на основании предполагаемого устного или письменного арендного припуска с владельцами земли. В разные исторические периоды деревня имела два наименования: Янмурзино – по имени черемисского пер-вopоселенца и по названию одноименной реки, а также Уразаево – по имени служилого татарина Уразая Тохташева. Упомянутые в документе НА РБ межевые ориентиры можно соотнести с современными географическими объектами: «ричка Бисминь» – современная река Бисмень Бирского района РБ, протекающая на расстоянии приблизительно трех километров от реки Янмурзино той же района. Ныне она представляет собой небольшую речку на окраинах современного г. Бирска. Ее расположение рядом с рекой Бисмень, а также между крупными реками Бирь и Белая, и по соседству с Бирском, топологически подходит под описание населенного пункта, названного бывшими его жителями как «деревня Янмурзина, что против Бирского городка»²⁴.

Нанмасово. В делах фонда 1173 содержится несколько упоминаний об этой деревне. Например, в одном из дел сообщается о челобитной²⁵ на имя царя Алексея Михайловича, поданной в 1658 г. от живущих по Осинской дороге в д. Нанмасово неверстанных мещеряков Ишейки Ижболдина и Айбулата-мурзы Урмакаева сына Козенбаева стольнику и воеводе А.И. Головину. Челобитчики просили разделить 40 четвертей поместной земли умершего в 1656 г. Досокая-мурзы Янбаева сына Козембаева, который являлся тестем Ишейки и дядей Айбулата. В другом деле содержится упоминание об Айбулате-мурзе Урмакаеве сыне – царская грамота предписывала его в числе других новоприезжих мещеряков, выслать из Уфимского уезда в «те города, ис которых оне городов в Уфинской приехали»²⁶. В еще одном деле имеется челобитная новоприезжего неверстанного мещеряка Уразгилдки Шайсупова, поданная 24 декабря 1658 г. на имя царя Алексея Михайловича, в которой сообщается, что он приехал в

²¹ НА РБ. Ф.И-172. Оп.1. Д.83. Л.265 об.

²² Документ является копией XIX в. с более ранней копии, текст изобилует ошибками и искажениями.

²³ НА РБ. Ф.И-172. Оп.1. Д.83. Л.266.

²⁴ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.130. Л.48.

²⁵ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.475. Л.1–5.

²⁶ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.44–45.

Уфимский уезд в 1657 г., просит разрешения у Государя в д. Нанмасово «жить и дворенком построица, и дать мне о том свою государеву сберегальную память» на срок, пока Уразгилдка поверстается «в службу по Уфе служить»²⁷.

В качестве представителя от служилых татар д. Нанмасово и одного из челобитчиков царю Алексею Михайловичу упомянут Алмашко Янглычев, который «в кликовом списке 165-го и в наличных росписях 166-го и 167-го годов написан»²⁸, т.е. был занесен в список служилых татар, составленный в Уфимской приказной избе в 1657–1659 гг. В этом деле среди других имен служилых татар д. Нанмасово также значится Тойгилдка Янглычев, а также упомянутый выше Ишейка Ижболдин. Из ранних документов известно, что в отдельных книгах Михея Тарбеева 1650 г. записан служилый татарин Янгилдейко Алкаев, который вместе с Ишеичком Янглычевым – всего семь человек из служилых татар – получили «вниз по Белой реке в пашню лишние земли по 20 чети человеку». Служилых татар наделили землей, и «с тое земли Янгилдейку с товарищи велено служба ж служить»²⁹. Следует отметить, что служилым татарам разрешили поселиться на земле «подле помесные данные земли служилых мешчеряков Уразайка Токтамышева с товарищи»³⁰.

Таким образом, следует отождествить упомянутого выше Уразайку Тохташева с Уразайкой Тохтамышевым, а деревню, в которой жил Уразай Тохтамышев вместе с другими служилыми татарами, с д. Уразаво (Янмурзино). Предполагаем, что приехавший в Уфимский уезд Ишеичка Янглычев был братом Тойгилды и Алмаша Янглычевых, а сами Алмаш и Тойгилда могли быть в числе тех семи служилых татар, которые получили землю в Уфимском уезде в 1650 г. и в 1657–1659 гг. проживали в д. Нанмасово. Расположение выделенной Ишеичке Янглычеву и его товарищам пашенных земель «вниз по Белой реке» топологически совпадает с расположением деревень Янмурзино и Куткино. Так, примерно в 5 километрах от речки Ямурзины в том же Бирском районе протекает река Кутькин, от которой «до черного лесу» в XVII в. располагались пахотные земли служилых татар д. Куткино.

Также для понимания роли служилых татар в освоении земель Уфимского уезда представляет интерес личность Нанмаса Бездерганова – лидера служилых татар д. Куткино, безуспешно пытавшегося вернуть в 1675 г. хотя бы часть отобранных уфимской администрацией поместных татарских земель. Одно из первых упоминаний Нанмаса в Уфимском уезде относится к 1649 г., когда Ишей и Булай мурзы Досаевы дети Киреевы получили пашенные поместные земли близ реки Бирь. Вместе с мурзами Ки-

²⁷ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.477. Л.1.

²⁸ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.22.

²⁹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1119. Л.9об. –10.

³⁰ Там же.

реевыми, которых наделили землей по 40 четей, также поверстали 40 четями Досакая-мурзу Янбаева Козенбаева (умер в 1656 г. в д. Нанмасово); по 20 четей получили служилые татары, в том числе Нанмаса Бизрганин³¹. В 1623–1626 гг. Д.Ю. Пушечниковым в той же д. Овечий Враг соседом Досая-мурзы Киреева был записан Биздерган Акбулатов с окладом в 80 четей земли [3, с.38–39]. В 1648 г. («примерно шесть лет тому назад») группа служилых мещеряков Алатырского уезда покинула поместные земли в д. Овечий Враг, среди них упоминается «Йалмаска Бегбездерганов» [5, с.163].

На основании изложенных фактов представляем реконструкцию поэтапного развития д. Нанмасово. Около 1648 г. группа алатырских мещеряков мурз Киреевых, в числе которых значился Нанмас Бездерганов, прибыла в Уфимский уезд и поселилась в районе чувашских или черемисских деревень Янзигитово и Бикшево (в настоящий момент недостаточно данных для точной локализации этих населенных пунктов). В 1649 г. воеводская администрация выделила служилым татарам земельные наделы и поверстала их «в службу по Уфе», а мещеряки перебрались в новое поселение на реке Кутькин. В 1650 г. в Уфимский уезд переселились мещеряки Янгилдей Алкаев и Ишеичка Янглычев, они обосновались в новой татарской д. Куткино, получившей свое второе название в честь лидера локальной группы татар Нанмаса Бездерганова. В 1657–1659 гг. Нанмас Бездерганов не упоминался в числе служилых татар, подавших челобитную на имя царя Алексея Михайловича (возможно, он покинул Уфимский уезд по служебной необходимости или уехал на поместную землю в другой уезд), а в Нанмасовой из группы служилых татар мурз Киреевых остались родственники умершего к тому моменту Досакая-мурзы Янбаева сына Козенбаева. В дальнейшем Нанмас Бездерганов возвратился на свою поместную землю в д. Нанмасово и жил там до тех пор, пока уфимский воевода П.Т. Кондырев со строительством Бирской крепости не отписал «лишние земли» мещеряков бирским стрельцам, а служилые татары деревень Нанмасово и Янмурзино вынуждены были расселяться по деревням служилых татар Уфимского уезда на реке Бирь или покинуть территорию уезда³².

Кулаево. Источников по ранней истории д. Кулаево Бураевского района РБ в фонде 1173 нами не выявлено. В 1720 г. при проведении переписи уфимских служилых татар сын Кулая Акбулатова, основателя д. Кулаево, сотник Имай Кулаев сообщил переписчикам о том, что «дед де ево, Имаев, Акбулат Ишеев, и отец ево, Имаев, Кулай, испомещены были по Уфе по грамоте Великого Государя в давних летах»³³. Первое упоминание этой деревни относится к делу 488, в котором переписаны 6 «дворов» населенного пункта. Лидером группы мещеряков из Кулаево следует считать Кулая Ак-

³¹ НА РБ. Ф.И-172. Оп.1. Д.83. Л.265 об.

³² РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.130. Л.42.

³³ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.115. Л.510.

булатова, который в 1657–1659 гг. не был упомянут в числе челобитчиков от уфимских служилых татар – вместо него в деревне проживал его брат Алёшка Акбулатов. Из материалов Бирской крепостной канторы (ф.615 опись 1, РГАДА) следует, что потомки Кулая Акбулатова из д. Кулаево носили родовую фамилию Биягины³⁴. В 1623–1626 гг. Д.Ю. Пушечников в д. Овечий Враг отметил «Кулана Булатова» («Улая Акбулатова») с поместным окладом в 80 четей земли, а также Ишей-мурзу Семениева с поместным окладом в 130 четей земли [3, с.38–39]. Предполагаем, что Ишей-мурза Семениев из д. Овечий Враг является дедом Кулая Акбулатова. В материалах отказных книг от августа 1634 г. по д. Паре Алатырского уезда (совр. д. Кузьминка Краснооктябрьского р-на Нижегородской области) в качестве свидетеля при земельном межевании был приглашен Акбулат-абыз Ишеев из д. Овечий Враг³⁵, а при межевании 1638 г. свидетелем упомянут Кулай Акбулатов из той же деревни³⁶. Около 1648 г. группа алатырских служилых татар «ушла на Уфу», в их числе был записан «Кулейка Акбулатов» [5, с.163]. На основании данных фактов можно предположить, что переписанный в 1623–1626 гг. Д.Ю. Пушечниковым в д. Овечий Враг Биздерган Акбулатов – брат Кулая Акбулатова, а вероятный сын Биздергана Нанмас, владевший до 1670-х гг. поместной землей в д. Нанмасово (Куткино), – двоюродный брат Имая Кулаева. Таким образом, д. Кулаево, как мы предполагаем, была основана не позднее 1650 г., преимущественно выходцами из д. Овечий Враг Алатырского уезда вместе с такими деревнями уфимских служилых татар, как Нанмасово и Уразаево.

Кулбарисово. Деревня Кулбарисово (совр. д. Сабаево Мишкинского р-на РБ) относится к числу первых поселений уфимских служилых татар на реке Бирь по Осинской дороге Уфимского уезда. Жители деревни во второй половине XVII в. проявляли большую активность в подаче разного рода челобитных в Приказную избу, участвовали в судебном делопроизводстве в качестве свидетелей, ответчиков и обвиняемых, оформляли частные правовые акты, поэтому в РГАДА сохранилось множество различных дел, в которых фигурируют служилые татары д. Кулбарисово.

В 1651 г. башкиры Дуванейской волости заключили соглашение с группой служилых татар (семь человек), по которому они «в вотчинной своей земли на дикое поля и со всеми угоды, и с лесом поселитца из оброку пустили, и крепость на тое землю им дали»³⁷. В обмен на припуск служилые татары «Васка Кулбарисов, Кайбышка Узеев с товарищи» взяли на себя обязательство помогать башкирам Дуванейской волости в выплате «государева ясака» куницами. В дальнейшем жители деревни пустили на арендованную у дуванейских башкир землю группу служилых татар во

³⁴ РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.1308. Л.24.

³⁵ РГАДА. Ф.1209. Оп.2. Д.6511. Л.674.

³⁶ Там же. Л.1151 об.

³⁷ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.130. Л.22.

главе с Нанмаской Ишелеевым (девять человек) из Алатырского уезда. В марте 1657 г., через шесть лет после основания д. Кулбарисово, местные власти взяли отсюда на службу («поверстали») 16 служилых татар и выделили им в пользование «вверх по Бирю-реке, дикова поля пустовой земли и санными покосы»³⁸. Следует отметить, что в пользовании жителей д. Кулбарисово были как арендованные у башкир земли, так и земли, полученные от уфимской администрации в качестве «поместных дач». В июне 1657 г. жители д. Кулбарисово – «нововерстонные служилые мещерки» – подали на имя царя Алексея Михайловича челобитную, в которой просили «с тех отдельных и отказных книг дать выпись»³⁹, обосновав просьбу необходимостью подтверждения своих прав на «дикое поле» д. Кулбарисово с прилегающими к ней угодьями. Уфимская воеводская администрация удовлетворила их просьбу – служилые татары получили владенную выпись с отказных книг, хранившихся в Уфе. В 1658–1659 гг. служилые татары д. Кулбарисово вместе с другими своими товарищами отстаивали сохранение своего сословного статуса и права безъясачного и безоброчного владения землей – сохранились имена глав 14 «дворов» д. Кулбарисово, которых возглавлял Кайбиш Узеев.

События 1660-х гг. в Уфимском уезде стали серьезным вызовом для корпорации уфимских служилых татар. Во время Башкирского восстания 1662–1664 гг. ранее полученная жителями д. Кулбарисово владенная выпись «в прошлом в 1662-м году в Башкирскую шатость утерялась»⁴⁰, лидер группы служилых татар повторно обратился в Приказную избу за получением нового документа. Кайбиш Узеев Карачурин был непосредственным участником «Первой башкирской шатости» и через почти тридцать лет после означенных событий в своей челобитной на имя царей Петра Алексеевича и Иоанна Алексеевича вспоминал, что в те годы находился на службе в Уфимской крепости и вместе с другими служилыми людьми переносил в гарнизоне все тяготы осадного положения⁴¹. Во время восстания 1662–1664 гг. многие служилые татары д. Кулбарисово были убиты или покинули Уфимский уезд: «и после де того [о]сталось с ним, Каибском, товарищей ево только шесть человек»⁴².

Летом 1681 г. на территории Уфимского уезда вспыхнуло новое восстание, получившее название Сеитовщина. Сведения об участии уфимских служилых татар в Сеитовщине разнятся. В документах сохранились упоминания о том, что Кайбиш Узеев и Аюкай Кемеев ездили по Сибирской дороге и призывали «...башкир и всяких иноверцев на воровство, чтобы они шли к вору Сеитку воевать вместе» [1, с.114]. Однако сам Кайбиш

³⁸ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1405. Л.1.

³⁹ Там же.

⁴⁰ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.130. Л.22.

⁴¹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.838. Л.15.

⁴² РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.130. Л.36.

Узеев, вспоминая о своих заслугах перед царями, в октябре 1690 г. в своей челобитной написал: «В 1682-м году [...] я, холоп ваш, вам, Великим Государем, служил и радел во всем, а к ызменником-башкирцом и иным иноверцом к шатости не пристава[л]»⁴³. За свою службу Кайбиш Узеев был пожалован царской «грамотой с прочетом»⁴⁴.

В июне 1675 г. жители д. Кулбарисово – восемь человек – подали в Приказную избу челобитную с просьбой разрешить им пустить на свою землю двенадцать человек из д. Янмурзино (Уразаево) во главе с Маметкой Посморовым. Жители Янмурзино были вынуждены покинуть свои поместные земли по причине строительства Бирской крепости и выделения пахотных земель рядом с татарской деревней бирским стрельцам. В феврале того же года местные власти, опросив местных жителей и измерив пахотную землю татар д. Кулбарисово, разрешили переселение служилых татар Маметки Посморова в д. Кулбарисово на условиях «Великих Государей службы и всякие посылки служить»⁴⁵. В дальнейшем в Уфимский уезд стали возвращаться служилые татары, которые покинули свои старые поместные земли во время «башкирских шатостей». Переселение мещеряков из других уездов, а также перенаселение д. Кулбарисово привели к возникновению земельных и имущественных конфликтов, которые уфимская воеводская администрация разрешала в судебном порядке. В конце XVII в. первопоселенцы д. Кулбарисово и их потомки отстаивали свои права в многостороннем споре с башкирами об условиях земельной аренды.

К 1720 г. при проведении переписи служилых татар Уфимского уезда переписчики зафиксировали в документе деревню «Кулбарисово, Сабаево тож»⁴⁶. В дальнейшем наименование «Сабаево» окончательно закрепилось за д. Кулбарисово. Данный топоним возник, по всей видимости, от имени одного из жителей д. Кулбарисово Миняша Сабаева, который в 1657–1659 гг. жил в деревне вместе с Кайбишем Узеевым и был записан как «Дмитрейко, Миняшко он же, Сафаев»⁴⁷. Многочисленные потомки и родственники Кайбиша Узеева Карачурина к моменту проведения I ревизии 1722 г. продолжали жить в д. Кулбарисово, а Муртаза Кайбишев – сын Кайбиша Узеева – после смерти отца возглавил одну из сотен мещеряков Уфимского уезда.

Байбаково. История появления д. Байбаково в Уфимском уезде тесно связана с историей соседней д. Кулбарисово. В июне 1698 г. родственники башкир Дуванейской волости подали исковую челобитную по поводу земельного спора с жителями мещеряжских деревень на реке Бирь, в которой упомянули, что их дяди «отдали вотчину свою и сенные по[ко]сы, и пашен-

⁴³ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.838. Л.15.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л.13 об.

⁴⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.115. Л.435.

⁴⁷ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.20.

ную землю, и со всеми угодья деревни Кулбарисовы служилым мешчеряком Кайбисю Узееву с товарищи, деревни Байбаковы Байба[ку Ах]мамате[ву] с товарищи»⁴⁸. В ходе разбирательств по этому делу в Уфимской приказной избе был допрошен Кайбиш Узеев. Он сообщил, что «Дуванейские волости башкирцы [...] в вотчинной своей земле по Бирю-реке из оброку поселитца деревням Кулборисовою да Байбаковою, кроме Кемеивой, пустили и запись им дали»⁴⁹. В делах фонда 1173 сохранились сведения о том, что в 1651 г. служилые татары, возглавляемые Байбахтейкой Ахмаматовым, «поселились [...] в Уфинском уезде ввер[х] по Бирю-реке на ключе на Меншем Миязе на диком поле на порозжей земле выше У[рь]яды ключа»⁵⁰. Следует сделать вывод о том, что группы служилых татар деревень Байбаково и Кулбарисово переселились в Уфимский уезд в одно и то же время и оформили с башкирами Дуванейской волости два отдельных договора о припуске. В 1623–1626 гг. Д.Ю. Пушечников зафиксировал в Алатырском уезде «прожиточное поместье жеребей в деревне Мангушеве», в котором проживали вдова Ахмата Салтагазина Еферка с сыном Бейбаком (Бекбайкой), а также со своими родственниками и дворовыми крестьянами [3, с.25–26]. Предполагаем, что отмеченный в д. Мангушево Алатырского уезда Бейбак Ахматов из рода Салтагозиных и основатель д. Байбаково Байбак Ахматов – один и тот же человек.

В феврале 1657 г. мешчеряки д. Байбахтины (Байбаково) – восемь человек – подали в Уфимскую приказную избу прошение об отводе уфимским «отвотчиком» пустых земель рядом со своей деревней и об отказе этих земель им в поместья «против нашей братьи служилых мешчеряков по сколку чети человеку ты, Государь, укажешь»⁵¹. В июне 1657 г. вновь поверстаные служилые татары «Байбахтка Ахматов с товарищи» били челом царю Алексею Михайловичу о том, чтобы Государь «велел с тех отделных и отказных книг дать выписку»⁵² для подтверждения права владения на полученную ранее поместную землю рядом с д. Байбаково – пустую землю под пашню, а также сennie покосы. У жителей д. Байбаково, как и у жителей д. Кулбарисово, остались в пользовании ранее арендованные у дуванейских башкир земли и полученная за службу поместная земля.

В 1657–1659 гг. жители д. Байбаково вместе с другими уфимскими мешчеряками подали совместную челобитную о сохранении своих сословных прав. На тот момент деревня состояла из 10 «дворов», при этом отсутствовал лидер служилых татар Байбахта (Байбак) Ахматов. Стоит обратить внимание на указанного в д. Байбаково мешчеряка Резапку Кулбарисова, который в 1657–1658 гг. был записан «з братом своим родным, с

⁴⁸ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.129. Л.3.

⁴⁹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.130. Л.36.

⁵⁰ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1119. Л.47.

⁵¹ Там же.

⁵² РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1404. Л.1.

Васкою, в Кулбарисове деревне»⁵³, а в следующем году – уже «особою статьею». Этот факт свидетельствует о высокой мобильности служилых татар того периода и близких связях между группами служилых татар д. Байбаково и д. Кулбарисово.

Башкирское восстание 1662–1664 гг. также негативно сказалось на д. Байбаково: «Да у нас же, Аюкая с товарищы, и у Байбахты от Башкир[ской] воины розъехались в Низовые уезды сродичи и таварыщы наши»⁵⁴ – так в 1671 г. было охарактеризовано общее состояние д. Байбаково через несколько лет после завершения «Первой башкирской штатости». Постепенно старые жители д. Байбаково, как и в случае с д. Кулбарисово, стали возвращаться в Уфимский уезд на свои поместные земли. Перенаселение, земельные споры старых жителей и новоприезжих мещеряков («нови-ков»), а также «иски башкир» о праве владения землей вынуждали уфимскую воеводскую администрацию вмешиваться в дела служилых татар и разрешать конфликты часто посредством высылки тех мещеряков, которые не могли документально подтвердить свое право на поместную землю: «лишних мещеряков, которые поселились после отводу, выслать вон для того, что меж башкирцы бывают многие ссор[ы]»⁵⁵. К 1720 г. д. Байбаково продолжала существовать и числилась в сотне Муртазы Кайбишева, а проблема перенаселения решалась переселением части жителей на новые территории. В настоящий момент д. Байбаково носит наименование Баш-Байбаково и располагается на территории Мишкинского района РБ.

Байбюрино. Существует несколько мнений относительно точной то-пологии д. Байбюрино на территории Республики Башкортостан. Считается, что эта деревня была основана в первой половине 1650-х гг. В 1657–1659 гг. деревня насчитывала 5 «дворов», группу служилых татар возглавлял Байбюрка Тинатыров. В 1693 г. сын Байбюрки Тинатырова Килмай Байбюрин со своими товарищами получил на правах аренды земли у башкир Таныпской волости: «отдали [...] вотчину свою и впредь вечно речку Карыш и с озерами, и под пашню земли, и сенные покосы»⁵⁶. На основании правопреемства Килмая Байбюрина своему отцу предполагается, что д. Карыш тождественна д. Байбюрино. В настоящий момент в делах фонда 1173 и других фондов не выявлены сведения, позволяющие реконструировать ранние годы существования деревни, тем не менее, возможно, д. Байбюрино располагалась на территории современного Бураевского района – недалеко от деревень Кулаево и Секияды. Такое предположение основано на том, что в деле 488 сохранился порядок перечисления населенных пунктов мещеряков по сотням и в целом соответствовал их географической топологии.

⁵³ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.27.

⁵⁴ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1370. Л.3.

⁵⁵ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.130. Л.29.

⁵⁶ РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.12131. Л.70–71 об.

Секияды. Эта татарская деревня являлась одной из самых крупных в Уфимском уезде в 1657–1659 гг. – в ней было зафиксировано 22 «двора» служилых татар. Обращает на себя внимание тот факт, что почти все «дворы» служилых татар записаны с пометкой «написан в Четвертакове деревне», а в части, касающейся д. Ишмаево, у всех «дворов» служилых татар стоит пометка об их записи «в наличных росписях» в д. Четвертаково. Также в д. Секияды среди жителей указан Янбулатко Четвертаков, переписанный в 1657/58 гг. «в Четвертакове деревне с отцом своим». В одном из дел фонда 1173 упоминается поверстание служилого мещеряка д. Секияды Четвертачка Даишева поместным окладом в размере 150 четей в 1649–1650 гг.⁵⁷. Само же дело является челобитной от 2 мая 1662 г. уфимских служилых татар Уляйки Янборисова и его сына Ибрагимки Уляева о поверстании поместным и денежным окладами. Стольник и воевода Уфимского уезда Федор Иванович Сомов удовлетворил просьбу челобитчиков: «велел Уляйку Янборисову поместного окладу учинить сто тридцать чети, сыну иво Ибраимку – сто дватцать чети»⁵⁸. В д. Секияды в 1657–1659 гг. упоминается Мамачко Янборисов, записанный «з братом своим, Уляйком, вместе»⁵⁹. Из данных документов становится понятно, что д. Секияды в XVII в. носила двойное название – гидротопоним по реке Сикийз, а также антропотопоним по имени локального лидера служилых татар Четвертака Даишева. В материалах Бирской крепостной конторы мы находим родовую фамилию Ибрагима (Ибрая) Улеева – Бурлаков. В 1702 г. он проживал уже в д. Ибраево Казанской дороги Уфимского уезда⁶⁰.

В документах XVIII в. (ревизские сказки) также можно проследить развитие топонима д. Секияды. В ревизской сказке 1747 г. переписана деревня служилых мещеряков «Четвертакова, что на речке Секиязе»⁶¹, а ранее, при проведении I ревизии 1722–1723 гг., на реке Секийз записана деревня служилых татар – Улеево⁶². Кроме того, на реке Секийз в сказках I и II ревизий упоминаются ясачные татары д. Улеево, а в сказках III ревизии они уже переписаны в населенном пункте «Берляч Улеево, что на речке Сикийзе»⁶³. Следовательно, делаем вывод о трансформации топонима д. Секияды в XVII–XVIII в.: деревня была основана не позднее 1650 г. группой мещеряка Четвертака Даишева на реке Секийз, получила двойное наименование Секияды или Четвертаково. В 1650-е гг. в деревню переселились Мамачко и Уляй Янборисовы. Уляй Янборисов, по своему статусу немного уступавший Четвертаку Даишеву (если судить о пожаловании его

⁵⁷ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.548. Л.5.

⁵⁸ Там же. Л.6.

⁵⁹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.33.

⁶⁰ РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.1301. Л.28 об.

⁶¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3792. Л.797–798.

⁶² РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.178. Л.132 об.–133 об.

⁶³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3806. Л.131–131 об.

поместным окладом), возглавил местных мешеряков – населенный пункт стал называться его именем. В дальнейшем служилые татары разрешили поселиться на своей земле ясачным татарам – так возник отдельный топоним «Берлячево». В Бураевском районе РБ можно найти как д. Берлячево, так и д. Улеево на реке Улеевой (новое наименование реки Секияз).

Ишмаево. Деревню Ишмаево следует считать дочерней по отношению к Четвертаково-Секиядам – этот населенный пункт возник в 1658–1659 гг. В 1656–1657 гг. татарская группа «новоприезжих неверстаных новиков» Ишмайки Алпаева подала уфимскому воеводе челобитную, в которой они указали, что «приехали де они и товарищ их Тохмаметко Уракчеив в Уфинской уезд службу служить из розных городов, а в ясаке д[е] они нигде не бывали, служилых де они отцов дети»⁶⁴. Отсутствие поместного оклада ставило «неверстаных новиков» в сложное положение: «а н[ыне] де они скитаютца межъ двор, а земл[ею] помесной им не дано»⁶⁵ – так охарактеризован в источнике период проживания группы служилых татар в д. Четвертаково. Ишмайка Алпаев в своей челобитной просил у воеводы разрешения «поселитца в Уфинском уезде на своем, Государеве, на диком поле на речке на Сулье з Баргацкого устья вверх по обе стороны речки Сульи до Ольховова врашка, а с Ольховова врашка до ржавцу, а со ржавца на вершину Авдереш-речки до черново лесу, да вниз по Авдерешу-речки по обе сторону до Сибирского мостку, что на Сибирской дороге, а с тово мостку на тож Барлацкое устья»⁶⁶, а также вести хозяйственную деятельность на пожалованной земле (вырубать лес для строительства построек и для заготовки дров, добывать луб). Воевода Афанасий Самойлович Нарбеков, рассмотрев челобитную, велел новиков «в службу поверстать, потому что они служилых отцов дети и в ясак[е] де нигде не бывали»⁶⁷. Воевода велел служить им без денежного оклада, а после проверки указанного в челобитной участка земли разрешил татарам на нем обосноваться и получить «владельную память» на землю.

Ишмай Алпаев в дальнейшем жил в основанной им деревне. Так, в марте 1690 г. уфимскому воеводе Ивану Андреевичу Толстому на имя царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, а также на имя царевны Софьи Алексеевны была подана челобитная от служилого татарина Уфимского уезда Осинской дороги д. Муллино Ермаметки Тохтарова, в которой он просил отдать ему «усад и хоромное строение и пахатную землю, и сенные покосы», оставшиеся после его умершего дяди Бикмамета Ямбаева в той же д. Муллино⁶⁸. Ермаметка жаловался царям и царевне, что после смерти дяди Бикмамета Ямбаева, у которого не осталось других наследни-

⁶⁴ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1119. Л.10.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л.8.

⁶⁷ Там же. Л.13.

⁶⁸ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1060. Л.2.

ков кроме Ермаметки, пашенными землями и сенными покосами «владеют тое деревни жители, мешеряки ж, Ишмай Алмаев с товарищи». После подтверждения родства Ермаметки Тохтарова и Бикмамета Янбаева воевода И.А. Толстой передал пашни и покосы законному наследнику. Данный факт свидетельствует о том, что во второй половине XVII в. д. Ишмаево стала называться «Муллино» – в деле 488 вместе с Ишмаем Алпаевым в д. Ишмаево был записан и Бекмаметка Янбаев. Также тождество д. Муллино Бураевского района РБ с д. Ишмаево из дела 488 подтверждают гидронимы, указанные в межевом описании земли, отведенной на поселение Ишмаю Алпаеву и его товарищам: «речка Сульи» – река Сюльзи.

Базы. Деревня Базы указана как самая малая из перечисленных поселений служилых татар в 1657–1659 гг. (всего в деревне переписано 4 «двора»). В делах фонда 1173 обнаружены материалы о раннем этапе развития д. Базы. 26 июня 1656 г. на имя царя Алексея Михайловича была подана уфимскому воеводе челобитная от служилого татарина Ирмаметки Исенгулова, в которой он сообщал, что «служил де дед и отец иво Государю по Казани, и он де приехал в Уфинской уезд, тому ныне де пять лет, и государеву службу с приезде своего служит на Уфе с своею братьею»⁶⁹. Ирмаметка указал, что его имя и имя его «братьи» записано в кликовом списке, но отсутствует в «книгах» (т.е. татарам не выделена в поместье земля), поэтому служилым татарам «всяких чинов русские люди [...] чинят продажи и убытки болшие»⁷⁰. Прошение челобитчиков было удовлетворено, царь Алексей Михайлович дал свой указ, по которому разрешалось д. Базы «служилому тотарину Ирмаметку Исенгулову сь иво братею, с татары, служба служить ровно с пашенные земли, а не з денежного окладу»⁷¹, в том числе свободно вести хозяйственную деятельность на полученной поместной земле. В челобитной от 19 июля 1656 г. жителя д. Базы Чорайки Богданова указано, что он «служилой неверстаной татарин Уфинского уезду, Казанской дороги, деревни Базы», а также, что «дед и отец, и братья мои служилыми татары вместе по Темникову городу, а в твоём государеве ясаку нигде не бывали»⁷². Чорайка просил царя написать его в «государеву службу» и позволить ему служить «з базинскими с служилыми татары вместе з земли», а также просил разрешения вступить в право совместного владения землей. Челобитная Чорайки Богданова была удовлетворена и в деле 488 его имя можно увидеть в списке жителей д. Базы.

Топоним «Базы» является одним из характерных примеров переноса наименования реки на название деревни – «Базу» следует связывать с рекой

⁶⁹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1119. Л.26–27.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л.27.

⁷² Там же. Л.39.

Яубазы, протекающей в Дюртюлинском районе РБ, а современное название этого населенного пункта – с. Казакларово того же Дюртюлинского района. Название «Базы» сохранялось вплоть до начала XVIII в., пока не было вытеснено синонимом сословного статуса служилых татар – казак. Так, 7 ноября 1701 г. в Уфимской крепостной конторе была составлена заемная кабала: житель «Казанские дороги, деревни Евбозы, Казакларова тож» татарин Айбулат Шабулатов занял шесть руб. у Якова Ядрина – приказчика чебоксарского посадского человека Афонасия Проскурякова⁷³ В сказках I и II ревизий название этой деревни служилых татар записано как «Казакларова, что на речке Евбазе»⁷⁴.

Итак, в результате топонимического и топологического анализа архивных документов были реконструированы ранние этапы развития во второй половине XVII в. одних из первых поселений служилых татар на территории современной РБ. Деревни были основаны служилыми татарами, переселявшимися в Уфимский уезд из разных уездов Российского государства. С 1640-х гг. Уфимский уезд стал представлять особый интерес для татар в качестве места несения «всяких Великого Государя служб», а широкая география уездов – мест их постоянного проживания до переселения – говорит о налаженной коммуникации и способности к эффективному взаимодействию различных уездных корпораций служилых татар для совместного достижения общих целей.

При изучении ранней истории служилых татар в Уфимском уезде представляют особый интерес деревни мешеряков в бассейне реки Бирь (Уразаево, Нанмасово, Кулбарисово, Байбаково). В беспокойный период «башкирской измены» (в 1662–1664 гг.) уфимские служилые татары этих деревень были частично перебиты или во время осадного сидения в Уфимской крепости «всякую нужду терпели», или «в ыные уезды розбрелись»⁷⁵. Решение царского правительства о создании Бирской крепости на месте сожженного бунтующими башкирами русского с. Архангельское и переселение в ее гарнизон стрельцов негативно сказались на существовании татарских деревень, расположенных недалеко от Бирской крепости. У мешеряков деревень Янмурзино (Уразаево) и Куткино (Нанмасово) воеводская администрация отобрала «лишнюю пахотную и заложную» земли и отказалась компенсировать им земельные потери. Новые условия жизни не устроили жителей этих деревень – «и той помесной земли скудно, и кругом стали поля русских людей биринцов, и сенных покосов и всяких угодей нет»⁷⁶. Поэтому служилые татары предпочли покинуть свои старые поместные земли и переселиться в д. Кулбарисово (Сабаево). Потеря пахотных земель подорвала доверие служилых татар к местной воеводской

⁷³ РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.12130. Л.46.

⁷⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.178. Л.152–153; Д.3792. Л.166 об.–176.

⁷⁵ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.130. Л.36.

⁷⁶ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.838. Л.2.

власти, что, скорее всего, подтолкнуло их к активным действиям во время следующего башкирского восстания (в 1681–1684 гг.), охватившего всю территорию Уфимского уезда.

В 1690-х гг. ранее проживавшие в деревнях Янмурзино и Нанмасово служилые татары и их потомки, в силу малоземелья и конфликтов, вновь начали искать свободные земли для поселения: некоторые из них продолжили миграцию на территорию современных восточных районов Республики Башкортостан (с. Большая Ока Мечетлинского р-на РБ), а другие в 1693 г. обосновались на реке Карыш в одноименной деревне (с. Нижнекарышево Балтачевского р-на РБ). В д. Карыш переселились потомки Досалея Сюнчалеева и его братьев, а вместе с ними мурзы и служилые татары Уфимского, Свияжского и других уездов – Карачурины, Бикбулатовы, Бурндуковы, Булгаковы, Барышниковы и другие роды мещеряков.

Большую устойчивость в развитии продемонстрировали такие населенные пункты служилых татар Уфимского уезда, как д. Кулаево, д. Кулбарисово (Сабаево), д. Байбаково. В настоящее время деревни Улеево и Муллино (Бураевский р-н РБ) и с. Казакларово (Дюртюлинский р-н РБ), несмотря на топонимическую трансформацию, продолжили существование и развитие в XVIII–XIX вв. и сохранились на местах своего первоначального основания до наших дней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. 224 с.
2. Владимиров О.О., Исхаков Р.Р. Новые источники по истории татарской колонизации Приуралья середины XVII в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2023. №4. С.83–98.
3. Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века) / сост.: В.Д. Кочетков, Н.В. Заварюхин, С.В. Видяйкин, М.М. Акчурин. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 400 с.
4. Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1870. 269 с.
5. Орлов А.М., Файзуллин А.М. Навеки вместе: в 2 кн. Кн. 2. М.: СиВиДжи, 2012. 224 с.
6. Тольц В.С. Документация массовых отводов конца XVI – начала XVII вв. как исторический источник (по материалам отводных книг по г. Уфе) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974. С.43–50.

Информация об авторе:

Мухамадеев Денис Радикович – исследователь (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0009-0002-7412-2599; e-mail: denis-muhamadeev@inbox.ru

Поступила 01.08.2025

Принята к публикации 18.08.2025

Topology and toponymy of the first settlements of the service Tatars (Meshcheryaks) in the Ufa district in the 17th century

D.R. Mukhamadeev

Researcher

Moscow, Russian Federation

This article examines the early stages of the development of the first settlements of the Meshcheryaks (service Tatars, natives of the Meshchersky region) in the Ufa district in the 17th century. Beginning in the 1640s, a permanent network of settlements belonging to the Tatar service corporation began to form in the Ufa district. In the second half of the 17th century, the Ufa service Tatars faced a number of external challenges. Despite these unfavorable conditions, they were generally able not only to preserve their settlement structure but also to continue its development. The primary sources used in this study were materials from the Russian State Archive of Ancient Acts and the National Archives of the Republic of Bashkortostan. The study allowed us to reconstruct the topology and toponymic development of the first settlements of service Tatars founded in the 17th century in Ufa district. The novelty of the study lies in its presentation of a model for the formation of toponyms for service Tatars settlements in Ufa district, the reconstruction of the early stages of the settlement network of service Ufa Meshcheryaks, and the description of the migration processes of service Tatars within the county in the 17th century.

Keywords: migration processes, service Tatars (Meshcheryaks), Bashkirs, Ufa district, Alatyrsky district, Meshchersky region

For citation: Mukhamadeev D.R. Topology and toponymy of the first settlements of the service Tatars (Meshcheryaks) in the Ufa district in the 17th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.21–41. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.21-41> (In Russian)

REFERENCES

1. Akmanov I.G. *Bashkir uprisings of the 17th – early 18th centuries*. Ufa: Kitap Publ., 1993. 224 p. (In Russian)
2. Vladimirov O.O., Iskhakov R.R. New sources on the history of the Tatar colonization of the Urals in the middle of the 17th century. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2023, no.4, pp.83–98. (In Russian)
3. *Mordovian frontier in the mirror of administrative statistics (first quarter of the 17th century)*. Compiled by V.D. Kochetkov, N.V. Zavariukhin, S.V. Vidyakin, M.M. Akchurin. Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia Publ., 2017. 400 p. (In Russian)

4. Novikov V.A. *Collection of materials for the history of the Ufa nobility*. Ufa, 1870. 269 p. (In Russian)

5. Orlov A.M., Fayzullin A.M. *Together forever: in 2 books*. Book 2. Moscow: SiViGi Publ., 2012. 224 p. (In Russian)

6. Tolts V.S. Documentation of mass land allotments of the late 16th – early 17th centuries as a historical source (based on materials from allotment books for the city of Ufa). *Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe*. 1971. Vilnius, 1974. Pp.43–50. (In Russian)

About the author:

Mukhamadeev Denis Radikovich – Researcher (Moscow, Russian Federation);
ORCID: 0009-0002-7412-2599; e-mail: denis-mukhamadeev@inbox.ru

Received August 1, 2025

Accepted for publication August 18, 2025

УДК 94(470.4)"1693"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.42-60>

Из истории воеводского управления в Среднем Поволжье:
1693 год

Д.В. Басманцев

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Российская Федерация*

В статье представлены воеводы, управлявшие в 1693 г. в городах и уездах Среднего Поволжья. Автор на основе сборников документов и архивных материалов провел анализ состава местных правителей, охарактеризовал основные направления их деятельности, выявил изменения полномочий воевод. Изучение практики службы воевод в полиэтническом и поликонфессиональном Волго-Сурском регионе позволяет обратить внимание на некоторые особенности местного управления и его взаимодействия с центральной властью.

Ключевые слова: воеводы, служилые люди, дьяки, правительственная политика, Среднее Поволжье, местное управление

Для цитирования: Басманцев Д.В. Из истории воеводского управления в Среднем Поволжье: 1693 год // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.42–60. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.42-60>

В отечественной историографии вопросы функционирования системы местного управления XVII в. нашли отражение в научных трудах, посвященных проблеме развития российской государственности. Правительственная политика и деятельность региональных учреждений в Среднем Поволжье в историческом ракурсе не раз становились предметом исследований, в том числе история воеводского управления XVII столетия. В изучение данной темы большой вклад внесли историки В.Д. Дмитриев, И.П. Ермолаев, А.Г. Иванов, В.Д. Кочетков, Е.П. Кузьмин и др. [3; 6; 7; 8; 9; 12; 13; 15].

Отдельно следует остановиться на справочнике «Воеводы, приказчики городов, засечных черт и дворцовых вотчин Русского государства 1693–1703 гг.», который увидел свет в 2023 г. благодаря кропотливому труду В.Д. Кочеткова [2]. На основе документальных материалов Российского государственного архива древних актов он представил сведения о лицах, несших в конце XVII – начале XVIII в. службу в 420 административных центрах Русского государства. Примечательно, что составитель активно использовал до сих пор слабо введенные в научный оборот уникальные записи из пошлинных книг Печатного приказа. Особую ценность

для исследователей представляют списки воевод по городам и пригородам Среднего Поволжья. Они дополняют сведения о личном составе воевод, опубликованные в дореволюционных работах А.П. Барсукова, В.Д. Корсаковой, П.Л. Мартынова, С. Порфирьева, А.А. Гераклитова [2; 5; 11; 16, с.365–369; 17].

Во второй половине XVII в. со строительством городов и укрепленных линий, освоением территории «дикого поля» быстро менялась административная карта Средневолжского края. Возрастало значение городов-крепостей Саранска, Симбирска, Инсара и ряда других военных укреплений. По данным Д.В. Фролова, в 1651 г. Саранск стал административным центром нового уезда. Вскоре, в 1653 г., саранский воевода управлял всей Саранской чертой и крепостями-острогами по ней – Шишкеевской, Инзерской, Атемарской, а также крепостями вновь построенной в конце 40-х – начале 50-х гг. XVII в. Карсунской черты [19, с.19]. Еще одним важным стратегическим городом стал Симбирск с пригородами. По этому поводу П.Л. Мартынов писал: «Административное значение города Симбирска с первого времени его существования было для того времени весьма значительное, потому что в нем сосредоточивалось управление не только городом, но и уездом... в него входили города, имевшие своих воевод» [16, с.13–14].

По сложившейся практике воевод определяли на два года. Процедура назначения инициировалось прошением кандидата на воеводство, после чего происходил отбор достойного данной должности. По справедливому заключению В.Д. Кочеткова, в основные центры посылались люди самого высокого ранга, а местные же служилые люди конкурировали за место воеводы более мелкого населенного пункта [3, с.12].

В 1693 г. в понизовых городах, за исключением Васильсурска, который не имел уездного населения, на службе находились в основном стольники (см. таблицу 1). При этом следует отметить особый статус у Казани и Симбирска, на что указывает социальный статус воевод. В Казани воеводами были боярин П.А. Лопухин Большой и ближний стольник князь Д.Г. Черкасский, в Симбирске – думной дворянин И.С. Ларионов [16, с.368].

В книге Печатного приказа в феврале 1693 г. сообщалось, что вместе с воеводами князем Д.Г. Черкасским и И.Б. Приклонским в Казани должен продолжить службу дьяк Никифор Иванов сын Зайцев [3, с.136]. В августе того же года было велено: «Дьяка на Микифорово место Зайцова быть дьяку ж Павлу Мухину, а переменить генваря в 20-м числе 202[1694]-го году, а до тех мест сидеть ему с ним же столником в приказной полате и ведать денежную и хлебную доимку, и подьячих считать, и дать ему стоялой двор»¹. По сведениям С. Порфирьева, в 1694 г. дьяк Павел Михайлов сын Мухин приступил к должностным обязанностям. В Казанской палате

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.233. Оп.1. Д.336. Л.47.

дьяком также являлся Пантелей Кондратов [17, с.69]. В записях пошлинных книг Печатного приказа всех вышеуказанных должностных лиц, за исключением первого воеводы, поименно не называли: «В Казань к ближнему столнику и воеводам ко князю Данилу Черкасскому с товарыщи»².

Таблица 1

Список городовых воевод, служивших в Среднем Поволжье в 1693 г.

Города	Воеводы	Чины
Алатырь	Сомов Кирилл Парфеньев сын	стольник
Васильсурск	Дубенский Любим	–
Инсар	Поливанов Иван Федоров сын Синбугин Андрей	стольник –
Казань	Лопухин Петр Авраамович Большой Черкасский Данила Григорьев сын Приклонский Иван Богданов сын	боярин ближний стольник, князь стольник
Козьмодемьянск	Арцыбушев Иев Демидов сын	стольник
Кокшайск	Головнин Григорий Павлов сын	стольник
Курмыш	Засекин Иван Степанов сын	стольник
Самара	Полуектов Григорий Никитин сын	стольник
Саранск	Бестужев Иван Петров сын	стольник
Саратов	Усов Андрей Лаврентьев сын	стольник
Свияжск	Арсеньев Дмитрий Федосеев сын Полтев Иван Васильев сын	стольник стольник
Симбирск	Ларионов Иван Семенович	думный дворянин
Сызрань	Ларионов Петр Прокофьев сын	стольник
Царевококшайск	Зыбин Михаил Астафьев сын	стольник
Царевосанчурск	Полтев Михаил Иванов сын	стольник
Цивильск	Кругликов Василий Петров сын Никифоров Иван Протасьев сын	стольник стольник
Чебоксары	Вяземский Федор Яковлев сын	стольник, князь
Ядрин	Козловский Яков Андриянов сын	стольник
Яранск	Мошков Павел Тихонов сын	стольник

Составлено по: [3, с.45, 69, 83, 132, 136, 161–162, 182, 273, 275, 278, 279, 285, 301, 338–340, 342, 344, 361, 364].

Дьяками в Свияжске были Макар Полянский [17, с.74] и Дмитрий Шапкин (с июня 1693 г.)³, Симбирске – Викула Богданчиков⁴. В 1693 г. подьячим с приписью служили: в Алатыре – Василий Волоцкий⁵, в Козьмо-

² РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.48.

³ Там же. Л.30 об., 189 об.; Д.335. Л.254; Д.337. Л.32.

⁴ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.27; Д.337. Л.32 об.

⁵ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.11; Д.335. Л.333.

демьянске – Иван Клочков (до января 1693 г.) [1, с.256] и Дмитрий Иванов⁶ [10, с.117, 120–121], в Саранске – Василий Дмитриев («велено в Саранску быть... подъячому Василию Дмитриеву с приписью по-прежнему»)⁷. На аналогичной должности в Царевококшайске находился Абрам Алферов⁸, в Царевосанчурске – Июда Руднев⁹, в Цивильске – Иван Бирин (до сентября 1693 г.) и Иван Федоров («велено приказу Казанского дворца подъячому Ивану Федорову быть в Цивилску с приписью подъячего на Иваново место Бирина»)¹⁰, в Чебоксарах и Ядрине – Федор Юрьев¹¹ [20, с.198, 200, 203] и Илья Ульянов («велено Приказу Казанского дворца подъячому Илье Ульянову быть в Ядрине подъячим с приписью»)¹² [18, с.402–404].

По данным В.Д. Кочеткова, в 1693 г. воеводы служили в 24 пригородах Казани, Симбирска, Саранска и Инсара (см. таблицу 2). Порой, не дожидаясь окончания действующего срока воеводской службы, кандидаты на воеводство заранее подавали челобитные на занятие этой должности. В августе 1693 г. в адресованной симбирскому воеводе указной грамоте сказано, что «в Корсуни Леонтию Шубину, покамест ему два года исполнитца, а Ивану Резванову переменять не велено»¹³. Аналогичные решения были вынесены в отношении «ведавших» «по Корсунской черте на Аргаше» князя Семена Чегодаева и «по Синбирской черте в Ерыклинску» Василия Суботина. Претенденты на их места Андрей Андреевич Подбельский и Василий Данилович Кольцов должны были дожидаться окончания двухлетнего срока¹⁴. Своей очереди ждал стольник князь Семен Тимрале-ев сын Кашаев, утвержденный на службу в Билярск за принятие крещения [3, с.69].

Центральная власть всегда держала деятельность воевод под контролем, иногда внося свои коррективы. Скажем, в январе 1693 г. в Алаты к воеводе и стольнику И.В. Протопопову была отправлена грамота, по которой ему разрешалось осуществлять суд и расправу над русскими, татарами и черемисами Алатской и Галицкой дорог «против ево братии прежних воевод» [3, с.44]. Воевода Кузьма Иванович Левашов, сменив Алфера Челищева, должен был «ведать к Тетюшам села и деревни»¹⁵, а вышеуказанный А.А. Подбельский в Аргаше – «Слободу Пятину Каменного броду» [3, с.51]. Назначаемый на воеводство в казанский пригород Новошеш-

⁶ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.338 об.

⁷ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.39 об.; Д.335. Л.73 об.

⁸ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.336. Л.288 об.

⁹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.339 об.

¹⁰ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.41 об.; Д.335. Л.346 об.

¹¹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.131, 160.

¹² Там же. Л.124 об.

¹³ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.389.

¹⁴ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.363 об.; Д.335. Л.190 об.

¹⁵ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.336. Л.347 об.

минск Данила Неклюдов обязался ведать «новошешминских жителей как
преж сего ведали»¹⁶.

Таблица 2

**Список воевод пригородов Казани, Симбирска,
Саранска и Инсара в 1693 г.**

Пригороды	Воеводы
<i>Казанские пригороды:</i>	
Алаты	Протопопов Иван Васильевич
Арск	Ваторопин Игнатий
Биярск (Булярск)	Нармацкий Наум Кашаев Семен Тимралеев сын
Заинск	Шипов Степан
Лаишев	Юров Емельян
Малмыж	Танеев (Тонеев) Андрей Трефилов сын
Мензелинск	Арсеньев Василий
Новошешминск	Ломоносов Федор
Оса	Кро Захарий (Елизарьевич)
Старошешминск	Глухов Иван
Тетюши	Челищев Алфер
Тиинск	Козлов Федор
Уржум	Челищев Артемий Иванов сын
<i>Саранские пригороды</i>	
Инзерский острог	Бекорюков Петр
Шечкеевский острог	Сколков Лев
<i>Инсарский пригород</i>	
Потишевский острог	Юрьев Михаил
<i>Симбирские пригороды</i>	
Арбуга	Елагин Герасим
Аргаш	Чегодаев Семен Иваналеев сын
Белый Яр	Лопатин Василий
Ерыклинск	Суботин Афанасий
Карсун	Шубин Леонтий
Тагаев	Енголычев Иван Матвеев сын
Тальск (Тальский острог)	Олесов Тихон
Юшалск (Юшанск)	Чуфаров Петр

Составлено по: [3, с.44, 50, 51, 53, 67, 69, 121, 122, 132, 145, 185, 196, 200, 222, 249, 295, 304, 306, 312–313, 328, 355].

В дворцовые села Среднего Поволжья также назначались воеводы. К примеру, в 1693 г. в с. Воскресенское, Мансурово тож, Казанского уезда на воеводстве состоял Иван Михайлович Алексеев, на место которого претендовал князь Иван Петрович Ухтомский. При этом в августе 1693 г. вое-

¹⁶ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.336. Л.49 об.

воде И.М. Алексееву указывалось, чтобы тот дослужил свой срок, а казанцу Михаилу Кононову «в том селе быть не велено» [3, с.98]. В с. Лебяжье Казанского уезда находился на воеводстве стольник князь Зиновий Борисович Заманов [3, с.188]. В декабре 1693 г. его известили, что по истечению двух лет сюда будет направлен «за службы» стольник Яков Иванович Арцыбушев. Последний должен был ведать «к селу Лебяжью Кирчанскую волость да село Красную Изголовь»¹⁷. Казанские воеводы узнали, что за ратную службу и ранения, а также за нахождение в плену назначен «воеводою в казанском дворцовом селе Тресвяцком, Елабуга тож, з деревнями» подполковник стольник Денис Афанасьевич Гурьев¹⁸. Будными становились Арзамасского, Алатырского и Темниковского уездов управлял воевода стольник Иван Перфильевич Макшеев, а селом Рождественское Самарского уезда – стольник Иван Федорович Тарбеев [3, с.250, 260]. В дворцовом с. Теньки Свияжского уезда на воеводстве находился московский дворянин Артемий Михайлович Исаков. После пожалования в вотчину данного села кравчему К.А. Нарышкину А.Исакова перевели в с.Едигерево¹⁹.

Среди воевод, дьяков и подьячих с приписью были лица, имевшие немалый служебный опыт. Например, чебоксарский подьячий с приписью Федор Юрьев. Его карьера на административной должности обязана художественному искусству. Начиная с 1670/71 г. он писал иконы и портрет царя Алексея Михайловича, участвовал в оформлении «Титулярника» и миниатюр лицевого Евангелия. За свою работу «золотописец и живописного дела мастер» жалование получал в Иноземском и Посольском приказах, затем – Оружейной палате. В 1690 г. за свои заслуги Ф.Юрьев получил должность подьячего с приписью в Чебоксарах. Здесь он находился до 1694 г., когда его сменил подьячий Поместного приказа Иван Палицын [14, с.228–229, 231, 239].

Вышеупомянутый стольник князь З.Б. Заманов (кызылбашенин Сапейка Заманов) был выходцем из Персии, в конце 1680-х гг. принял крещение, что открыло ему дорогу для продвижения по административной лестнице. В 1695 г., после воеводства в с.Лебяжье, он был направлен приказчиком в с.Даниловское Казанского уезда [3, с.38–39]. До назначения воеводой в Алатырь К.П. Сомов являлся стольником двора царицы Натальи Кирилловны. В 1680-х гг. он находился во дворце при встречах по слов, обедах, поездках царя и царицы в монастыри [12, с.176].

Вопросы согласования и назначения кандидатов на различные должности, обеспечения денежным и поместным жалованием, урегулирования споров по служебной деятельности решались преимущественно в Приказе Казанского дворца и других центральных государственных учреждениях.

¹⁷ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.487.

¹⁸ Там же. Л.376 об.

¹⁹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.346 об.

Как видно из записей в книгах Печатного приказа, в скором времени местным властям сообщалось о принятых решениях, в частности, по рассмотрению дел приказных слугителей, толмачей, военных людей.

После рассмотрения челобитной подьяческого сына Алешки Копцова его назначили подьячим в губном столе Алатырской приказной избы²⁰. Козьмодемьянский воевода М.Челищев получил указную грамоту, по которой в штате приказной избы должен был состоять подьячий Приказа Казанского дворца Алексей Киндяков. При этом оговаривалось, чтобы быть ему «в подьячих в прибылых или на убылое место и великих государей жалованья давать... из убылых окладов, которые убылые подьяческие оклады будут»²¹. На место умершего подьячего Василия Решетова в Тагаевскую приказную избу был принят площадной подьячий Федор Романов²². Подьячий Царевококшайской приказной избы Андрей Виногоров был записан в окладную книгу с определением поместного оклада в 250 четей²³.

Служители приказных изб старались передать свое дело сыновьям, которые претендовали на отцовское поместное и денежное жалование. Так, в Москве, изучив челобитную Симбирской приказной избы подьячего Григория Лохова, решили: «ему, Григорью, быть в Симбирску в приказной избе в подьячих на место отца ево, Семена Лохова, и оклад ево, Семенов, 5 рублей справить ему, Григорью, и тот оклад давать ему с ево братьею в равенстве»²⁴.

Незамещенное место бывшего «коллеги по цеху» нередко становилось поводом для распределения его жалования среди сослуживцев. Так, денежный и хлебный оклад подьячего Симбирской приказной избы Леонтия Богданова в сумме «15 рублей с полтиною» стал считаться «убылым». Подьячие Иван Грызлов и Илья Федоров добились того, чтобы его оклад был распределен между ними и впредь «давать им с их братьею вместе повсягоды»²⁵. Удача также сулила чебоксарскому подьячему Петру Полуехтову. В своей челобитной он донес, что денежный и хлебный оклад умершего подьячего Петра Степанова был «отдан чебоксарским подьячим Прокофью Ушакову с товарищи без указу великих государей и без грамоты». Пользуясь незаконностью действий воеводы, П.Полуехтов сумел справить за собой указанный оклад и получил назначение – «ведать збор денежной казны бревенной книги»²⁶. Ядринскому воеводе Я.А. Козловскому было сообщено, что подьячий Гаврила Скрыпов скончался и на его место следовало определить Василия Медведева. За последнего ручались

²⁰ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.122 об.

²¹ Там же. Л.37 об.–38.

²² РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.105.

²³ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.336. Л.172.

²⁴ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.465.

²⁵ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.119.

²⁶ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.336. Л.57.

чувашаи Ядринского уезда («по заручному челобитью всего Ядринского уезду чувашаи мирских челобитчиков Василейка Яштубаева с товарищи»). Ему предстояло в судном столе производить сбор мировых и куничных денег²⁷.

Толмачи, игравшие важную роль в системе воеводского управления, также проходили процедуру согласования с центральной властью. Например, в августе 1693 г. по просьбе чувашей Чебоксарского уезда толмачами были утверждены чебоксарцы Петр Иконников, Афанасий и Иван Котельниковы²⁸. Вскоре чебоксарскому воеводе князю Ф.Я. Вяземскому сообщалось, что чебоксарскому посадскому человеку Даниле Халтурину предписано «в Кинярской волости у чувашаи в толмачах быть по-прежнему»²⁹.

В XVII в. в Среднем Поволжье в городах-крепостях, пригородах и острогах засечных черт был сосредоточен немалый контингент вооруженных сил. Обеспечение жалованием служилых людей и решение их насущных вопросов требовали постоянного контроля центральной власти. Так, в июле 1693 г. «Велено подполковнику иноземцу Юрию Иванову сыну Бушу быть в Казани у казанских стрельцов у первого приказу полковника иноземца на Ирихово место фон Вердена, а переменить ему, Юрию, ево, Ириху, безсрочно»³⁰. В Казанскую десятню прибыл Иван Иванович Молоствов. Его необходимо было «написать по московскому списку и служба ему служить с казанцы»³¹. В служилый список отнесли казанских татар Постячку Уразова, Алтубайку Кайбишева, Асанку Баймурзина. Каждому за службу в Казанской десятне полагалось поместного оклада по 150 четей и денег по 5 руб.³² Симбиренина Ивана Колюпанова приняли в число отставников Симбирской десяти, так как он находился в пожилом возрасте и имел боевые ранения. Его поместный оклад составлял 650 четей, а денежный – 46 руб. 25 алтын, что было связано с его участием в Крымском походе 1689 г. и «Сызранском городовом деле»³³.

Куземка Барабанщиков получил положительный ответ о продолжении им казачьей службы в Корсуне³⁴. Чебоксаренину рейтарского строя Льву Осиповичу Мошенскому разрешили оформить за собой оклад бывшего Петра Ананьина, а цивиленину иноземцу Дмитрию Ивановичу Завацкому – оклад и сенокосные угодья иноземца Нефёда Москвитского (Москвитинова)³⁵. Служилый татарин Момоделей Алышев смог заполу-

²⁷ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.245.

²⁸ Там же. Л.355 об.

²⁹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.336. Л.57.

³⁰ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.237 об.

³¹ Там же. Л.436.

³² РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.496.

³³ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.27 об.

³⁴ Там же. Л.185 об.

³⁵ Там же. Л.31, 159 об., 172.

читать «выморочные поместья свияжских служилых татар Янзигитково да Окмаметково поместье Уразлеевых» в размере 30 четей³⁶. Служилому чувашу Семечке Аптенеvu перешли выморочные и сенокосные земли чуваша Аптечки Ахкилдина в д. Рунга Цивильского уезда³⁷. Саранскому воеводе вменялось обеспечить выплату атемарцам Ивану и Даниле Ворушаевым установленного поместного оклада по 359 четей и денежного жалования по 12 руб. каждому³⁸. В Ядрине годовое денежное жалование пятерым иноземцам было установлено в размере 36 руб., 104 стрельцам – 315 руб., сторожу приказной избы и воротнику – по одному руб.³⁹

В Симбирск поступила указная грамота, которая продлевала срок службы иноземцу Павлу Белнеру (Бернеру) у стрельцов и казаков. В ней отдельно указывалось: «Да ему ж ведать выборного и черных полков салдат, да Тетюшскую слободу конных казаков, да Карлинскую подгородную слободу»⁴⁰. Симбирскому воеводе необходимо было следить, чтобы стрельцов Сокольского острога Малого Карсуна не привлекали к «малокарсунской подгородной мельничной работе». Вместо них содержать мельницу обязали казаков и крестьян. Одновременно поступило решение об оформлении поместной земли на Белом ключе в Симбирском уезде казакам Коноплянкой слободы Тальского острога Карсунской черты во главе с казаком Карняшкой Самчелеевым⁴¹. Обращает на себя внимание следующая запись в пошлинной книге Печатного приказа: «Велено ему (сызранцу Ивану Афанасьеву сыну Остафьеву. – Д.Б.) быть на Сызране на Батраковском на заставе у пропуску в Яицкой станице для караула беглых всяких чинов людей и для досмотру заповедных товаров»⁴².

Казанский и чебоксарский воеводы получили известие, что в 1691/92 г. чебоксарские стрельцы с Ивашкой Угличениным, состоявшие в Казанском стрелецком приказе Ивана Меера, находились на полковой службе в Астрахани. По распоряжению вышестоящих чинов чебоксарских стрельцов теперь «в тот полк в Астрахань на годовую службу наряжать и посылать не велено»⁴³. Чебоксаренина же Петра Страхова отправили в отставку, отметив «многие ево службы» и негодное состояние здоровья⁴⁴.

В 1693 г. аманатные дворы еще действовали на территории Среднего Поволжья. В Ядрине сторожем «у аманатного двора в острогах» служил Иван Юрский, затем – стрелецкий сын Лука Григорьев, Мишка Махнев⁴⁵. В

³⁶ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.192 об.

³⁷ Там же. Л.73.

³⁸ Там же. Л.433.

³⁹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.470 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.323 об.; Д.335. Л.59 об.

⁴¹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.324.

⁴² РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.162.

⁴³ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.358.

⁴⁴ Там же. Л.383 об.

⁴⁵ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.367; Д.336. Л.211.

Цивильске «у записки аманатчиков» находился Федор Минин, которому место уступил Яков Гусаревский. Из документов также следует, что происходил процесс постепенной ликвидации аманатных дворов. В сентябре 1693 г. в указной грамоте царевokokшайскому воеводе М.А. Зыбину объявлялось: «Велено Царевokokшайского уезду черемисе быть в аманатах двум человеком, а достальных свободить и впредь имать не велено»⁴⁶. В декабре 1693 г. ядринскому воеводе Я.А. Козловскому сообщалось, что «омонатчиков из города свободить и впредь их в омонат имать не велено»⁴⁷.

В изученных нами документах нашли отражение административные, фискально-финансовые и судебные функции воевод. Здесь ограничимся обзором распространенных вопросов, регулируемых центральной властью и раскрывающих делопроизводственную практику в местных государственных учреждениях.

Учет казенных средств и ведение делопроизводства требовало опытных и ответственных должностных лиц. В их число можно отнести служителей Симбирской приказной и земской изб Петра Харламова и Афанасия Рышкова. По просьбе купцов их определили подьячими в таможенную и кружечный двор «для письма таможенных и кабацких книг и всяких записок». Сторожем и рассыльщиком в одном лице являлся пристав Сережка Соснин⁴⁸.

По челобитью Саранского уезда «темниковских алатарской приписи мордвы Родайка Тингаева с товарищи» было вынесено решение о запрете «подрядным» целовальникам осуществлять сбор стрелецкого хлеба. Удовлетворяя прошение мордвы, следовало учесть, что «тот стрелецкой хлеб велено им платить на Москве»⁴⁹. Инсарскому воеводе А. Синбугину была поставлена следующая задача – выяснить причину недобора целовальниками положенной суммы с мельницы и ответить на вопрос: «Не было ли какова их воровства и тое мелницу полою рознесло ли?». Результаты необходимо было направить в Приказ Казанского дворца⁵⁰.

Население Среднего Поволжья было обременено различными видами налогов. Как указывала жительница Свияжска вдова Ивана Протопопова Анна, с деверем с двух дворов крестьян по переписи 1678 г. она вносит в казну ямские, полоняночные, лесовые деньги. От налогов освобожден был лишь дворовой человек, проживавший в помещичьем дворе («податей всяких имать не довелось и стрелецкого хлеба с него не емлют, для того ямских и полонных и лесовых и рублевых денег с него имать не велено»)⁵¹. В то же время свияжские посадские люди во главе с земским ста-

⁴⁶ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.336. Л.288 об.

⁴⁷ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.470 об.

⁴⁸ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.126 об., 128 об.

⁴⁹ Там же. Л.73 об.

⁵⁰ Там же. Л.121.

⁵¹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.433 об.

ростой Федькой Турунтаевым жаловались на белопоместцев о неплатеже стрелецких денег. Чиновники центральных государственных учреждений сочли, что они ежегодно, наравне с посадскими людьми, должны собирать налог и полученные суммы отправлять в Стрелецкий приказ. Заслушание грозились принять жесткие меры: «А буде они, беломесцы, впредь стрелецких денег платить не похотят и их, беломесцов, с тех тяглых земель сослать и строенье снести»⁵². Из указной грамоты царевкокшайскому воеводе явствует, что уездные жители платили ясачные, оброчные, ямские, полоняночные, лесовые и «иные денежные всякие доходы». Однако они не хотели платить за беглых крестьян, оставивших свои дворы. За них, как сообщалось в документе, должны нести ответственность те, «кто тех пустых дворов, землями и всякими угоды владеют»⁵³.

Правительство периодически пересматривало размеры налоговых поступлений в казну. Согласно отправленной в Симбирск грамоте, Успенский монастырь в лице игумена Гурия имел право дальше пользоваться «синбирским Волским и Чювичинским перевозом и Синбирским, и Лаишевским, и Криушинским извозом». Если раньше обитель выплачивала оброк в размере 94 руб. 26 алтын 4 денги, то теперь к указанной сумме следовало прибавить «наддачи по 7 рублей по 11 алтын по 4 денги» на год. Дополнительно оговаривалось: «И тех оброчных денег по 94 рубли по 26 алтын по 4 денег зачитать им (монахам. – Д.Б.) в годовое денежное и хлебное жалованье погодно»⁵⁴. Под Арской слободой при речке Сельде имелась оброчная мельница, которой пользовались монахи Успенского монастыря и казаки. Игумену Гурию удалось добиться, чтобы только братия монастыря могла владеть приносящей прибыль мельницей⁵⁵. Посадский человек г. Васильсурска Данилка Рябиков заполучил на три года рыбные угоды на р. Суре. Согласно документу, в год «откупу ему платить старого и с новою наддачею по 5 рублей по 18 алтын по 2 денги»⁵⁶. Мельничное место на речке Кувшине, отданное на оброк чувашу Цивильского уезда Торобайке Испулатову, было оценено всего на 5 алтын в год⁵⁷.

Центральная власть была заинтересована в сборе дополнительных налогов для пополнения казны. Сборы с винокуренного производства и торговой деятельности давали наибольший доход государству. Симбирскому воеводе И.С. Ларионову из указа стало известно, что гость Василий Горезин получил разрешение на строительство винокурни на речке Кубне вблизи д. Чюрково Симбирского уезда⁵⁸. Цивильский посадский человек

⁵² Там же. Л.311.

⁵³ Там же. Л.140–140 об.

⁵⁴ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.124.

⁵⁵ Там же. Л.144.

⁵⁶ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.337. Л.15 об.

⁵⁷ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.107.

⁵⁸ Там же. Л.283.

Афонка Яшин задумал заняться винокуренным промыслом – он планировал поставить завод. Его строго предупреждали, что производить вино разрешено только по подрядам или согласно памятям голов кружечных дворов. В декабре 1693 г. сообщалось следующее: «Велено ему в Цивильском уезде на речке Рыкше на мельнице своей курить подрядное вино, которое он подрядил поставить в Казань на кружечной двор»⁵⁹. Тимофей Андреев с чебоксарским посадским человеком Кузьмой Афанасьевичем Давыдовым заключили на четыре года контракт на поставку в Саратов и Царицын 3500 ведер вина⁶⁰. По сведениям М.Я. Волкова, винокуренный завод был построен в 1693 г. недалеко от Чебоксар на речке Чебоксарке [4, с.216]. Клим Калмыков производил вино на заводе в Чебоксарском уезде, которое, согласно условию договора, обязался доставить в Астрахань в объеме 10 тыс. ведер⁶¹.

Отдельные сферы предпринимательской деятельности также оказались под пристальным контролем властных структур. Так, крестьянин стремянного конюха Василия Губарева Артюшка Трофимов на условиях оброка решился в Инсаре построить «харчевенную избу»⁶². Клим Калмыков в Казани и Симбирске взялся за починку и постройку новых зданий, предназначенных для приема хлеба и отдачи «в низовой отпуск». Одновременно он со своим приказчиком получил разрешение быть в Казани «у хлебного приему». Воеводам предписывалось: «На житном дворе Льву Аристову и иным никому из дворян и иных чинов людям быть не велено... также подьячим у того приему никому быть и отписей писать не велено ж»⁶³. Белодворцам Рыбной слободы Казанского уезда с привлечением уездных жителей одобрили строительство острога⁶⁴.

Соблюдение правопорядка и обеспечение безопасности, следствие и суд над населением входили в число наиболее важных прерогатив воевод. Наряду с воеводами управленческие функции исполняли и другие должностные лица. Так, с сентября 1693 г. в Казани судьей в татарской избе являлся Федор Матвеевич Дурново, сменивший Федора Бахметева⁶⁵.

Гражданские и уголовные дела рассматривались в воеводских учреждениях, а также в Приказе Казанского дворца. Нередко по инициативе сторон место разбирательства дела переносилось из одного местного учреждения в другое, что было обусловлено различными причинами. Например, население ряда деревень Сызранского уезда («завалные деревни мурз и татар и мордвы и чувашаи») просило, чтобы судом и следствием

⁵⁹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.150–150 об.; Д.338. Л. 447.

⁶⁰ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.382–382 об.

⁶¹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.282 об.

⁶² РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.113 об.

⁶³ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.200–200 об.

⁶⁴ Там же. Л.488.

⁶⁵ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.5.

ведал не симбирский воевода, а сызранский (П.П. Ларионов)⁶⁶. Казанские служилые татары д. Сорока Сойдаково и д. Янтуганово получили ответ, что их «судом и расправою в Синбирску ведать не велено, а велено ведать в Казани»⁶⁷. В Казань для судебного разбирательства было передано дело новокрещена Алешки Григорьева, обвинявшего чебоксарского посадского человека Афоньку Проскурякова «в неправой кабале в заемных денгах в 8 рублех»⁶⁸. Рассматривавшееся в Алатыре дело служилого татарина д. Ендовиц Алатырского уезда Микушки Мемешева, обвиненного «в бою и в увечье», по запросу следовало направить в приказ Сыскных дел⁶⁹.

На первый план выходят судебные тяжбы по возврату беглых крестьян и заемных денег, разрешению торговых и земельных дел. Так, стольник Степан Петрович Бахметев добивался от казанских воевод вынесения судебного решения об отдаче ему беглых дворовых людей, которые укрывались во владениях казанского митрополита⁷⁰. В аналогичной ситуации оказалась вдова Федора Яковлева Офимья. По ее челобитной было велено «указ учинить по Уложению» о беглом человеке Ваське Сергееве⁷¹. Решения по своим крестьянам Китаевым ждал Иван Федорович Рагозин⁷². Симбиренин Осип Никитич Мантуров просил вернуть беглого крестьянина Алешку Артемьева, находившегося с семьей в Свияжском Богородицком монастыре⁷³. Свияженин Константин Тевкелев в Приказе Казанского дворца свидетельствовал, что послуживец свияжского служилого новокрещена Ивана Карагашева Артюшка Никитин является его крестьянином⁷⁴. В Алатыре поиском беглых крестьян занимался сыщик Иван Чаадаев⁷⁵.

В Симбирске должен был состояться суд по заемным пяти рублям, отданным чувашом д.Ишмурзино Симбирского уезда Янгайкой Яковлевым одноподдервенцу Идейке Байдучину⁷⁶. Подьячий Царевококшайской приказной избы Андрей Виногоров в суде доказывал, что выдал царевококшайскому посадскому человеку Федьке Меньшому Пчелину по кабале заем 100 руб. Ответчика, отыскав, следовало отправить в Приказ Казанского дворца⁷⁷. Из Васильсурска в Ядрин было перенесено рассмотрение тяжбы между ядринцем Иваном Афанасьевичем Вашутиным и васильсур-

⁶⁶ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.163 об.

⁶⁷ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.29–29 об.

⁶⁸ Там же. Л.344 об.

⁶⁹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.478.

⁷⁰ Там же. Л.23.

⁷¹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.327.

⁷² РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.267 об.

⁷³ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.337. Л.32.

⁷⁴ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.377.

⁷⁵ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.408.

⁷⁶ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отдел II. Ед. хр. 157. Л.128.

⁷⁷ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.336. Л.172.

ским посадским человеком Федоткой Рыбицыным. Воеводе следовало «дать суд и указ учинить по Уложению» о невозврате последним долга по займу в размере 8 руб.⁷⁸ Дело о причинении убытков чувашам Баичке Байдушеву на 50 руб. и Иванчайке Пикмурзину на 55 руб. решалось в Приказе Казанского дворца⁷⁹. Алатырскому воеводе Я.Г. Левашову по иску стольника Глеба Ивановича Кучина о неустойке в 100 руб. необходимо было сыскать и выслать в Московский судный приказ Якова Саврасова⁸⁰.

Для разрешения земельного спора между стольником Иваном Посниковым сыном Огаревым и Григорием Резановым воеводская администрация должна была «досмотреть» на речке Инице земли «и межа и грани той земле описать и учинить чертеж, да тот досмотр и опись и чертеж прислать к Москве в Приказ Казанского дворца»⁸¹. По челобитной козымодемьянца Василия Андреевича Кишенского алатырский воевода произвел расследование. Следственные материалы и отказные книги по выморочным вотчинным землям в Низсурском стане Алатырского уезда, когда-то принадлежавшим есаулам Матвею Александрову и Григорию Кирдяеву, передавались из Алатыря в Приказ Казанского дворца⁸². В Москву же из Свияжска было направлено вершенное дело о спорной земле между ясачными крестьянами Починка Лияшева Князь-Аклычевой сотни и помещиком Иваном Молостовым (Молостовым). Вскоре из Приказа Казанского дворца казанским воеводам была выдана указная грамота: «Велено в Свияжском уезде в деревне Лияшеве Починке, что у Торминских полевых ворот, сыскать повальным обыском. Напредь сего в той деревне Лияшеве Починке какая земля была: ясашная ль татарская или чувашская, или помесная, или вотчинная; и какие люди в той деревне Лияшеве жили: русские ль или ясашные, и оброк и всякие подати платили ль? Да тот сыск и судные их крестьянские вершеные дела, которые у них были с Иваном Молостовым, и вершены в Свияжску, взяв из Свияжска, прислать к Москве в Приказ Казанского дворца»⁸³.

Случались разбои и грабежи. Приведем несколько примеров. В Симбирске имелась челобитная татарина д. Студенец Симбирского уезда Уразбайки Чювашева на татарина д. Девлекеево Свияжского уезда Ильметку Арасланова, согласно которой ответчик якобы «держал в дому ево, Уразбайку, з женою и з детьми в работе двенадцать лет без записки, да выдал дочь ево, девку, замуж насильством и калымные деньги Ильметка взял к себе»⁸⁴. Широкою огласку приобрело дело об ограблении посад-

⁷⁸ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.9 об.

⁷⁹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.48 об.

⁸⁰ Там же. Л.70.

⁸¹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.335. Л.232 об.

⁸² РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.304 об.

⁸³ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.212–212 об.

⁸⁴ НА ЧГИГН. Отдел II. Ед. хр. 157. Л.130.

скими людьми и крестьянами Ядринского уезда старца Варлама и крестьян Макарьевского Желтоводского монастыря [18, с.380–404].

Превышение служебных полномочий и злоупотребления различных должностных лиц также нашли отражение в составе судебно-следственных материалов. В Цивильске по обращению городских и уездных жителей проводился «розыск» в отношении воеводы стольника В.П. Кругликова. Для расследования дела прибыл стольник Никита Алферьевич Кудрявцев [3, с.342–343]. В октябре 1693 г. цивильский площадной подьячий Ивашка Ратинский, служивший «у записки книг конских пошлин», был вызван в Конюшенный приказ на допрос⁸⁵. Чебоксарский посадский человек Ивашка Кеминев подал иск к Бориске Сипунову и подьячему Ивана Михайлову по обвинению в «грабеже и разорении»⁸⁶. На особом контроле Приказа Казанского дворца находилось следующее дело: чуваша Ядринского уезда во главе с Изенейкой Васкиным обвиняли толмача посадского человека Ивашку Коротова и сына его Никитку «в разоренье и в убытках и во всяких начальных людех наговорах и во взятках»⁸⁷ [18, с.407–412]. Чуваша Симбирского уезда обвиняли в причинении им финансовых издержек в размере более 50 руб. бывшего толмача Микитку Твенкина и подьячего Симбирской приказной избы Кирилла Попова⁸⁸. По словам неверстанного сына боярского Устина Никифоровича Смагина, арский воевода Игнатий Воторопин незаслуженно подверг его наказанию, приказав бить кнутом⁸⁹.

Представленные документальные материалы за 1693 г. позволяют обрисовать общие контуры сложившейся системы воеводского управления на территории Среднего Поволжья. Наряду с единой политикой правительства следует обратить внимание на некоторые особенности функционирования местных учреждений. В первую очередь важно отметить, что воевод назначали в пригороды и дворцовые села, что стало следствием организации разветвленного аппарата управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625–1764 гг.: Исследование. Тексты документов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского ун-та, 2000. 463 с.
2. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII в. по напечатанным правительственным актам. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. 612 с.

⁸⁵ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.337. Л.6 об.

⁸⁶ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.334. Л.164 об.

⁸⁷ Там же. Л.201 об.

⁸⁸ Там же. Л.276 об.

⁸⁹ РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.338. Л.428.

3. Воеводы, приказчики городов, засечных черт и дворцовых вотчин Русского государства 1693–1703 гг. / сост., авт. предисл. В.Д. Кочетков. Чебоксары: Новое Время, 2023. 392 с.

4. Волков М.Я. Очерки истории промыслов России (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.). Винокурное производство / отв. ред. Л.Г. Бескровный. М.: Наука, 1979. 336 с.

5. Герасимов А.А. Список саратовских и царицынских воевод XVII в. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1913. С.61–82.

6. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.) / ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.

7. Димитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып.3. С.284–419.

8. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 223 с.

9. Иванов А.Г. Система воеводского управления в Марийском крае во второй половине XVI–XVIII вв. // Марийский археографический вестник. 2000. №.10. С.14–31.

10. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / сост., предисл. и коммент. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского ун-та, 2008. 616 с.

11. Корсакова В.Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Т.24. Вып.5. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1908. С.9–10.

12. Кочетков В.Д. Алатырские воеводы. 1554/55–1779 гг.: Биографический справочник. Чебоксары: Новое Время, 2020. 296 с.

13. Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVIII вв. Чебоксары: [Б.и.], 2012. 284 с.

14. Кочетков В.Д. Жалованный изограф Оружейной палаты чебоксарский подьячий Федор Юрьев сын Репьев // Сборник статей по истории русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М.: Древлехранилище, 2019. С.228–242.

15. Кузьмин Е.П. Воеводская власть и управление в Марийском крае в XVIII веке. Саарбрюккен (Saarbrücken): Lap Lambert Academic Publishing, 2014. С.55–78.

16. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске. Симбирск: Симбирская губ. учен. арх. комис., 1898. [4], VIII, [2], 400, VII с.

17. Порфирьев С. Списки воевод и дьяков по Казани и Свияжску, составленные в XVII столетии // ИОАИЭ. Т.27. Вып.1. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1911. С.61–74.

18. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т.1. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII – начала XVIII века / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 640 с.

19. Фролов Д.В. Саранск в XVII веке: строители и защитники государевых рубежей. Саранск: Издатель Константин Шапкарин, 2020. 300 с.

20. Чебоксары во второй половине XVI–XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов / сост., авт. предисл., коммент и примеч. Д.В. Басманцев. Чебоксары: ГИА ЧР, 2019. 676 с.

Информация об авторе:

Басманцев Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация); ORCID: 0009-0007-9676-0934; e-mail: basmantsevdy@yandex.ru

Поступила 31.07.2025

Принята к публикации 11.08.2025

From the history of voivodeship administration
in the Middle Volga region: 1693

D.V. Basmantsev

*Chuvash State Institute of Humanities
Cheboksary, Russian Federation*

The article presents the voivodes governed the districts in the Middle Volga in 1693. The author has analyzed the composition of local rulers based on the collections of documents and archival materials, characterized the main directions of their activities, and identified changes in the powers of the voivodes. Studying the practice of voivodes' service in the multi-ethnic and multi-confessional Volga-Sura region allows us to pay attention to some features of local administration and its interaction with the central government.

Keywords: voivodes, service people, clerks, government policy, Middle Volga region, local administration

For citation: Basmantsev D.V. From the history of voivodeship administration in the Middle Volga region: 1693. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.42–60. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.42-60> ((In Russian))

REFERENCES

1. Aiplatov G.N., Ivanov A.G. *Monastic colonization of the Mari Volga region. Based on the materials of the Spaso-Yunginsky Monastery of the Kozmodemyansky district in 1625–1764: research. Texts of the documents*. Yoshkar-Ola: Publishing house of the Mari University Publ., 2000. 463 p. (In Russian)
2. Barsukov A.P. *Lists of city voivodes and other persons of the voivodeship administration of the 17th century according to printed government acts*. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich Publ., 1902. 612 p. (In Russian)

3. *Voivodes, city managers, defense lines, royal patrimony of the Russian state in 1693–1703*. Compiled by V.D. Kochetkov. Cheboksary: Novoye Vremya Publ., 2023. 392 p. (In Russian)
4. Volkov M.Y. *Essays on the history of Russian crafts (second half of the 17th – first half of the 18th century). Distilling production*. Ed. by L.G. Beskrovny. Moscow: Nauka Publ., 1979. 336 p. (In Russian)
5. Geraklitov A.A. List of Saratov and Tsaritsyn voivodes of the 17th century. *Works of the Saratov Scientific Archival Commission*. Issue 30. Saratov: Printing House of the Union of Printing Publ., 1913. Pp.61–82. (In Russian)
6. Dimitriev V.D. *Chuvashia in the era of feudalism (16th – early 19th centuries)*. Ed. by V.A. Prokhorova. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House Publ., 1986. 456 p. (In Russian)
7. Dimitriev V.D. "Tsar's" orders to Kazan voivodes of the 17th century. *History and culture of the Chuvash ASSR*. Cheboksary, 1974. Issue 3. Pp.284–419. (In Russian)
8. Ermolaev I.P. *Middle Volga region in the second half of the 16th – 17th centuries (Administration of the Kazan region)*. Kazan: Kazan University Publishing House Publ., 1982. 223 p. (In Russian)
9. Ivanov A.G. The system of voivodeship administration in the Mari Territory in the second half of the 16th – 18th centuries. *Mari Archeographic Bulletin*. 2000, no.10, pp.14–31. (In Russian)
10. *Kozmodemyansk in the late 16th – early 20th centuries: documents and materials on the history of the city*. Compiled by A.G. Ivanov. Yoshkar-Ola: Publishing house of the Mari University Publ., 2008. 616 p. (In Russian)
11. Korsakova V.D. The list of officials in the cities of present Kazan province from 1553 to the formation of the Kazan province in 1708. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. Vol.24. Issue 5. Kazan: Kazan Imperial University Publ., 1908. Pp.9–10. (In Russian)
12. Kochetkov V.D. *Alatyr voivodes. 1554/55–1779: biographical reference book*. Cheboksary: Novoye Vremya Publ., 2020. 296 p. (In Russian)
13. Kochetkov V.D. *Fortress city on the Sura. Essays on the history of Alatyr and the district in the 16th–18th centuries*. Cheboksary, 2012. 284 p. (In Russian)
14. Kochetkov V.D. Chartered icon painter of the Armory Chamber, Cheboksary podyachiy Fyodor Yuryev son of Repyev. *Collection of articles on the history of Russian history in honor of Alexander Ivanovich Gamayunov for his 60th birthday from friends and colleagues*. Moscow: Drevlekhreshche Publ., 2019. Pp.228–242. (In Russian)
15. Kuzmin E.P. *Voivodeship power and administration in the Mari region in the 18th century*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing Publ., 2014. Pp.55–78. (In Russian)
16. Martynov P.L. *The city of Simbirsk for 250 years of its existence: a systematic collection of historical information about the city of Simbirsk*. Simbirsk: Simbirsk provincial academic committee Publ., 1898. 400 p. (In Russian)
17. Porfiryev S. Lists of voivodes and clerks in Kazan and Sviyazhsk, compiled in the 17th century. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. Vol.27. Issue 1. Kazan: Kazan Imperial University Publ., 1911. Pp.61–74. (In Russian)
18. *Collection of historical monuments of Chuvashia and the Chuvash people*. Vol.1. Documents of the Yadrin orderly hut of the second half of the 17th – early 18th

centuries. Compiled by A.A. Chibis. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2017. 640 p. (In Russian)

19. Frolov D.V. *Saransk in the 17th century: builders and defenders of the sovereign borders*. Saransk: Konstantin Shapkarin Publ., 2020. 300 p. (In Russian)

20. *Cheboksary in the second half of the 16th – 18th centuries: documents and materials from the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts*. Compiled by D.V. Basmantsev. Cheboksary: State Archive of the Chuvash Republic Publ., 2019. 676 p. (In Russian)

About the author:

Basmantsev Dmitry Viktorovich – Cand. Sci. (history), Academic Secretary, Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Russian Federation); ORCID: 0009-0007-9676-0934; e-mail: basmantsevd@yandex.ru

Received July 31, 2025

Accepted for publication August 11, 2025

УДК 94(470.4)512.145

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.61-74>

Население Арска в 1656–1763 гг. (по документальным материалам)

О.О. Владимиров

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В данной публикации представлены сведения из фондов 1209 «Поместный Приказ» и 350 «Ландратские книги и ревизские сказки» Российского государственного архива древних актов, которые описывают состав населения Арска в период с 1656 по 1763 г. Эти данные охватывают представителей всех сословий, проживавших там в конкретный исторический период, включая духовенство, посадских людей, конных казаков, пеших стрельцов, иноземцев, пахотных солдат. В статье описывается переход потомков военных сословий в разряд пахотных солдат. Также в статье приводятся результаты анализа брачно-семейных отношений жителей Арска с жителями иных населенных пунктов. Впервые в научный оборот вводятся материалы переписи 1678 г. по Арску, а также результаты генетических исследований потомков отдельных арских родов, проживавших там в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Арск, Арская дорога, посадские люди, казаки, стрельцы, иноземцы, пахотные солдаты, генетические исследования

Для цитирования: Владимиров О.О. Население Арска в 1656–1763 гг. (по документальным материалам) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.61–74. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.61-74>

После взятия Казани в 1552 г. Арск стал русским городом – крепостью с военным гарнизоном. Он являлся центром для подавления военных выступлений и восстаний на Арской стороне. Восстания в Казанском уезде действительно имели место быть. Так, в частности, известно Еналеевское восстание 1615–1616 гг., которое было весьма масштабным, в нем участвовали, в том числе, и выходцы из Свияжского уезда, повстанцы осаждали г. Казань [1, с.169–171]. Тем не менее, мы можем констатировать, что сам Арск, после того как стал русской военной крепостью, никто не захватывал, и свои основные стратегические задачи его военный гарнизон выполнял.

Самая ранняя из дошедших до нас переписей Арска датирована 1646 г. Так как данная перепись уже введена в научный оборот, мы лишь отметим, что она самая ранняя из сохранившихся переписей всего муж-

ского населения Арска. В этой переписи описано 96 жилых дворов в Арске (один из них пустующий), в которых проживало 337 человек м.п. [3, с.45]. Население Арска в этот период состояло из посадских людей, бобылей, служилых казаков, стрельцов и иноземцев¹.

По переписи 1656 г. в пригороде Арске имелись 1 двор попа, 1 двор церковного дьячка, 1 двор площадного подьячего, 1 двор подьячего съезжей избы, 1 двор пушкаря, 1 двор городского воротника, 1 двор откупщика гостиной сотни, 2 двора иноземцев, 2 двора нищих, 3 двора толмачей, 3 бобыльских двора, 11 казачьих дворов, 20 дворов посадских жителей, 55 стрелецких дворов, а также описано дворовое место казанского боярского сына. В общей сложности в Арске по этой переписи насчитывалось 104 двора, в которых проживало 233 души м.п. Как видим, население Арска, по сравнению с переписью 1646 г., сильно уменьшилось. Так, число казачьих дворов сократилось вдвое – с 22 в 1646 г. до 11 в 1656 г., причем в 2-х из них отсутствовали представители м.п. Казаки Иван Терентьев² и Иван Иванов³ были переведены в Симбирский уезд. Наиболее вероятно, что на резкое сокращение числа местных жителей повлиял перевод многих представителей местного гарнизона на Симбирскую засечную черту. В частности, во дворе казака Ивана Терентьева по переписи 1646 г. проживало 9 душ м.п., а во дворе другого казака Ивана Иванова – 4. Почти все указанные в этих дворах лица отсутствуют в следующей переписи 1656 г., и лишь во дворе Ивана Терентьева проживала его сноха. Можно предположить, что не только вышеуказанные представители этих дворов, но и другие их родственники м.п. также переселились с ними в Симбирский уезд. Судя по уменьшению количества жителей из числа мужского пола, по сравнению с данными 1646 г., можно предположить, что часть из них тоже была переведена на Симбирскую засечную черту. Но, так как они не были во главе данных дворов, нет и отдельных сведений об их переселении туда.

Отметим, что дворовым местом иноземца Василия Павлова к тому времени по закладной владел посадский человек Фёдор Васильев⁴. Один из дворов принадлежал казанцу сыну боярскому Матвею Григорьеву сыну Урывкову⁵. Василий Матвеев Шевель, который по переписи 1646 г. значится среди посадских, в 1656 г. состоит уже среди служилых казаков⁶.

Летом того же 1656 г. Казанский уезд постигла эпидемия бубонной чумы. Коснулась она и пригорода Арска, еще больше сократив его численность. В отписке казанского воеводы кн. И.Н. Хованского о событиях того времени с 11 по 31 июля отмечено, что «и в Арском, Государь, городе

¹ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.964 об.–975.

² РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6479. Л.101 об.

³ Там же. Л.104 об.

⁴ Там же. Л.102.

⁵ Там же. Л.101 об.

⁶ Там же. Л.103–103 об.

умерли посадского человека жена, да четыре дочери девки язвеною болезнию» [4, с.17]. По более поздним данным переписи 1678 г. выясняется, что данное поветрие впоследствии унесло жизни и еще большего числа жителей Арска.

По переписи 1678 г. в казанском пригороде Арске имелись: 1 двор попа, 1 двор пономаря, 1 двор приказной избы подьячего, 1 двор пушкаря, 2 двора иноземцев, 2 двора площадных подьячих, 2 двора воротников, 2 двора стрельцов из посадских людей, 6 дворов посадских жителей, 13 дворов конных казаков, 34 двора пеших стрельцов, отдельно описаны дворовые люди казанца Любима Маматова. В общей сложности в тот период в Арске проживало 209 душ м.п.⁷ Среди них отмечен и посадский Лукоян Иванов, о котором в переписи 1656 г. указано, что он «сшел без вести»⁸. Подавляющая часть жителей Арска в этой переписи указаны как прямые потомки лиц, описанных там по переписям 1646 и 1656 гг. Правда, были и более поздние единичные переселения. Так, Прокофий Филиппов был из дворцового села Чепчуги, но к 1678 г. уже лет шесть как проживал среди стрельцов пригорода Арска⁹. Умерший в 1677/1678 г. Евсевий Иванов переселился с семьей из Арской слободы Симбирского уезда¹⁰.

Отдельно по этой переписи описаны опустевшие дворы, из них: 1) 5 человек бежали: 1 человек в г. Астрахань, 1 человек в г. Казань, 1 человек в Анатошскую волость, 2 человека в Мензелинский городок; 2) 17 человек умерли в моровое поветрие; 3) 8 человек переведены на Симбирскую черту.

Попом в Арске на 1678 г. был Анисим Афанасьев, пономарем – Иван Афанасьев, подьячим приказной избы – Андрей Потапов¹¹.

Среди иноземцев в Арске к тому времени значится включенный в перепись 1656 г. Ефим Фёдоров, у которого к 1678 г. появился сын Иосиф¹². К 1678 г. в Арске проживал и иноземец Григорий Кондратьев Оксюковский¹³. Представитель посадского рода Носовых Степан Леонтьев вместе со всей своей семьей включен в арские стрельцы, как и Евстрат Сергеев¹⁴.

К началу XVIII в. Арск утратил свое военно-стратегическое назначение и стал приобретать больше административные и хозяйственно-экономические черты [3, с.44]. Бывшие казаки и стрелецкие казаки стали представлять категорию пахотных солдат. Хотя они по-прежнему и оставались в полном подчинении военного ведомства, но отбывали рекрутскую повинность не поголовно, а на общем основании.

⁷ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6453. Л.248 об.

⁸ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6479. Л.101 об.–102.

⁹ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6453. Л.246 об.

¹⁰ Там же. Л.247 об.

¹¹ Там же. Л.245.

¹² Там же. Л.245 об.

¹³ Там же. Л.245–245 об.

¹⁴ Там же. Л.247 об.

В 1700 г. весь пригород Арск выгорел. В результате пожара были утрачены многие старые дела и документы [5, с.1].

В фондах РГАДА сохранились материалы ландратской переписи 1716 г. лишь по посадскому населению Арска. Так, описаны следующие дворы посадских людей: 1) Александра Григорьева сына Носова; 2) Тимофея и Трофима Ивановых детей Клоповых; 3) Ивана Михайлова; 4) Тимофея Фёдорова сына Разумова; 5) Ильи Иевлева сына Ивахова; 6) Фёдора Васильева сына Разумова.

В этих 6-ти дворах насчитывалось 23 души м.п. и 24 души ж.п. Несмотря на несохранность переписи 1710 г., перепись 1716 г. содержит отсылки на нее. Так, на 1710 г. в пригороде Арске было 9 посадских дворов, но 3 из них к 1716 г. опустели: 1) Артемий Иванов сын Клопов был отдан в рекруты, а его жена с детьми «сошла и ходит по миру в разных местах», его сосед Сидор бежал в 1715 г.; 2) Михаил Иванов со своим семейством, и его сосед Алексей Григорьев бежали в 1715 г.; 3) Фёдор Андреев сын Носов со своим семейством бежал в 1710 г.

По данным этой же переписи в пригороде Арске имелась Богоявленская церковь, попом при которой был Иван Иванов, старостой – посадский Панфил Фёдоров.

Данные ландратской переписи 1716 г. немного раскрывают брачно-семейные отношения посадской части Арска за 1710–1716 гг. Так, в указанный период арские посадские роднились с жителями следующих селений: 1) поч. Лубяный мост Алатской дороги (Василиса Александрова выдана замуж за ясачного крестьянина Якова Лаврентьева); 2) д. Кирилово Алатской дороги (вдовья дочь Евдокия выдана замуж за работника казанского толмача Егора Иванова); 3) г. Казани (вдовья дочь Матрёна выдана замуж за пушкаря Осипа Носова); 4) с. Пермьяки Арской дороги (Агрофена Григорьева выдана замуж за монастырского крестьянина Трофима Кузьмина); 5) того же пригорода Арска (Пелагея Фёдорова выдана замуж за пахотного солдата Абрама Давыдова).¹⁵

Отметим, что, вероятно, подавляющая часть местного посадского населения переселилась в пригород Арск между переписями 1678 и 1710 гг. Так, в переписи 1678 г. отсутствуют Иван Михайлов, Фёдор Васильев Разумов, Илья Иевлев Ивахов.

За 1716 г. о пахотных солдатах Арска обнаружены лишь отдельные упоминания. Так, среди сторонних людей, подтвердивших подлинность переписи посадского населения, значатся два пахотных солдата пригорода Арска: Антон Носов и Аввакум Орлов¹⁶. Исследуя иные поселения по этой переписи, можно найти в них отдельные сведения о брачно-семейных отношениях жителей этих населенных пунктов с пахотными солдатами пригорода Арска. Приведем несколько таких примеров: 1) Лукерья Григорье-

¹⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.142. Л.13 об.–15 об.

¹⁶ Там же. Л.15 об.

ва из починка Лубяный мост Алатской дороги вышла замуж за солдата пригорода Арска Аврама Алексеева¹⁷ (правда, из-за описки переписчика он указан посадским жителем); 2) Ненила Макарова из д. Чекурча Арской дороги вышла замуж за солдата пригорода Арска Василия Калинина¹⁸; 3) Евдокия Семёнова из д. Тюбяк Арской дороги вышла замуж за солдата пригорода Арска Афанасия Алексеева¹⁹; 4) Агафья Фёдорова из с. Чурилино Арской дороги вышла замуж за солдата пригорода Арска Лариона Малафеева²⁰; 5) Анна Андреева из с. Чурилино Арской дороги, после того, как ее супруга забрали в рекруты, с малолетними сыновьями перебралась в пригород Арск в семью своего отца солдата Андрея Фёдорова²¹; 6) Февронья Феоктистова из с. Чепчуги Арской дороги, после того, как ее супруга забрали в рекруты, перебралась в пригород Арск в семью своего отца солдата Феоктиста Никитина²².

К 1721 г. состав церковного клира пригорода Арска состоял из попа Ивана Иванова (упомянутого и в переписи 1716 г.), дьячка Григория Иванова и пономаря Осипа Иванова²³.

Материалы I ревизии 1719–1722 гг. по пригороду Арску не сохранились ни по посадским, ни по пахотным солдатам.

По материалам списка выбывших после I ревизии за 1719–1744 гг., в пригороде Арске из среды купечества умерли 13 человек, один был отдан в рекруты, а Матвей Кондратьев с сыном Алексеем в 1740 г. были отданы в крестьянство Семёну Андрееву сыну Салтыкову в село Семёновское Алаторского уезда²⁴. Из пахотных солдат умерли 50 человек, один человек был отдан в рекруты, Матвей Григорьев в 1737 г. был сослан на каторгу. Из местных церковников были отданы в солдаты Никита и Михаил Григорьевы²⁵. 17 человек были отданы в ландмилицкие полки, созданные для защиты прежде всего южных и юго-западных границ Российской империи, и которые как раз формировались в числе прочих и из пахотных солдат. Судя по годам, в которые те или иные жители Арска были зачислены в ландмилицкие полки (с 1729 по 1743 г.), можно предполагать, что они вошли в состав как Украинской ландмилиции, так и Закамской.

В ревизской сказке 1744 г. пригорода Арска описано 40 купеческих душ м.п. и 180 душ м.п. из пахотных солдат²⁶. В состав купечества, по сравнению с данными 1716 г., включен Василий Абрамов, ~1713 г.р., о

¹⁷ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.141. Лл.245 об. –246.

¹⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.146. Л.50 об.

¹⁹ Там же. Л.45 об.

²⁰ Там же. Л.2 об.

²¹ Там же. Л.4.

²² РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.142. Л.50 об.

²³ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.1091. Л.44 об.–45.

²⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1153. Л.7–7 об.

²⁵ Там же. Л.7 об.–10.

²⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1138. Л.24 об.

котором указано, что он был учтен и в прежней переписи. При этом в переписи 1716 г. не описан ни один Абрам, как нет такового и среди выбывших после I ревизии. Но в переписи 1716 г. указано, что в 1711 г. местная посадская дочь Пелагея Фёдорова Носова вышла замуж за пахотного солдата Абрама Давыдова²⁷, возможно, они были родителями Василия Абрамова. Более поздних данных об Абраме Фёдорове по пригороду Арску нет, возможно, он был отдан в рекруты или умер до 1719 г. Возможно, что его предполагаемый сын Василий был зачислен в арское купечество, из которого происходила его предполагаемая мать. От Василия Абрамова (~1713–1765) ведет свое начало местный купеческий род Колесниковых. У пахотных солдат, по данным ревизии 1744 г., фамилия указана лишь у Абрама Иванова Быстрецкого²⁸. К пахотным солдатам по их желанию были приписаны «из оставших из лишних церковников» бывший дьячок Григорий Иванов и поповский сын Дмитрий Михайлов²⁹.

По данным III ревизии 1763 г. в пригороде Арске купцами числились 75 душ м.п. и 63 души ж.п.³⁰ Старостой к тому времени был Максим Борисов. Пахотных солдат в Арске насчитывалось 215 душ м.п. и 199 душ ж.п.³¹ Николай Михайлов между II и III ревизиями переселился в г. Свияжск³², а Афанасий Осипов за воровство сослан в ссылку в 1753 г.³³ Материалы III ревизии позволяют более детально раскрыть брачно-семейные отношения жителей Арска с жителями иных поселений. Так, чаще всего жители Арска практиковали браки внутри поселения, а также с жителями соседних селений: с. Чурилино и д. Тюбяк Арской дороги, в меньшей степени с жителями д. Сидорова Пустошь, с. Чекурча, д. Абзebar, с. Чепчуги Арской дороги, и жителями г. Казани. Были и гораздо более редкие случаи браков с выходцами из г. Свияжска, с. Пермьяки, д. Комаровка и д. Лызи Арской дороги, д. Бимер, д. Лудянка Алатской дороги, д. Горицы Ногайской дороги, д. Ключищи Зюрейской дороги. Составлена отдельная ревизская сказка купленной подполковником Иваном Назаровым Слодовским семье Селезнёвых, ранее проживавшей в Саранском уезде³⁴.

Как видим, данные по брачно-семейным связям арских жителей на 1763 г. схожи с данными ландратских переписей 1716 г. Жители Арска чаще всего вступали в браки либо внутри поселения, либо с жителями соседних русских поселений.

²⁷ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.142. Л.15.

²⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1138. Л.20 об.

²⁹ Там же. Л.24 об.

³⁰ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1181. Л.56.

³¹ Там же. Л.77.

³² Там же. Л.72.

³³ Там же. Л.74 об.

³⁴ Там же. Л.74 об.

Численность населения Арска была небольшой и уступала многим крупным селам. Так, в соседнем с. Чурилино в тот же период проживало 382 души м.п. и 404 души ж.п.³⁵

В сохранившихся метриках и ревизиях за этот период лишь малая часть жителей Арска значатся под фамилиями, с фамилиями в основном указаны представители местного купечества. Отдельные же фамилии пахотных солдат связаны с именами людей, родившимися в первой половине XVIII в., как, например, местный род Логиновых, ведущий свое начало от Логина Иванова (1744–1816). Часть же местных фамилий в неизменном виде берет начало от предков, упомянутых в ранних переписях. Так, местный род Орловых восходит к стрельцу Петру Григорьеву Орлову, указанному в переписях 1646 и 1656 гг.

Для расширения картины происхождения местных родов можно использовать результаты генетических исследований по трем местным родам, представители которых проживали в пригороде Арске в рассматриваемый период. Конечно, они не дают полной картины, но их можно использовать в качестве основы для последующих научных работ. Вкратце распишем полученные результаты исследования по трем родам:

1) Род Козиных восходит к пахотному солдату пригорода Арска Мирону Васильеву, ~1707 г.р. Ввиду отсутствия архивных материалов 1716–1719 гг. по пахотным солдатам пригорода Арска, на сегодняшний день не представляется возможным углубить эту линию и узнать, чьим сыном был Мирон Васильев. Результат же генетического Y-исследования его прямого потомка показал следующее: гаплогруппа Q1b1, субклад Y138461. На общемировом древе Yfull образец Козиных представлен вместе с польским образцом. Их общий предок мог жить в диапазоне от 850 до 2200 лет назад³⁶. Гаплогруппа Q берет свои истоки в Сибири, и в целом является редкой для славян, но, вероятно, эта линия могла попасть к славянам относительно давно.

2) Род Носовых восходит к посадскому Григорию Леонтьеву сыну Носову, упомянутому в переписи 1646 г. Результат генетического Y-исследования его прямого потомка показал следующее: гаплогруппа R1a1, субклад FT2484. На общемировом древе Yfull образец Носовых представлен в изголовье данного субклада. К этому же субкладу относятся образцы 1 шведа, 1 датчанина, 2 гагаузов, происходящих из одного рода, и 8 поляков. Общий предок Носовых с ними жил в диапазоне от 1200 до 1800 лет

³⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1182. Л.262.

³⁶ База данных проекта YFull YTree v13.05.00, Q-Y138461. URL: <https://www.yfull.com/tree/Q-Y138461/> (дата обращения: 09.08.2025).

назад³⁷. Данный субклад является одним из дочерних по отношению к крупному субкладу L365, берущему свои истоки в Померании, что и объясняет большое распространение его различных линий среди поляков. Как давно эта линия могла попасть в Россию, сказать однозначно сложно.

3) Род Чумаковых восходит к посадскому Ивану Михайлову (~1661–1752), упомянутому в ландратской переписи 1716 г.³⁸, за потомками обоих сыновей которого впоследствии закрепилась данная фамилия. Результат генетического Y-исследования представителя данного рода показал следующее: гаплогруппа I2a1, субклад PH5047. На общемировом древе Yfull образец Чумаковых представлен вместе с австрийским образцом. Их общий предок мог жить в диапазоне от 750 до 1950 лет назад³⁹. Правда, в целом данная гаплогруппа не самая частая у австрийцев, она берет свои истоки на Балканах и особо распространена у славянских народов. В соседних, братских субкладах мы также видим в основном образцы из России, Украины, Беларуси, Польши, правда, есть 1 образец из Германии и 1 образец из США. Их общий предок с представителями Чумаковых мог жить в диапазоне от 1400 до 2100 лет назад⁴⁰. При этом отметим, что на общемировом древе нет гораздо более близких к Чумаковым, чем австрийский, различных русских результатов. Потому наиболее вероятно, что эта линия относительно давно могла оказаться в русской среде.

С учетом того, что по ранним переписям Арска фигурируют фамилии, которые могут свидетельствовать об их тюркском происхождении (Кудашев, Кудинов и др.), можно предположить, что часть местных родов происходит от крестившихся татар. И у нас есть возможность сравнить 3 вышеуказанных результата с собранной нами научной базой по татарам. Так, в 2017–2020 гг. Институтом истории им. Ш.Марджани был осуществлен проект по генетическому исследованию различных групп татар. Данное исследование охватило более 550 татарских населенных пунктов, в том числе многие татарские поселения, расположенные в непосредственной близости к Арску [2, с.4]. Сравнив результаты трех вышеуказанных арских родов с имеющимися результатами по татарам, можно констатировать, что у татар не были выявлены какие-либо схожие результаты. Но, важно отметить, что так или иначе, данное исследование охватило лишь крайне малую часть местных арских родов, что не позволяет нам на сегодня получить более полную картину.

³⁷ База данных проекта YFull YTree v13.05.00, R1a1- FT2484. URL: <https://www.yfull.com/tree/R-FT2484/> (дата обращения: 09.08.2025).

³⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.142. Л.13 об.

³⁹ База данных проекта YFull YTree v13.05.00, I-PH5046. URL: <https://www.yfull.com/tree/I-PH5047/> (дата обращения: 09.08.2025).

⁴⁰ База данных проекта YFull YTree v13.05.00, I-S8201. URL: <https://www.yfull.com/tree/I-S8201/> (дата обращения: 09.08.2025).

В качестве заключения отметим, что за отмеченный в статье период жители Арска пережили немало различных событий. Так, часть местного военного гарнизона была переведена на Симбирскую засечную черту, жизнь некоторой части населения унесло моровое поветрие 1656 г. К началу XVIII в. Арск утратил свой прежний статус города-крепости и военного форпоста. Потомки местных казаков и пеших стрельцов стали пахотными солдатами. Арск в тот период все больше приобретал административные и хозяйственно-экономические черты, еще больше проявившиеся в последующий период времени. Население Арска 1716–1763 гг. в основном были потомками лиц, учтенных там по ранним переписям 1646, 1656 и 1678 гг. При этом большая часть местного купечества (за исключением Носовых) перебралась в Арск между переписями 1678 и 1716 гг., возможно, вследствие того, что Арск в то время утратил свой прежний военный статус. Местное население чаще всего вступало в брачно-семейные отношения с жителями соседних русских сел и деревень (с. Чурилино, д. Тюбьяк и др.), что проявлялось и в последующем. Переселений в Арск с 1716 по 1763 г. не было. Несмотря на статус казанского пригорода, Арск в тот период по численности жителей заметно уступал многим крупным селам Казанского уезда.

Прилагаем полную публикацию переписи казанского пригорода Арска за 1678 г. Этот источник включает полное описание всех душ м.п., проживавших на тот период в пригороде Арске: священнослужителей, посадских людей, иноземцев, площадных подьячих, воротников, конных казаков, пеших стрельцов, а также крестьян, принадлежащих Любиму Маматову. Сведения о возрасте по данной переписи указаны лишь у лиц до 14 лет включительно. Данный документ публикуется впервые. Описанный в нем материал представляет значимую информацию как о происхождении многих местных родов в частности, так и по истории г. Арска в целом. Текст публикуется по следующим правилам: вышедшие из употребления буквы заменяются буквами современного алфавита, выносные буквы вставляются в строку, пропущенная гласная после выносной согласной восстанавливается, слова под титлами раскрываются, мягкий знак восстанавливается только в положении перед гласной и на конце слова, твердый знак между согласными и на конце слова и все надстрочные знаки не воспроизводятся, краткое «и» ставится по современному произношению, буквенная цифирь передается арабскими цифрами, утраченные части текста воспроизводятся в квадратных скобках. Также отметим, что знак (в), используемый в публикации, является сокращением словосочетания «во дворе» (в оригинале источника указана буква «в» в круге), а знак «д», сокращением слова «двор» (в оригинале буква «д» в круге). Знаки препинания, отсутствующие в оригинале источника, проставлены нами.

**1678 г. – Перепись М.С. Супонева Арской дороги Казанского уезда
(извлечение): Перепись казанского пригорода Арска**

// (л.245) В пригородах на посадах и в слободах.

В Арску двор попа Анисима Афонасьева; (д) панамаря⁴¹ Ивашка Афонасьева; (д) приказные избы подьячего Ондreja Потапова, у него дети: Данилко, Васка – двунатцати лет, Ивашко – шти лет.

Дворы посацких людей: (в) Игнашко Емельянов, у него дети: Корнилко, Елфимко – тринаццати лет, Ивашко – шти лет, Феоктистко – году; (в) Овдокимко Емельянов, у него племянник Карпунка Микитин, да соседа вдова Улка Леонтьева дочь, у нее дети: Якимко, да Федка; (в) Лукашка Иванов, у него сын Васка – пяти лет; (в) Васка Обрамов, у него дети: Гришка, Ивашко – пяти лет, да приимыш Ларка Ильин – десяти лет; (в) Ондрюшка Тиханов, у него дети: Ондрюшка, Федотко, Ивашко – пяти лет, Терешка – дву лет; (в) Гришка Леонтьев, у него дети: Александрко, Ганка – чetyрнатцати, Егорко – семи лет, Карпунка – пяти лет.

Дворы иноземцов: (д) Гришки Кондратьева сына Оксюковского, у него дети: // (л.245 об.) Купряшка – десяти лет, Ондрюшка – пяти лет; (д) Елфимка Федорова, у него сын Оска.

Дворы площадных подьячих: (д) Гришки Кондратьева, у него сын Гарасимко – осми лет; (д) Стенки Иванова сына Бородина, у него сын Федка – полугоду, да брат Игнашко – двунатцати лет, да сосед толмач Куземка Петров сын Скобелкин; (д) пушкаря Левки Алексеева, у него племянник Любишка Костентин.

Дворы воротников: (д) Савки Иванова сына Онтонова; (д) Стенки Савельева, у него сын Илюшка – одиннатцати лет.

Дворы конных казаков: (д) Якушка Матвеева, у него братья: Якушко, Федка, да Ивашко – тринаццати лет; (д) Мишкишки Алексева; (д) Ивашка Селиверстова, у него дети: Васка – десяти лет, Куземка – трех лет; (д) Ивашка Алексева; (д) Офонки Григорьева, у него сын Ивашко; (д) Васки Фофанова, у него дети: Алешка – чetyрнатцати лет, Илюшка – десяти лет, Сидорко – // (л.246) чetyрех лет; (д) Ивашка Еремеева, у него дети: Онтонко – девяти лет, Петрушка – чetyрех лет, Терешка – трех лет, Любишка – году; (д) Овдокимка Фирсова з братом Карпункою, у Овдокимка сын Титко – девяти лет, у Карпунки сын Терешка – трех лет; (д) Стенки Сергеева, у него приимыш Васка Ильин; (д) Пашки Семенова, у него дети: Гришка, Мишка, Петрушка – десяти лет; (д) Ивашка Ефремова; (д) Ивашка Ондреева; (д) Сенки Григорьева, у него дети: Филка, Оска, Тишка – чetyрех лет; (д) вдовы Зиновейки Игнатьевы, у нее сын Микитка Гаврилов.

Дворы пеших стрельцов: (д) пятидесятника Ларки Леонтьева сына Пятунки; (д) Якушка Максимова, у него сын Ромашка – одиннатцати лет; (д) Офонки Григорьева; (д) Федки Максимова, у него дети: Куземка, Петрушка – тринаццати лет, Стенка – осми лет, Якушко – шти лет, Ивашко – трех лет; (д) Гришки Степанова, у него сын Алешка; (д) Абрамка Иванова, у него сын Васка // (л.246 об.) осми лет; (д) Гришки Яковлева, у него дети: Оска – осми лет, Куземка – пяти лет; (д) Федосейка Максимова, у него брат Левка – чetyрех лет, да сосед Пронка Филипов, сказался он Пронка села Чепчугов крестьянин, тягла платит по рублю по десяти

⁴¹ Так в ркп.

алтын на год, в Арску живет в стрельцах тому шесть лет; (д) Пашки Ерофеева, у него дети: Ивашко – десяти лет, Тимошка – дву лет; (д) Гришки Еремеева, у него дети: Ивашко, Евсвейко – четырнатцати лет, Тимошка – одиннатцати лет, Тишка – трех лет, Сергушка – году, да племянник Феоктистко Микитин – двунатцати лет, у Ивашка сын Якушко – полугоду; (д) Федки Афонасьева, у него дети: Ондрюшка, Сенка – двунатцати лет, Филка – пяти лет; (д) Фадюшки Гаврилова; (д) Ефтифейка Агафонова, у него дети: Потапко – четырнатцати лет; (д) Митки Фадеева, у него дети: Стенка – десяти лет, Ивашко – году; (д) Дорофейка Кондратьева; (д) Першки Федорова, у него дети: Ромашка, Гришка – десяти лет; (д) Микифорка // (л.247) Петрова, у него дети: Обакумко, Офонка – одиннатцати лет, Сенка – осми лет, да сосед Сенка Васильев, у него пасынки: Илюшка – осми лет, Васка – пяти лет, Тимошка – дву лет Яковлевы дети; (д) Евсютки Федорова, у него брат Данилко – десяти лет; (д) Ондрюшки Кондратьева, у него дети: Назарко, Мишка – четырнатцати лет; (д) Якушка Семенова, у него дети: Ивашко – двунатцати лет, Терешка – семи лет, Стенка – трех лет; (д) Васки Максимова, у него сын Куземка – двунатцати лет, да пасынок Елфимко Карпов; (д) Микитки Сергеева, у него дети: Спирка, Трошка – четырнатцати лет, Гаранка – двунатцати лет, Куземка – десяти лет, Гришка – семи лет, Ортюшка – пяти лет; (д) Максимка Парамонова, у него дети: Ганка – трех лет, Микишка – дву лет, да пасынки Васка, Лазорко – двунатцати лет Корниловы дети; (д) Кондрашки Иванова, у него дети: Оксенко – десяти лет, Еремка – осми лет, Данилко – пяти лет, Васка – трех лет, да пасынок Микитка Павлов, у него ж соседа вдова Малашка Гарасимова дочь, у нее дети: Васка, Ивашко – тринацати лет, Кирюшка – шти лет, // (л.247 об.) Малашка сказала муж де ее Евсвейко Иванов был Синбирского уезду, Арские слободы конной казак, а в Арску кормился работою, и как де был в Арску на приказе казанец Любим Маматов и мужа де ее взял во двор, а по каким крепостям того не знает и муж де ее умре во 185-м⁴² году, а ее ж Малашку и з детми Любим Маматов держит во дворе; (д) Петрушки Иванова, у него дети: Тимошка – десяти лет, Гришка – трех лет; (д) Петрушки Григорьева, у него сын Гришка, у Гришки сын Васка – дву лет; (д) Матюшки Гаврилова; (д) Ортюшки Козмина; (д) Любишки Иванова, у него дети: Микишка – пяти лет, Сенка – трех лет, Офонка – году; (д) Ларки Елфимова з братом Ивашком; (д) Якимка Григорьева, у него племянник Федка Степанов – полугоду; (д) Обросимко Ондреева, у него сын Якимко; (д) Куземки Козмина; (д) Тимошки Савельева.

Дворы стрельцов же, а были они Арскова ж городка⁴³ посацкие люди: (д) двор Стенки Левонтьева, у него дети: Васка – четырнатцати лет, Ларка – девяти лет, Ивашко – полутора году, да пасынок Трошка Федоров; (д) Евстратка Сергеева, у него дети: Якимко, Мартынок, Ивашко – семи лет.

// (л.248) Да посацкие люди и конные казаки и стрельцы бежали и в моровое поветрие умерли и переведены на Синбирскую черту, а дворовые их места лежат в пусе: Митка Фадеев бежал в Астарахань⁴⁴ во 160-м году⁴⁵; Митка Сергеев бежал в Казань во 161-м году⁴⁶, Данилко Ондреев, Федосейко Игнатьев бежали в

⁴² Дата соответствует периоду с 1 сентября 1677 г. по 31 августа 1678 г.

⁴³ В ркп слова «городка» написано дважды.

⁴⁴ Так в ркп.

⁴⁵ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1651 г. по 31 августа 1652 г.

⁴⁶ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1652 г. по 31 августа 1653 г.

Казанской уезд, в Мензелинской городок во 162-м году⁴⁷; Васка Семенов бежал в Казанской же уезд в дворцовую Анаташскую волость во 163-м году⁴⁸. В моровое поветрие умерли: Илюшка Обросимов, Ивашко Аггеев, Бориско Кондратьев, Петрушка Дементьев, Ивашко Федоров, Ондрюшка Осипов, Васка Еремеев, Ивашко Петров, Ларка Иванов, Демка Фомин, Логинко Иванов, бобыли: Архипко Григорьев, Данилко Борисов, Фирско Елизарьев, Федька Нефедев, Митка Григорьев, Матюшка Григорьев.

Конные казаки бежали и переведены на Синбирскую чету во 158-м году⁴⁹: Сенка Иванов сын Потапов з братом Ондрюшкою бежали во 162-м году⁵⁰ // (л.248 об.) и живут в Казани в стрельцах; Федотко Терентьев, Илюшка Терентьев, Стенка Федоров, Ивашко Яковлев переведены на Синбирскую черту; пешие стрельцы: Васка Оксентьев, Ганка Юрьев, Сергушка Семенов переведены на Синбирскую ж черту.

Всего в Арску на посаде посацких шесть дворов, людей в них четырнатцать человек, недорослей одиннатцать человек; конных казаков тринатцать дворов, людей в них дватцать два человека, недорослей четырнатцать человек; пеших стрелцов тритцать четыре двора, людей в них пятьдесят один человек, недорослей пятьдесят пять человек; двор попов, двор приказные избы подьячего, двор панамарев, людей в них четыре человека, недорослей два человека; два двора иноземских, два двора площадных подьячих, двор пушкарев, два двора воротников, два двора стрельцов, а были они посадские люди, людей в них пятнатцать человек, недорослей десять человек, двор вдовей, а в нем один человек.

В Арском ж городке дворы казанца Любима Мама – // (л.249) - това дворовых людей: (в) Исачко Сергеев, Мишка Микитин сын Толокнов, Сенка Сергеев сын Нагай, у Исачка дети: Васка – трех лет, Сенка – полугоду, у Мишки дети: Офонка – трех, Исидорко – полугоду, а крепки ему Любиму Исачко, да Мишка по даной, а Сенка по купчей; (в) вдова новокрещенка Анютка Микитина дочь, у нее дети: Федка, Ивашко, да Гришка – десяти лет, у переписки сказала муж де ей Куземка Денисов безьясачной новокрещен Арские дороги, деревни Кебек-Кози и платил пол ясака. И как де был в Арску на приказе казанец Любим Маматов, и мужа де ее и с нею Анютокою взял во двор, и муж де ее у него Любима во дворе и умер. А крепости на мужа ее есть ли, того она не ведает. А Любим Маматов сказал, муж де ее Куземка Денисов был бобыль и написан за ним в отказных книгах и подал выпись за печатью Царства Казанского, за приписью дьяка Калины Патрекеева. А в выписи за ним Любимом написан в Арску двор бобыля Куземки Денисова, и он умер, а после ево Куземки живут за ним Любимом дети ево: Федка, Ивашко, да Гришка, а новокрещенки Анютки в выписи не написано и до указу великого государя // (л.249 об.) та новокрещенка и з детми отдана в Арску посацких людей старосте Лукьянке Иванову.

⁴⁷ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1653 г. по 31 августа 1654 г.

⁴⁸ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1654 г. по 31 августа 1655 г.

⁴⁹ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1649 г. по 31 августа 1650 г.

⁵⁰ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1653 г. по 31 августа 1654 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурина М.М., Владимиров О.О. О месте татарской аристократии в структуре управления Горной стороны (Свияжского уезда). Вторая половина XVI – начало XVII века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т.10, №1. С.154–183. <http://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1>
2. Акчурина М.М., Владимиров О.О., Салихов Р.Р., Хакимов Р.С. Генотип татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 111 с.
3. Галлям Р.Г. Арск по переписной книге 1646 г. Т.Ф. Бутурлина // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. №2. С.43–48.
4. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. Т.XVIII. Вып. 1–3. Древние грамоты и разные документы (материалы для истории Казанской епархии). Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1902. XXV с., 6 с., 27 с.: ил., прил.
5. Износков И.А. Список населенных мест Казанского уезда, с кратким их описанием. Казань: Тип. губ. правл., 1885. 228 с.

Информация об авторе:

Владимиров Олег Олегович – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

Поступила 06.09.2025

Принята к публикации 18.09.2025

The population of Arsk in 1656–1763 (based on documentary materials)

O.O. Vladimirov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This publication presents information from the funds of the 1209 Pomestnyi Prikaz and the 350 Landrat Books and Revision Tales of the Russian State Archive of Ancient Acts, revealing the life and composition of the inhabitants of Arsk in the period from 1656 to 1763, with a description of all classes (clergy, people of posad, mounted Cossacks, foot archers, foreigners, ploughing soldiers) who lived there during a specific period of time. The article describes the transition of the descendants of the military estates to the category of ploughing soldiers. The article also provides the results of an analysis of marital and family relationships between residents of Arsk and residents of other localities. For the first time, the materials of the 1678 census of Arsk, as well as the results of genetic studies of the descendants of certain Arsk families who lived there during the period under consideration, are introduced into scientific circulation.

Keywords: Arsk, Arskaya road, people of posad, cossacks, sagittarians, foreigners, ploughing soldiers, genetic research

Fot citation: Vladimirov O.O. The population of Arsk in 1656–1763 (based on documentary materials). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.61–74. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.61-74> (In Russian)

REFERENCES

1. Akchurin M.M., Vladimirov O.O. About the place of the Tatar aristocracy in the structure of government of the Mountain side (Sviyazhsk district). Second half of the 16th – early 17th century. *Golden Horde Review*. 2022, vol.10, no.1, pp.154–183. <http://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.154-183> (In Russian)
2. Akchurin M.M., Vladimirov O.O., Salikhov R.R., Khakimov R.S. The gene pool of the Tatars: a historical and genetic study. Y-chromosome haplogroups. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021. 111 p. (In Russian)
3. Gallyam R.G. Arsk according to the census book of 1646 by T.F. Buturlin. *Echo of the Centuries*. 2009, no.2, pp.43–48. (In Russian).
4. Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Institute. Kazan University, vol. XVIII, vol. 1–3. Ancient charters and various documents (materials for the history of the Kazan Diocese). Kazan: type. Imperial Kazan University, 1902. XXV p., 6 p., 27 p. (In Russian)
5. Iznoskov I.A. List of populated areas of the Kazan district, with a brief description of them. Comp. d. ch. Kazansk. gubernia. stat. com. Wear and tear. Kazan: tip. Gubernatorial Institute, 1885. 228 p. (In Russian)

About the author:

Vladimirov Oleg Olegovich – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

Received September 6, 2025

Accepted for publication September 18, 2025

УДК 93(470.41)"187/188":355.292

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.75-86>

Социально-правовой статус отставных нижних чинов и семей военнослужащих в 1870–1880-е гг. (по материалам фонда Больше-Атнинского волостного правления Казанского уезда)

И.З. Файзрахманов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена изучению социально-правового статуса отставных военных чинов и членов их семей в 1870–1880-х гг. На основе материалов фонда Больше-Атнинского волостного правления Казанского уезда рассматриваются мероприятия по призыву нижних чинов запаса в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., раскрываются вопросы обеспечения пенсиями, пособиями как самих раненых и увечных отставных чинов, так и их семей, предоставления им налоговых льгот и т.д. Автор обращает внимание на различия в социально-правовом статусе нижних чинов запаса, поступивших в войска по рекрутским наборам, и нижних чинов, призванных по Уставу о воинской повинности 1874 г., касается вопросов адаптации военнослужащих к мирной жизни после увольнения из армии. На примере отставных военнослужащих показан рост отходничества в города и другие места в целях поиска работы.

Ключевые слова: социально-правовой статус, воинская повинность, рекруты, отставные нижние воинские чины, семьи военнослужащих, Больше-Атнинская волость, Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Для цитирования: Файзрахманов И.З. Социально-правовой статус отставных нижних чинов и семей военнослужащих в 1870–1880-е гг. (по материалам фонда Больше-Атнинского волостного правления Казанского уезда) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.75–86. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.75-86>

Вопросы социально-правового статуса отставных нижних чинов и семей военнослужащих в России в XVIII–XIX вв. не раз становились предметом изучения как дореволюционных, так и советских и современных исследователей. Основными темами для изучения были следующие: интеграция находящихся в запасе военнослужащих в гражданскую жизнь, обеспечение пенсиями, пособиями как самих отставных чинов, получивших ранения и увечья, так и их семей, предоставление налоговых льгот, принятие на содержание в учреждения системы общественного призрения [1; 2; 6; 3].

При изучении этих и других смежных вопросов неизменным основным источником являются законодательные акты. Их количество доволь-

но внушительно. Кроме того, есть многочисленные подзаконные акты, конкретизирующие, поясняющие отдельные положения законов в отношении конкретных групп военнослужащих. Основными законодательными актами по рассматриваемой нами теме являются «Положение об устройстве быта отставных и бессрочноотпускных нижних чинов» от 25 июня 1867 г. [3, с.997–1003] и «Устав о воинской повинности» от 1 января 1874 г. [4, с.2–28].

Актуальность представляет изучение способов реализации положений вышеназванных законов, правоприменительной практики на местах. Для решения данной задачи необходимо проанализировать делопроизводственные материалы, отложившиеся в фондах местных учреждений, главным образом, в фондах волостных правлений, уездных полицейских управлений, а также городских, уездных и окружных по воинской повинности присутствий. В них в той или иной степени раскрываются социально-правовые вопросы, касающиеся отставных военнослужащих. В Государственном архиве Республики Татарстан наибольшее количество документов по данной теме отложились в фондах «Чистопольское уездное полицейское управление Казанской губернии» (ф.245) и «Больше-Атнинское волостное правление Казанского уезда» (ф.413). Нами была изучена часть материалов фонда 413.

В фонде «Больше-Атнинское волостное правление Казанского уезда» имеется объемный материал по периоду Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в котором описаны мероприятия по призыву рядовых запаса, бессрочно отпускных нижних чинов и ополченцев из селений Больше-Атнинской волости в ряды действующей армии, а также последующему призрению оставшихся их семей и вернувшихся с ранениями отставных.

В 1877 г. прошло несколько волн по призыву на действительную службу. Так, по призыву от 4 апреля 1877 г. воинские чины запаса призывались из бессрочного и временного отпуска. Всего в списке таких призванных по Больше-Атнинской волости значатся 44 человека (семей). Еще 6 человек числятся как призывники 3-го призыва от 23 июля 1877 г.¹

В летний призыв по Высочайшему повелению от 20 июля 1877 г. из Казанского уезда должны были призываться очередные ополченцы первого разряда на пополнение постоянных войск – всего 536 человек². По 6-му призывному участку, куда входили и селения Больше-Атнинской волости, подлежало к призыву 125 ратников. Они должны были явиться в Казань 10 августа 1877 г. Это лица, записанные в ополчение в призыв 1875 и 1876 гг., – все молодые ребята, родившиеся в 1854–1855 гг.³

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.413. Оп.1. Д.175. Л.29–31 об.

² ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.178. Л.22.

³ Там же. Л.24.

В ходе мероприятий был составлен общий список ратников ополчения Больше-Атнинской волости Казанского уезда, зачисленных в армию по призывам 1874 (всего 105 чел.), 1876 (34 чел.) и 1877 гг. (46 чел.)⁴.

В отношении Казанской уездной земской управы Больше-Атнинскому волостному правлению от 24 июня 1878 г. сообщалось: «Волостным правлениям Казанского уезда. В случае воследования Высочайшего повеления о созыве государственного ополчения ратникам предоставлено право иметь некоторые предметы обмундирования свои, а именно: 1) три рубахи; 2) две исподние (нательные) брюки; 3) две пары летних портянок, по 1½ аршина холста в каждой паре; 4) две пары сапогов на двойных подошвах, длина голенищ 11 вершков в шитых сапогах; 5) зимние суконные портянки»⁵. Земство должно было оплатить их стоимость при условии, что эти вещи «были годны и прочны». Указанных вещей могло быть и меньше, например, рубах.

Таким образом, в случае внезапного призыва призывники должны были иметь с собой 2 пары сапог, на сборном пункте им должны были компенсировать их стоимость: за пару сапог на одиночной подошве – 3 руб., а на двойной – 3 руб. 25 коп. Также предписывалось призываемым в зимнее время солдатам являться в своих новых и хороших полушубках, за которые было обещано по прибытии их в войска выплатить по 3 руб.⁶

В связи с начавшейся Русско-турецкой войной приобрели актуальность вопросы по призрению семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу. Семьям призывников полагались денежные пособия от земства. Согласно высочайше утвержденным «Временным правилам об учреждении попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов» от 9 июля 1877 г. [5, с.22–24], земство обязывалось доставлять женам и детям призванных на службу военнослужащих продовольствие, а города и селения – бесплатное помещение. Призрение отца, матери, деда, бабки и братьев и сестер (круглых сирот) призванного, если они содержались за его счет, возлагалось на общества, к которым они принадлежали. Закон, обязывавший земства к призрению семей военнослужащих, призванных «на защиту Престола и Отечества», по идее, была направлена не на единоразовую помощь, а чтобы «относиться к призреваемым с тем теплым участием, которым вернее всяких законодательных постановлений обеспечивается успех дела, основанного прежде всего на сознании гражданского долга и чувства человеколюбия»⁷.

В ходе Русско-турецкой войны государство в организованном порядке помогало семьям военнослужащих. Процесс получения пособий жена-

⁴ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.178. Л.62–72 об.

⁵ Там же. Л.74–74 об.

⁶ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.172. Л.49.

⁷ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.175. Л.60–60 об.

ми военнотружущих был подробно регламентирован. Так, волостные старшины должны были завести шнуровые книги, чтобы записывать поступающие к ним ходатайства о призрении⁸. Для признания семейства призывника нуждающимся в пособии сначала проводилось дознание, затем проверялись сведения, представленные в ходатайстве. Дознание проводилось в селении при участии старосты и двух стариков того селения, где проживала семья, в городах – при участии соседей. Это пособие выдавалось уездной управой. Пособие можно было взять напрямую от уездной управы, либо же оно высылалось в волостные правления. При выдаче пособия отказывали в следующих случаях: 1) если семья была с видимым достатком или же проживала у состоятельных родственников, которые могли бы ее обеспечить; 2) если детей не было и жена была трудоспособна; 3) если в семье дети достигли 15-летнего возраста и имели возможность добыть пропитание собственным трудом⁹.

Пособия выплачивались ежемесячно. Так, солдатке Хайбуллиной с находящейся при ней малолетней дочерью было назначено ежемесячное денежное пособие в размере 2 руб. 60 коп.¹⁰ Другой солдатке Абдуллиной, как находящейся в болезненном состоянии, назначили ежемесячную выплату в размере 1 руб. 30 коп., а ее дочери Гайниязмал в пособии отказали, поскольку она была уже взрослой и способной к самостоятельному труду¹¹.

Выдача пособия прекращалась в случае смерти лиц их получающих или же по возвращении домой призванного на службу – в случае его способности к труду вообще. Если он получил ранение, то пенсию назначали как ему самому, так и членам его семьи¹².

Среди документов фонда 413 имеется составленный в 1880 г. именной список воинов по Больше-Атнинской волости, получивших ранения в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.¹³ Многие уроженцы селений волости участвовали в сражениях в составе 7-го пехотного Ревельского полка. Достоверно известно как минимум о семи рядовых этого полка по волости, вернувшихся с ранениями (двое раненых были из других подразделений). Они получили ранения в сражении под Плевной и других местах:

– отставной рядовой 10-го пехотного Ингерманландского полка Муфтахутдин Мухарямов из д. Марьян (1841 г.р.) был ранен в лапу правой ноги пулей на вылет под Плевной 30 августа 1877 г.;

– запасной 7-го пехотного Ревельского полка унтер-офицер Ибрагим Галиуллин из д. Верхние Верески (1849 г.р.) был ранен в указательный палец правой руки пулей под Плевной;

⁸ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.175. Л.60 об.

⁹ Там же. Л.127.

¹⁰ Там же. Л.110, 117.

¹¹ Там же. Л.125.

¹² Там же. Л.127 об.

¹³ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.187. Л.10–11.

– запасной рядовой 7-го пехотного Ревельского полка Садык Гафоров из д. Большие Вережи (1844 г.р.) был ранен в руку ниже локтя без повреждения кости под Плевной;

– отставной рядовой 7-го пехотного Ревельского полка Фазылзян Мухаметрахимов (он же Хайбулла Рахимов) из д. Большие Вережи (1844 г.р.) был ранен в щеку с повреждением нижней челюсти рта;

– отставной рядовой 7-го пехотного Ревельского полка Гайнулла Галеев из д. Большие Вережи (1841 г.р.) был ранен в ногу выше лапы на вылет под Плевной;

– отставной рядовой 7-го пехотного Ревельского полка Сабит Латыпов из д. Большие Вережи (1848 г.р.) был ранен в левую ногу выше колена и в ладонь правой руки под Плевной;

– отставной рядовой 7-го пехотного Ревельского полка Ахметсафа Мустафин из д. Большая Атня (1848 г.р.) был ранен в правую ногу под коленкой на вылет без повреждения кости;

– отставной рядовой 7-го пехотного Ревельского полка Сагадутдин Сайфутдинов из д. Малая Атня был ранен в левую ногу ниже колена;

– отставной рядовой Олонецкого пехотного его королевского Высочества принца Карла Баварского полка Хусаин Халитов из д. Комургузи (1847 г.р.) был ранен от двух ружейных пуль, нога была отрезана выше колена в городе Камболе (ныне г. Ямбол в Болгарии)¹⁴.

Эти раненые воины получали пенсию в связи с потерей трудоспособности. Получившим увечья во время службы нижним чинам, которые были не в состоянии себя обеспечить и у которых не было родственников, готовых взять их на иждивение, назначалась пожизненная пенсия в размере 3 руб. в мес.¹⁵ Кроме того, закон предусматривал неспособных к труду нижних чинов из-за старости, увечья и болезни призывать в подведомственных приказах общественного призрения.

Положение 1867 г. об устройстве быта отставных нижних чинов, поступивших в войска по рекрутским наборам, продолжало действовать и после вступления в силу Устава о воинской повинности 1874 г. В положение 1867 г. были заложены нижеследующие основные принципы, в целом повторившиеся в Уставе 1874 г.:

Отставные нижние чины 1) по окончании службы должны были быть записаны в свои прежние или какие пожелают другие общества податных сословий (могли приписываться в города, кроме столичных городов Москвы и Санкт-Петербурга, и городов, пользующихся особыми правами и привилегиями); 2) пользовались отпуском лесных материалов на обстройку, починку и отопление домов; 3) освобождались от постоев навсегда, а также на 3 года от уплаты имущественного налога за дома, если валовой доход с них не превышал 100 руб.

¹⁴ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.187. Л.10–11.

¹⁵ Там же. Л.69 об.

В социально-правовом отношении основное различие между отставниками, которые призывались с 1874 г., и отставниками-рекрутами заключалось в том, что последние оставались свободными от платежа государственных податей и сбора на земские повинности.

Широко распространенное мнение, что отставные рекруты освобождались от налогов навсегда, не вполне верно. Так, возвратившись в свои общества, они вступали в пользование всеми принадлежащими им в сельском обществе правами «и в том числе правом на участие в пользовании отведенной в надел обществу мирской землей, усадебной и полевой, на одинаковых с прочими членами общества основаниях, подчиняясь существующим на сей предмет в каждом обществе обычаям и порядку»¹⁶. Таким образом, они фактически были обязаны платить налоги за пользование землей, выполнять разные повинности, участвовать при сборах на все мирские и общественные потребности¹⁷.

Призывники с 1874 г. не платили налогов в период несения действительной службы и после в течение года по увольнении в запас. Однако с самих сельских обществ исполнение налоговых обязательств никто не снимал – однообщественники платили за тех призванных, а также в течение года после их увольнения. Таким образом, несмотря на то, что на военную службу ежегодно призывалась часть налогоплательщиков, это не сказывалось на уровне собираемости налогов.

Также был ряд других льгот для отставных военнослужащих. При увольнении в отставку или на бессрочный отпуск (фактически та же отставка) нижние чины получали единовременное пособие в размере 10 руб. и еще 15 руб. на обзаведенный дом¹⁸. Для получения этого пособия требовалось предоставить удостоверение о том, что нижний чин действительно приобрел недвижимость или устроил усадьбу и отдельное хозяйство. Обращаться за пособием нужно было в губернскую казенную палату¹⁹. Так, в 1874 г. проживавшему в д. Большая Атня отставному рядовому Валиулле Абдрахимову Казанское губернское казначейство выдало пособие на первоначальное обзаведение – 10 руб. и на дополнительное – 15 руб.²⁰

Интересно проследить правила ношения военной формы в связи с увольнением военнослужащего. Во все время состояния в запасе – со дня прибытия в постоянные места жительства и по день призыва в войска – нижним чинам не разрешалось надевать военную форму за исключением всех вообще унтер офицеров и рядовых, имеющих знаки отличия военного ордена, которым предоставлялась возможность надевать форменные военные мундиры и фуражки или шапки в тех случаях и в те дни, когда прави-

¹⁶ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.187. Л.67 об.

¹⁷ Там же. Л.74.

¹⁸ Там же. Л.68 об.

¹⁹ Там же. Л.69.

²⁰ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.175. Л.22–22 об.

лами о форме одежды для находящихся на действительной службе определено быть в парадной или праздничной форме²¹.

Те из увольняемых в запас нижних чинов, которые по прибытии в места постоянного жительства не были в состоянии тотчас же обзавестись неформенной одеждой, могли на первое время донашивать свои шинели, но никак не более годичного срока со дня увольнения²².

В случае призыва на действительную службу или в учебные сборы нижним чинам запаса разрешалось следовать в назначенные места как в форменной военной, так и в собственной одежде, кто какую имел, то же соблюдалось и при роспуске с учебных сборов до прибытия в места постоянного жительства²³.

Находящихся в запасе нижних чинов регулярно вызывали на военные сборы, для чего требовалось иметь их полные списки, а также фиксировать изменения в их положении. В рассмотренном нами документе «Алфавит нижним чинам, проживающим в Больше-Атнинской волости Казанского уезда Казанской губернии 1886–1887 гг.» записаны имена и фамилии нижних чинов, места их проживания, их военные должности и названия воинских подразделений, где они служили, даты окончания действительной службы и перевода с запаса в ополчение, иные примечательные факты об их состоянии (смерть, переселение и т.д.).

Согласно данному документу, места службы находящихся в запасе, а также уволенных в ополчение, умерших и выбывших по иным причинам отставных нижних чинов по Больше-Атнинской волости были самыми разнообразными. Как правило, они служили рядовыми. Рассмотрим некоторые примеры:

– рядовой Галяутдин Абдулвалеев из д. Большая Атя, службу проходил в Лейб-гвардии Московского полка, дислоцированного в Санкт-Петербурге, уволен в запас в 1872 г., в ополчении с 1887 г.²⁴;

– вице-унтер офицер штата Московской полиции Гимадутдин Абдрахимов из д. Коморгузя, уволен в запас в 1873 г., в ополчении с 1888 г.²⁵;

– ефрейтор 7-го пехотного Ревельского полка Хисметулла Ахмадуллин из д. Клевляр, уволен в запас в 1887 г.²⁶;

– пожарный служитель Московской полиции Суцевской команды Хайрулла Габитов из д. Большие Вережи, уволен в запас в 1873 г., в ополчении с 1888 г.²⁷;

²¹ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.187. Л.75.

²² Там же. Л.75.

²³ Там же. Л.75 об.

²⁴ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.231. Л.1.

²⁵ Там же. Л.1 об.

²⁶ Там же. Л.7.

²⁷ Там же. Л.45.

– рядовой Гайнулла Губайдуллин из д. Старый Менгер, службу проходил в 139-м пехотном Моршанском полку, дислоцированном в г. Нижний Новгород, уволен в запас в 1875 г., переведен в ратники ополчения в 1894 г.²⁸;

– служитель Херсонского военного госпиталя Тохватулла Ибетуллин из д. Коморгузя, уволен в запас в 1876 г., переведен в ратники ополчения в 1894 г.²⁹

Как ранее было озвучено, нижние чины, не желавшие возвратиться в то общество, в котором числились по ревизии, могли выйти из общества, не спрашивая согласия последнего, но обязаны были взять на содержание жену и малолетних детей³⁰. Возможность для отставных военнослужащих не приписываться к прежнему обществу, а свободно уехать и переселиться в другое место, способствовало росту их мобильности. Побывавшим в армии и флоте военнослужащим в запасе было легче покинуть насиженные места и заняться другим видом деятельности. Многие из них пополняли ряды фабрично-заводских рабочих, или же регулярно находились на временных подработках далеко от родных мест. Поддержка отставных военнослужащих со стороны государства была минимальной. В таких условиях на первое место выходила их быстрая адаптация в обществе, способность самостоятельно решать вопросы, связанные с переселением в новые места.

Ниже приведены примеры из рассмотренного выше документа «Алфавит нижним чинам...», в котором сделаны примечания о местах пребывания отставных военнослужащих, выбывших из селений Больше-Атнинской волости.

Отставной рядовой Файзулла Яхъин (д. Большая Атня), барабанщик Давлетша Хайбуллин (д. Шекеняч), канонир Самигулла Сафиуллин (д. Большая Атня), барабанщик Хайрулла Назыров (д. Шекеняч) бомбардир Ахмадулла Губайдуллин (д. Большая Атня), рядовой Сафиулла Валеев (д. Большая Атня) – всего 6 человек – находились в Казани в работе на фабрике Алафузова³¹. В документе также имеются десятки записей о пребывании чинов запаса в Казани без указания на конкретные места их работы.

Рядовой Зариф Юсупов из д. Верхние Верески, служивший в Орске, в момент проверки находился по временному паспорту в Орске по своим делам³². Фазылзян Мухаметзянов, бомбардир Казанской местной артиллерийской команды, в 1891 г. на годичный срок был уволен и пребывал в Оренбурге³³. Другой рядовой Хуснутдин Мухутдинов из д. Нижние Верески был

²⁸ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.231. Л.46.

²⁹ Там же. Л.85.

³⁰ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.187. Л.73.

³¹ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.231. Л.36, 52, 132, 172, 214, 263.

³² Там же. Л.250.

³³ Там же. Л.121.

уволен на 3 мес. в Нижний Новгород³⁴. Некоторые переезжали на другие постоянные места проживания. Так, рядовой Ахметзян Габитов из д. Большая Атня в 1887 г. переехал в Орский уезд Оренбургской губернии³⁵.

Рядовой Гайнутдин Хисамутдинов из д. Большие Вережи в 1894 г. уехал на заработки в Баку³⁶. О другом рядовом запаса Хакимзяне Садыкове из д. Большая Атня также была сделана отметка, что он остался на временное жительство в Баку³⁷. Общеизвестно, что многие уезжали работать на Донбасс, однако в рассмотренных нами документах такие случаи не выявлены.

Рядовой Галимзян Хисамутдинов из д. Верхние Верески с 1889 г. находился в Троицке, сам он был переведен в ратники ополчения в 1894 г.³⁸

Рядовой Закир Шакиров из д. Шекеняч, уволенный из действительной военной службы в 1883 г., в 1896 г. был исключен из запаса и зачислен в ополчение³⁹. Он родился в 1861 г.⁴⁰, соответственно, в 35 лет был зачислен в ополчение. Можно предположить, что он закончил действительную службу раньше срока по болезни, так как при увольнении ему было только 22 года. В записи о рядовом Хакимулле Тохватуллине из д. Большие Вережи, закончившего действительную военную службу в 1882 г., сделана отметка, что он в 1888 г. был уволен и из запаса «по совершенной неспособности»⁴¹.

Как правило, в ополчение переводили по достижении 40 лет. Например, Камалетдин Шамсутдинов был уволен из действительной службы и зачислен в запас в 1872 г., в ополчении – с 1887 г.; Хисамутдин Шарафутдинов был уволен из действительной службы и зачислен в запас в 1873 г., в ополчении – с 1888 г.; Хуснутдин Шарафутдинов был уволен из действительной службы и зачислен в запас в 1872 г., в ополчении – с 1888 г.⁴²

Таким образом, при изучении социальной истории нельзя обойти вниманием вопросы социально-правового статуса отставных нижних чинов и семей военнотружущих: мобилизационные мероприятия в военное время; обеспечение пенсиями и пособиями членов семей военнотружущих, призванных на службу, а также получивших ранения и увечья отставных чинов, их семей, вдов, предоставление им налоговых льгот; адаптация военнотружущих к мирной жизни после увольнения из армии и др.

³⁴ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.231. Л.119.

³⁵ Там же. Л.47.

³⁶ Там же. Л.218.

³⁷ Там же. Л.174 об.

³⁸ Там же. Л.211.

³⁹ Там же. Л.233.

⁴⁰ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.552. Л.19 об.–20.

⁴¹ ГА РТ. Ф.413. Оп.1. Д.231. Л.184.

⁴² Там же. Л.231.

В то же время поддержка государством основной части уволенных в запас военнослужащих, не получивших ранений во время несения службы, сводится к минимуму. Значительная часть расходов, связанных с призывом рядовых запаса и ополчения, лежала на плечах самих призываемых, их семей, родственников, городских и сельских обществ, земских учреждений. Изучение вышеперечисленных вопросов на примере отдельно взятых волостей, селений, биографий военнослужащих позволяет наглядно показать практическую реализацию положений законов в области обеспечения социально-правовой защиты отставных военнослужащих и их семей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т.2: Реализация и последствия реформы. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 514 с.
2. *Каверзнев А.Н.* Краткое историческое обозрение правительственных мероприятий в России по обеспечению отставных служащих и их семейств. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1909. [4], 254, IV с.
3. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II отд. собст. Е. И. В. канцелярии, 1871. Собр. 2-е. Т.42. Ч.1, №44745.
4. ПСЗРИ. СПб.: Тип. II отд. собст. Е. И. В. канцелярии, 1876. Собр. 2-е. Т.49. Ч.1, №52983.
5. ПСЗРИ. СПб.: Тип. II отд. собст. Е. И. В. канцелярии, 1879. Собр. 2-е. Т.52. Ч.2, №57551.
6. *Шафигулина С.Р.* Социально-правовой статус отставных военных и членов их семей по законодательству России XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №10 (36). Часть 1/2013. С.193–196.
7. *Щербинина Ю.В.* Социальная адаптация и правовое положение отставных и бессрочноотпускных солдат русской армии в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. 205 с.

Информация об авторе:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Поступила 14.07.2025

Принята к публикации 15.08.2025

Social and legal status of retired lower ranks and families of military personnel in the 1870s and 1880s (based on materials from the fund of the Bolshe-Atninsky volost administration of the Kazan district)

I.Z. Faizrakhmanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the social and legal status of retired military personnel and their family members in the 1870s and 1880s. Based on the materials of the Bolshe-Atninsky volost administration fund of the Kazan district, measures for military recruitment of lower ranks of the reserve during the Russian-Turkish War of 1877–1878 are considered, issues of providing pensions and benefits to both wounded and maimed retired officers themselves are revealed, as well as their families, providing them with tax benefits, etc. The author draws attention to the differences in the socio-legal status of the lower ranks of the reserve, who joined the army on recruitment, and the lower ranks, who were called up according to the Military Service Regulations of 1874, and concerns the issues of military personnel's adaptation to civilian life after being discharged from the army. The example of retired military personnel shows the growth of migration to cities and other places in order to find work.

Keywords: social and legal status, military service, recruits, retired lower military ranks, families of military personnel, Bolshe-Atninsky volost, Russian-Turkish War of 1877–1878

For citation: Faizrakhmanov I.Z. Social and legal status of retired lower ranks and families of military personnel in the 1870s and 1880s (based on materials from the fund of the Bolshe-Atninsky volost administration of the Kazan district). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.75–86. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.75-86> (In Russian)

REFERENCES

1. Druzhinin N.M. *State peasants and the reform of P.D. Kiselyov*. Vol.2. Implementation and consequences of the reform. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences Publ., 1958. 514 p. (In Russian)
2. Kaverznev A.N. *Brief historical review of government measures in Russia to provide retired employees and their families*. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum Printing House Publ., 1909. 254 p. (In Russian)
3. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2 (PSZ RI-2)*. Vol.42, no.44745. (In Russian)
4. *PSZ RI-2*. Vol.49, no.52983. (In Russian)
5. *PSZ RI-2*. Vol.52, no.57551. (In Russian)

6. Shafigulina S.R. Social and legal status of retired military personnel and their family members according to the Russian legislation of the 19th century. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and Practical Issues*. 2013, part 1, no.10(36), pp.193–196. (In Russian)

7. Shcherbinina Yu.V. *Social adaptation and legal status of retired and permanently discharged soldiers of the Russian army in the 19th century: Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Voronezh, 2007. 205 p. (In Russian)

About the author:

Faizrakhmanov Ilshat Zavdatovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Received July 14, 2025

Accepted for publication August 15, 2025

УДК 355.233.232 + 94(47)"18/19"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.87-93>

**Уроженец села Татарская Бездна:
матрос 1-й статьи и младший мулла Гвардейского корпуса
в Санкт-Петербурге Бадамша Курамшин (1767–1831)**

Х.М. Абдуллин

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Один из актуальных вопросов современной исторической науки в Российской Федерации – история военного духовенства периода Российской империи. Цель исследования – изучить биографию одного из военных имамов Гвардейского корпуса в Санкт-Петербурге Бадамши Курамшина (1767–1831). Актуализация интереса к истории татарского мусульманского военного духовенства в период Российской империи в целом, с поиском и выведением в публичное пространство биографий этих духовных деятелей, также является одной из задач данного исследования. Ведущим методом при изучении данной проблемы стал комплексный подход, основанный на исследовании разных видов источников. Материалы изыскания: в работе задействованы специальные исторические исследования (монографии и научные статьи), опубликованные и неопубликованные исторические источники первой четверти XIX в. Результаты и научная новизна работы: установлены факты из биографии второго муллы Гвардейского корпуса в Санкт-Петербурге Бадамши Курамшина, прослужившего на военно-духовной должности до 1831 г.; выяснены подробности его семейной жизни и воинской службы до перехода на духовную должность. Акцентируется внимание к вопросам пенсионного обеспечения вдов представителей мусульманского военного духовенства в Российской империи.

Ключевые слова: мусульманское военное духовенство, Российская империя, мулла Гвардейского корпуса, Бадамша Курамшин, пенсия вдовам и детям военных имамов

Для цитирования: Абдуллин Х.М. Уроженец села Татарская Бездна: матрос 1-й статьи и младший мулла Гвардейского корпуса в Санкт-Петербурге Бадамша Курамшин (1767–1831) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.87–93. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.87-93>

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) среди материалов фонда «Департамент военных поселений» (ф.405) было выявлено дело под названием «О предоставлении детям умершего младшего муллы Бадамши Курамшина Абдулу Азису и Ибрагиму права избрать

род жизни», датированное 1831–1832 гг.¹ Как выяснилось из его содержания, Бадамша Курамшин оказался уроженцем д. Бездна Буинского уезда Симбирской губернии (ныне с. Татарская Бездна Дрожжановского района Республики Татарстан).

Татары Буинского уезда в XVIII–XIX вв. относились к податному состоянию, поэтому по указу императора Петра I от 1722 г. на них распространялась рекрутская повинность [5, с.13]. Принятые по рекрутским наборам они несли воинскую службу в регулярной армии и во флоте. Бадамша Курамшин был взят в рекруты в 1791 г. и попал на Балтийский флот. Из короткого послужного списка выясняется, что в 1799 г. ему был присвоен чин матроса 1-й статьи. В Российском императорском флоте этот нижний чин присваивался за образцовое выполнение служебных обязанностей и примерную воинскую дисциплину тем, кто прослужил больше года. Б.Курамшин был более чем достоин этого, ведь в 1796, 1799, 1800, 1801, 1802, 1809, 1813 гг. он находился в морских боевых походах, в прочие годы – на берегу. Скорее всего, перед нами участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Из послужного списка также известно, что Б.Курамшин никогда не подвергался штрафам и наказаниям, не был он и в бегах. В 1798 г. был в отпуске на 6 месяцев и, вероятно, в это время возвращался на родину. Дважды за службу Б.Курамшин лечился в госпитале². На 1813 год он состоял в 1-м ластовом экипаже, куда переводились матросы, не способные уже к службе на флотских экипажах.

14 апреля 1814 г. в жизни матроса Бадамши происходит коренной перелом. Указом императора Александра I он и еще трое матросов были исключены из Морского ведомства по случаю избрания их матросами-татарами Балтийского флота в качестве мулл и муэдзинов³. Подлинный приказ об этом подписал лично морской министр Российской империи маркиз Иван де Траверсе⁴.

Таким образом, можно утверждать, что до поступления на военную службу Бадамша Курамшин получил основательное религиозное образование, вероятно, в медресе родной деревни. То доверие, которое ему оказали сотни татар-моряков при выборе муллой, свидетельствует о глубокой религиозности и хорошей нравственности Бадамши, иначе такого человека просто не выдвинули бы исправлять религиозные обряды среди военнослужащих.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.405. Оп.2. Д.4571.

² РГВИА. Ф.405. Оп.2. Д.4571. Л.10–11.

³ Там же. Л.8–9.

⁴ де Траверсе Иван Иванович (настоящее имя – Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе) (1754–1831) – русский флотоводец, адмирал, командующий Черноморским флотом, первый военный губернатор Севастополя и Николаева, морской министр России (1811–1828).

Как отмечает исследователь И.К. Загидуллин, еще с конца XVIII в. для мусульман-военнослужащих отводятся помещения для богослужения на окраине Санкт-Петербурга. Сюда же собирались и гражданские жители столицы, службы тогда проводил мулла Юсупов [3, с.74–75].

Выбранные военными в муллы и муэдзины были отправлены для освидетельствования к управляющему духовными делами иностранных исповеданий князю А.Н. Голицыну⁵. Чтобы удостовериться в их религиозных знаниях, последний направил этих четырех бывших матросов на экзамен в Таврическое магометанское духовное правление, и только после этого они были окончательно утверждены в духовных званиях. В феврале 1824 г. Бадамша Курамшин был причислен в звание младшего муллы к штабу Гвардейского корпуса. Его жалование тогда составляло 150 руб. в год, а квартирные выплаты еще 350 руб. в год. В 1831 г. младший мулла Гвардейского корпуса Бадамша Курамшин скончался. Похоронен он был, вероятно, на татарском кладбище Санкт-Петербурга, устроенном, к слову, стараниями другого военного муллы Гвардейского корпуса Джангира Хантемирова в 1826 г. [4, с.75]

Интересная деталь – согласно формулярному списку 1813 г., тогда уже находившийся в возрасте 46 лет матрос Бадамша Курамшин был холост. Не женился он и в 1798 г., когда был в длительном отпуске, очевидно, на родине. Все это указывает на то, что Бадамша старался исключить возможность рождения своих детей во время военной службы. Ведь в противном случае, сыновья солдата принадлежали бы военному ведомству и являлись бы кантонистами, то есть были бы обязаны без всяких жребиев учиться в военных школах и служить [1, с.25–26].

И все же Бадамша Курамшин был женат и женился он, уже находясь на духовной должности. Именно благодаря его супруге – Сахибджамал Абушаевой до нас и дошли столь полные сведения о Бадамше Курамшине. После смерти супруга в 1831 г. вдова обращается к великому князю Михаилу Павловичу⁶, командиру Отдельного гвардейского корпуса, с просьбой о назначении пенсии для себя и своих детей «старшему сыну Абдулу Азису 10 лет, другому Ибрагиму 6 лет и дочери Мергуп Джамель 1½ года». Прошение вдовы было написано изысканным канцелярским языком Санкт-Петербурга времен А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя:

«Проведя таким образом 36 лет на службе, из коих 7 при Гвардейском Корпусе, без малейшего порока исправляя должность свою с истинным

⁵ Князь Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – государственный деятель Российской империи, в 1803–1816 гг. обер-прокурор Святейшего синода, в 1810–1817 гг. возглавлял Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, в 1816–1824 гг. занимал пост министра народного просвещения.

⁶ Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) – четвертый сын императора Павла I и Марии Фёдоровны, самый младший ребенок в императорской семье. Командир Гвардейского корпуса с 1826 г.

рачением и наставляя одновверцев своих правилам Закона нашего в непоколебимой преданности Российскому престолу, он на смертном одре своем завещал мне пасть к стопам Вашего Императорского Высочества и молить неизреченное милосердие Ваше о исходатайствовании мне от щедрот Всемиловитейшего Монарха пенсион по окладу мужа, и детям нашим, как рожденным от такого отца, который исключен как из крестьянского, так и военного звания, право избрать себе род жизни, если нельзя им уже пользоваться тем правом, которое присвоено в России священнослужителям других иностранных исповеданий.

Исполняя сию последнюю волю мужа моего, я повергаюсь к стопам Вашего Императорского Высочества, я несу ее бестрепетно к беспредельному милосердию Августейшего брата, самодержца моего, и дерзая молить призреть несчастных сирот, жду веления как новой жизни.

Всеавгустейший князь не откажет Сирой вдовице, не отринет вопля беспомощных младенцев – отец их 36 лет служил отечеству по силе и способности своей. Всесильный Бог, назидая свыше дела человеков, не оставит в туне милосердия сего и стократ воздаст Августейшему дому Вашему за призрение несчастной вдовы, исполняющей сим последнюю надежду свою.

Вашего Императорского Высочества Всемиловитейшего Государя верно-преданная Сахиба Джамель Абушаева, вдова Муллы Курамшина»⁷.

Именно благодаря детям бывшего военнослужащего это прошение попало по принадлежности в Департамент военных поселений, который заведовал кантонистами – солдатскими сыновьями. Там быстро разобрались, что его дети были рождены не во время военной службы, а тогда, когда Бадамша Курамшин уже являлся военным муллой, то есть на духовной должности. Поэтому в этом вопросе вдове и детям было объявлено, что они «могут избрать род жизни по узаконениям», то есть приписаться к любому обществу, выбрав для себя податные состояния городских жителей (мещан) или сельских обитателей (крестьян) [2, с.71–72]. Вопрос о дальнейшей судьбе вдовы муллы Гвардейского корпуса и ее детей остается открытым: продолжила ли она жизнь в столице или вернулась на родину? Возможно, ответ на это даст внимательное изучение ревизских сказок по татарским селам Буинского уезда.

Что же касается до пенсии, то в деле имеется документ совета Временного Департамента военных поселений от 23 мая 1832 г., где отмечается, что «Статс Секретарь Блудов⁸ отзывался, что хотя нет точных правил, по которым и следовала бы пенсия вдовам Магометанских Мулл; но при-

⁷ РГВИА. Ф.405. Оп.2. Д.4571. Л.3–4.

⁸ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – русский литератор и государственный деятель, статс-секретарь Его Императорского Величества с 11 июля 1826 г. В 1832–1839 гг. занимал должность министра внутренних дел, в чем подчинении был и Департамент духовных дел иностранных исповеданий, занимавшийся делами ислама и мусульман в Российской империи.

няв во внимание повеление Его Высочества: чтобы вдова Курамшина не была оставлена без удовлетворения, он вошел с представлением в Комитет ГГ. Министров о назначении ей пенсиону по 150 руб. в год»⁹.

Таким образом, благодаря архивному делу, отложившемуся в фондах РГВИА, удалось выяснить невероятную судьбу уроженца д. Бездна Буинского уезда Симбирской губернии Бадамши Курамшина. Волею судьбы этот татарский крестьянин был взят в рекруты, попал на Балтийский флот матросом, участвовал в боевых походах на рубеже XVIII–XIX вв., дослужился до чина матроса 1-й статьи, а благодаря своим религиозным знаниям был избран сослуживцами военным муллой и утвержден в новой для себя духовной должности. Остаток лет он прослужил вторым муллой в привилегированном Гвардейском корпусе. Как видно из документов, в разные периоды жизни и после смерти в его судьбе и судьбе членов его семьи приняли участие такие выдающиеся государственные и военные деятели России, как морской министр маркиз И.И. де Траверсе, директор Канцелярии по делам иностранных исповеданий князь А.Н. Голицын, командир Гвардейского корпуса Великий князь Михаил Павлович и статс-секретарь Его Императорского Величества Д.Н. Блудов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллин Х.М.* Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. Казань: Отечество, 2013. 164 с.
2. *Гайнуллин И. И., Абдуллин Х. М.* Геоинформационные методы в исследовании татар – отставных солдат в 1816–1834 гг. (на примере Мензелинского уезда Оренбургской губернии) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2025. №1. С.70–81.
3. *Загидуллин И.К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. 462 с.
4. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 367 с.
5. Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов / сост., авт. ввод. ст. и коммент. Х.М. Абдуллин. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 148 с.

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; ScopusID: 56707127600; e-mail: Xalimabd@mail.ru

⁹ РГВИА. Ф.405. Оп.2. Д.4571. Л.24.

Поступила 20.08.2025

Принята к публикации 15.09.2025

Native of the village of Tatarskaya Bezdna:
sailor of the 1st article and junior mullah of the Guards Corps
in St. Petersburg Badamsha Kuramshin (1767–1831)

Kh.M. Abdullin

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

One of the topical issues of modern historical science in the Russian Federation is the history of the military clergy of the period of the Russian Empire. The purpose of the study is to examine the biography of one of the military imams of the Guards Corps in St. Petersburg Badamsha Kuramshin (1767–1831). Actualization of interest in the history of the Tatar Muslim military clergy during the Russian Empire as a whole, with the search and publication of biographies of these religious figures, is also one of the objectives of this study. The leading method in studying this problem has become an integrated approach based on the study of different types of sources. Research materials: the work involves special historical research (monographs and scientific articles), published and unpublished historical sources of the first quarter of the 19th century. Results and scientific novelty of the work: the facts of the biography of the second mullah of the Guards Corps in St. Petersburg Badamsha Kuramshin, who served in a military clerical position until 1831, are established; the details of his family life and military service before his transition to the priesthood have been clarified. Attention is focused on the issues of pension provision for widows of Muslim military clergy in the Russian Empire.

Keywords: Muslim military clergy, Russian Empire, mullah of the Guards Corps, Badamsha Kuramshin, pension for widows and children of military imams

For citation: Abdullin Kh.M. Native of the village of Tatarskaya Bezdna: sailor of the 1st article and junior mullah of the Guards Corps in St. Petersburg Badamsha Kuramshin (1767–1831). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.87–93. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.87-93> (In Russian)

REFERENCES

1. Abdullin Kh.M. *Military institutions and establishments of the Kazan Kremlin in the 18th – first half of the 20th centuries*. Kazan: Otechestvo Publ., 2013. 164 p. (In Russian)
2. Gainullin I.I., Abdullin Kh.M. Geoinformation methods in the study of Tatar retired soldiers in 1816–1834 (on the example of the Menzelinsky district of the Orenburg province). *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2025, no.1, pp.70–81. (In Russian)

3. Zagidullin I.K. *Muslim worship in the institutions of the Russian Empire (European part of Russia and Siberia)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2006. 462 p. (In Russian)

4. *Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)*. Compiled by D.Yu. Arapov. Moscow: Akademkniga Publ., 2001. 367 p. (In Russian)

5. *Muslims and Muslim clergy in the military department of the Russian Empire: a collection of legislative acts, regulatory legal documents and materials*. Compiled by Kh.M. Abdullin. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2009. 148 p. (In Russian)

About the author:

Abdullin Khalim Minnullovich – Cand. Sci. (history), Head of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; ScopusID: 56707127600; e-mail: Xalimabd@mail.ru

Received August 20, 2025

Accepted for publication September 15, 2025

УДК 94

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.94-123>

Волнения в Казахской степи Уральской области в 1869–1870 годах в дореволюционной и советской историографии

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

В статье показаны различные подходы к анализу событий 1869–1870 гг. в Казахской степи (в Младшем жузе) у представителей дореволюционной российской и советской казахстанской историографии. При этом мнения исследователей варьируются в зависимости от рассматриваемых аспектов – от причин начавшихся волнений до морально-этической оценки действий участников тех событий с обеих противоборствующих сторон. Очевидно, что различия в оценках обусловлены также спецификой историографии дореволюционного и советского периодов.

Ключевые слова: Ногайская Орда, Младший жуз, волнения в Казахской степи, форт Александровский, подполковник Рукин, майор Зеленин, уральские казаки

Для цитирования: Дубовиков А.М. Волнения в Казахской степи Уральской области в 1869–1870 годах в дореволюционной и советской историографии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.94–123. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.94-123>

Отношения яицких казаков (ставших в 1775 г. уральскими) со своими восточными соседями – казахами Младшего жуза, если рассматривать их в исторической ретроспективе, складывались непросто.

Поначалу соседями казаков, ватаги которых впервые появились на побережье Яика (Урала) в XVI в., были ногайцы, основную массу которых составляли представители отюрчившегося монгольского племени «мангыт».

История Ногайской Орды подробно и детально описана в одноименной книге («История Ногайской Орды» [21]), автор которой, В.В. Трепавлов, по праву при жизни считался главным российским специалистом в данной области.

Ногайская Орда, кочевое квазигосударство, возникшее в 1-й половине XV в. в ходе распада некогда могущественной Золотой Орды, располагалось на территории западной части нынешнего Казахстана. В середине XVI в. из-за усилившихся усобиц ногайской знати, последствий засухи, голода и эпидемии чумы начался отток ногайцев на Северный Кавказ. В итоге часть ногайцев осела в Приазовье, образовав там Малую Ногайскую

Орду в составе Крымского ханства. Другое ее название – «Казыев улус» (по имени ее основателя – мирзы Казыя, сына Урака). Основная же масса ногайцев осталась на землях, прилегавших к северо-восточному побережью Каспия, вошедших в историю под названием «Больших ногаев».

Вскоре после падения Астраханского ханства ногайский правитель (бий) Исмаил перешел в русское подданство. Его примеру последовали и многие другие ногайские мурзы, пророссийскую позицию также занимал его сын и преемник Тинахмет (Дин-Ахмед), правивший в 1563–1578 гг., хотя отношения с Москвой формально считались равноправными.

Никто из ногайских биев не носил ханского титула, так как среди ногайской правящей верхушки не было прямых потомков Чингисхана по мужской линии. Преемник Тинахмета (и его младший брат) Урус поначалу также пытался придерживаться ориентации на Москву, даже приняв в 1580 г. русское подданство, но затем, почувствовав неравноправность такого альянса, изменил свою политику. Его подопечные стали периодически участвовать в набегах на соседние русские владения, нередко совместно с другими ордами («малыми ногаями», крымскими татарами).

В 80-е гг. XVI в. внимание Уруса было приковано к казакам, которые стали для него главной проблемой. В ту пору казаки обосновались на берегах Яика (на территории примерно от устья Илека до поворота Яика на юг и реки Кушум). Формально они не являлись подданными московских властей, совершая регулярные набеги как на русские купеческие суда, идущие по Волге, так и на ногайские кочевья, подвергая их грабегам и разорениям, захватывая пленников и пленниц.

Считая казаков русскими подданными, Урус-бий и его мурзы не раз жаловались на них русскому царю. Например, в 1586 г. свои жалобы Урус выражал царскому послу Ивану Хлопову, с которым встречался под Астраханью. С Урусом также встречались и состоявшие на русской службе «служилые юртовые татары» – Казымайдан, Балыкчей, толмач Бахтияр. Всем им Урус жаловался на нарушение царем прежних договоренностей, на строительство городов на землях, которые он считал ногайскими, но больше всего – на казаков, о чем свидетельствуют многие документы. Вот строки из них:

«И Урус-князь говорил: сказываешь, что воеводы казаков унимают, ано и сево лета при тебе как ты был в Астрахани приходили казаки и не одна на мои улусы... И ныне де и те казаки живут на Волге и на Яике и мои улусы воют украдом» [17, с.266]. Это Урус говорил Хлопову.

А вот строки из грамоты Уруса, адресованной русскому царю: *«Аж те поры пришед на Яик казаков с шестьсот-семьсот, порставили город большой, и с того города нам много лиха починили»* [17, с.268].

Примерно о том же доносили астраханскому воеводе Ф.М. Лобанову-Ростовскому упомянутые выше служилые татары, бежавшие от Уруса, который намеревался их задержать: *«Приходили де казаки на Хозин улус и убили Бабухозяю, да жену ево, да взяли в полон карашманхозину жену ... а*

Карашман де хозя утек... А взяли де у нагаев казаки нагайских людей и полону с триста душ. А атаман де у казаков Матюшею зовут¹, а было де, сказывают, казаков человек с пять сот... Да взяли де казаки у нагаев с три тысячи животные...» [17, с.269]. И далее: «А приходили де казаки на улусы на Яик в полдни, да убили дже казаки сатыева улуса наймана Келде-ураза де, ханмирзина юшана Кулюих-батыря и детей де их» [17, с.269]. И вновь о том же: «Поставили де русские люди город на Кош-Яике, и приходили к городу Хан-мирза да Ярослав-мирза с нагайскими людьми, и русские де люди нагай побили» [17, с.269]. О том же шла речь и в другом документе: «И в те де поры пришли казаки на хозины улусы ... и на бабехозин, и на караасманхозин, и те улусы погромили. Да в тех же улусах взяли казаки исмаилеву княжскую дочь урусову сестру» [17, с.70].

Дети боярские – Колтовский, Стремоухов и Языков, вернувшиеся из посольства к ногайским мурзам, подтвердили, что ногайцам порой приходится страдать от казачьих набегов. В частности, ими была упомянута столица ногайцев, Сарайчик, которую казаки не раз подвергали разорению (хорошо известны, по крайней мере, два таких предшествовавших случая – 1572 и 1581 гг.). «Воевали на Яике казаки засарачиковские улусы, а побили, государь, у них, и в полон поимали многих людей, и убили, государь, двух сеитов, лутчих людей», – сообщали дети боярские [17, с.271].

С жалобами на казаков обращались разные представители ногайской знати, например, Хан-мирза. Вот одно из его посланий: «Всего крестьянства государю, Федору-царю, Хан-мирза челом бьет... И будет похощь меня себе прямым другом имети, и ты б с Волги и с Яики и с Дону казаков велел свести» [17, с.272–273].

В жалобах мурз просьбы порой сочетались с угрозами. Вот, например, что Урус-мирза велел Ивану Хлопову передать царю: «И только де и твой государь не похочет со мною в миру бытии, и казаков с Волги и с Яика не согнать, и я с ним стану воеватца, и сложуся с крымским...» [17, с.278].

А вот послание Урмахмет-мирзы: «Всего крестьянства государю царю и великому князю Федору Ивановичу Всеа Руси тинахметов княжой сын Урмахмет-мирза челом бьет... И будет из Волги и из Яика воды не дашь ... и любовь наша до конца уветца. А нас, мангыцких людей, и с шихмаевыми детьми – сорок темь, и только сложася с казыевыми улусы, и свестися с крымскими людьми ... нас будет сто темь людей, и с такою со мною ратью учнем искати» [17, с.273–274]. В данном случае речь шла не только о казаках, но и об основании Самары, которая, по мнению ногайских мурз, создаст их подопечным препятствия для перекочевков.

¹ Нет никаких сомнений, что упомянутый «атаман Матюша» – не кто иной, как сподвижник Ермака (на тот момент уже погибшего) Матвей Мещеряк. «Мещеряки» или «мишари» – этнографическая группа татар; очевидно, «Матюша» происходил из крещеных татар.

Впрочем, угрозы ногайцев вряд ли могли быть реализованы в указанном ими масштабе. «Сто темь» – это сто раз по десять тысяч, или миллион воинов. Да и «сорок темь» – это явно больше, чем смогли бы собрать ногайцы, даже при поддержке из Крыма.

Видя недовольство ногайцев, русские послы и их спутники пытались убедить мурз, что возведение укреплений производится для их же блага. Об этом шла речь в одной из царских грамот, что была адресована Арслану-мирзе: *«А мы на Волге и на Самаре вас велели беречи накрепко, и ваших улусов от воров от казаков, чтоб отнюдь никаких казак не воровал, и на ваши улусы не приходил, того для есмя и город поставили на Самаре... А которые воры-казаки будут на Яике или вверх Самары, и вы б, сослався в наш город на Самару с нашими воеводами на тех воров ходили с нашими людьми вместе, и их побивали, и, имая, вешали»* [17, с.276–277].

То же самое Иван Хлопов сообщал Урусу: *«А города государь наш ставить велел на Волге для вас же. Чтоб воров-казаков с Волги и с Самары согнать, а те казаки поныне на Яике воры бегают от государя нашего людей»* [17, с.278]. Но убедить Уруса, что строительство русских укреплений на Волге будет способствовать безопасности ногайских улусов, не удалось: *«А сорок лет де как Казань взята и Астрахань ... а казаки де и ныне в наши улусы ж украдом приходят безпрестанно»* [17, с.278].

Конечно, в словах представителей России присутствовало лукавство; русские города строились для укрепления границ России, а отнюдь не ради безопасности ногайских улусов. Но, с другой стороны, казаки доставляли немало беспокойств и русским воеводам, которые периодически участвовали в кампаниях против «воров-казаков», и, в итоге, все-таки заставили их покинуть берега Средней и Нижней Волги в первой половине следующего столетия окончательно перебраться на более «вольный» Яик. И все же казаки объективно приносили пользу Москве, оттягивая на себя силы ногайцев, чей правитель Урус был вынужден вновь, не позднее 1587 г., присягнуть русскому царю, теперь уже Федору Ивановичу.

После смерти Иштерек-бия (в 1618 г.) Большая Ногайская Орда погрузилась в череду усобиц и фактически распалась. Однако главную роль в ликвидации этого кочевого квазигосударства сыграло калмыцкое нашествие конца 20-х – начала 30-х гг. XVII в. По этому поводу абсолютно справедливыми выглядят следующие слова В.В. Трепавлова: *«Калмыцкое нашествие имело роковые последствия для исторических судеб Большой Ногайской Орды. Народная память связала ее окончательное крушение именно с калмыками»* [21, с.373].

Понятно, что с ликвидацией ногайской государственности ногайский этнос не исчез бесследно. Сегодня его представителей можно встретить на Северном Кавказе (в основном, на территории нынешнего Ставропольского края). Что же касается ногайцев, не перебравшихся на Кавказ, то часть их влилась в состав казахского (в дореволюционном варианте – «киргизского») этноса, став частью Младшего жуза и сохранив свое прежнее на-

звание («ногай»). Были и те, кто влился в ряды яицкого (уральского) казачества, став его отдельной этнографической группой «казаков-татар» (хотя имел место и процесс их ассимиляции русскими).

В «Географическо-статистическом словаре Российской Империи» (в статье «Татары») по этому поводу можно прочесть следующее: *«В области Уральского войска находятся потомки ногаев в числе до 4500 человек, приписанные к казацкому сословию»* [3, с.58]. Таким образом, тюркомусульманский элемент в казачьей среде присутствовал изначально, и данный факт следует признать.

При этом ряд историков постсоветского Казахстана пошли гораздо дальше. Ссылаясь на сходство слов (в казахском языке слово «казах» также пишется через букву «к» – «казак»), они утверждают, что казаки изначально были казахами, оторвавшимися от родных корней. Вот что по этому поводу писал казахский историк и известный русофоб Калибек Данияров: *«Русское казачество, ведущее свою историю с принятия христианства незначительной частью казахских родов ...перешедших на службу России, постепенно увеличивалось за счет беглых преступников»* [5, с.6].

Оставив такие изыскания на совести «данияровых», согласимся, что в рядах казачества (в том числе яицкого/уральского) неславянский компонент присутствовал, хотя и не играл серьезной роли, будучи незначительным.

Вторая половина XVII и начало XVIII в. стали временем постепенного перехода яицкого казачества в российское подданство и установления над ним неуклонно усиливающегося административного контроля со стороны царских властей. Так Яик стал границей между Россией и Казахской степью, прежде всего – Младшим жузом («Кіші жузом»).

Данный жуз включал (и включает поныне) в себя два родоплеменных объединения – «Алшын» и «Жетыру». Первое из них делилось (и делится) на две ветви – «Алимулы» и «Байулы», которые, в свою очередь, включали (и включают) в себя порядка двух десятков родов («ру») – «алаша», «алтын», «байбакты», «берш», «шекты», «шомекей», «щеркеш», «ысык» и др. Еще семь родов относятся к «Жетыру» (что буквально так и переводится – «семь родов»). Это – «жагалбайлы», «кереит», «табын», «тама» и др. Особняком в Младшем жузе стоит родоплеменное объединение «Ногай-казах», которое включает в себя еще четыре рода – «казанкулак», «костанбалы», «кояс» и «уйсын».

При этом наиболее воинственным и непокорным племенем всегда считались адаевцы («адай»), чьи кочевья простирались от низовьев реки Эмбы до границ Хивинского ханства, включая полуостров Мангышлак и земли, примыкавшие к северо-восточному побережью Каспия. Надо заметить, что адаевцев боялись даже представители других родов и племен Младшего жуза, которые тоже нередко становились жертвами их грабежей, ибо подобные набеги являлись основным источником доходов адаевцев. Этот факт зафиксировал и И.И. Железнов, казачий офицер и писатель, живший в XIX в. (*«а роду адайскому, самому воровскому и злейшему из*

киргизских родов, все роды более или менее враждебны, потому что адайцы сами всех затрагивают и обижают») [6, с.141–142].

В XVIII в. основная масса представителей знати Младшего жуза, порусски официально именовавшегося «Малой киргизской ордой», принимает российское подданство, причем, как правило – добровольно. В качестве поощрения за это казахские султаны и бии получали воинские чины, казенное жалование и прочие привилегии. К примеру, «султан-правитель восточной части Области оренбургских киргиз» Ахмед Джантюрин и его брат, «султан-правитель средней части Области оренбургских киргиз» Арслан Джантюрин имели казачьи чины войсковых старшин и годовое жалование в 1200 руб. серебром каждый². Это почти на порядок больше, чем жалование «русских» казаков такого же чина. Например, в тот же период годовое жалование войскового старшины Бородина составляло лишь 165 руб.³

Однако принятие казахской верхушкой русского подданства вовсе не означало, что на границах с Казахской степью установились тишина и покой. Никому не подконтрольные шайки продолжали совершать разбойничьи набеги, а их формальные правители уверяли, что не имеют к этому никакого отношения и что готовы оказать любое содействие русским властям в поиске и поимке виновных. В большинстве случаев эти заверения были искренними, и тому много примеров: в подавлении волнений в Казахской степи активно участвовали как вышеупомянутые братья Джантюрины, так и представители нижестоящей казахской знати. Так, за дело по «водворению порядка в киргизской степи» награды получили 28 казахских султанов, биев и старшин, участвовавшие совместно с казаками полковника Бизянова в подавлении мятежа Кенесары Касымова.

Вообще, в процессе «усмирения мятежников» подопечные казахских султанов обычно действовали совместно с русскими (как правило – с казаками). Так, в зимнюю кампанию В.А. Перовского в 1840 г. отряд султана Баймухаммеда Айчувакова, совместно с уральскими казаками полковника Бизянова, совершил рейд по мятежным аулам, истребив сотни адаевцев. О том рейде писали как участники похода Перовского (в частности – М.И. Иванин или В.И. Даль), так и прочие авторы (например – А.Л. Гуляев).

Вот, к примеру, строки Даля: *«Султан, полковник Айчуваков, был отправлен уже в начале марта с тремя сотнями уральцев за сбором верблюдов у непокорных нам племен; в конце марта присоединился к нему Уральского войска полковник Бизянов еще с двумя сотнями и двумя орудиями, прошел вниз до половины течения Эмбы, оттуда в погоню за аулами; на одном из переходов по самому Усть-Урту, и, наконец, воротил-*

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.405. Оп.6. Д.5446. Л.131.

³ РГВИА. Ф.405. Оп.6. Д.5446. Л.122.

лись, вогнав в камыши устья Эмбы, адайцев и черкесов⁴, виновных в пленении Аитова, и уничтожив их аулы» [2, с.160]. Подобные строки имеются и у Иванина («Бизянов ... и Айчуваков, ... настигнув адаевцев, ... побили из них 450 человек») [9, с.149–150]. Примерно то же самое можно найти и у Гуляева [15, с.136–138].

Нередко находились «батыры», открыто заявлявшие о непризнании власти своих султанов, а те были вынуждены обращаться за помощью к русским властям, которые, в свою очередь, для защиты доверившихся им лиц, посылали воинские контингенты, состоявшие, как правило, опять же из казаков. Как всегда, беспокоив русским властям, как и верной им казахской знати, больше всех прочих казахских родов и племен доставляли те же адаевцы.

Однако, по мнению И.И. Железнова, верноподданнические отношения со стороны казахской знати далеко не всегда были искренними, поскольку часть этих людей, находясь в российском подданстве, тем не менее, не желала выглядеть перед своими подопечными русскими марионетками и слепым орудием в руках русской колониальной администрации. Железнов считал любую помощь с их стороны не следствием верности, а следствием хитрости и «заискиванием наград». Когда кто-то из них поспособствовал выкупу попавших в плен казаков, Железнов, не питая иллюзий, объяснил это просто (*«были выкуплены при посредстве киргизов, преданных России, и заискивавших наград от русского начальства»*) [6, с.96].

Также Железнов привел примеры, как некоторые казахи, формально считаясь «мирными», косвенно участвовали в разбоях или же радовались успешным нападениям своих подопечных. *«Многие из аульных киргизов... хотя и считались ради выгод своих мирными, давая от себя в... казачьи форпосты и крепости аманатов в залог мира, но за всем тем, по естественному расположению к своим соплеменникам, были очень рады их успеху»*, – описывает Железнов радость «мирных» по поводу удачного налета их соплеменников, завершившегося захватом в плен «кафиров» [6, с.76].

Уверяя русских в своей преданности губернатору и императору, они укрывали разыскиваемых преступников. Такую позицию Железнов объяснял просто. *«Выдать своего, во-первых, грех по закону, а во-вторых, значит, нажить себе тьму врагов и покор от целой орды»*, – писал он [6, с.98].

По мере укрепления российского контроля над Казахской степью, там происходили серьезные изменения административного и территориально-административного плана. Процесс этот хорошо известен и подробно описан многими авторами. Не вдаваясь в детали, можно кратко отметить, что до XIX в. русские власти практически не вмешивались во внутреннюю жизнь Казахской степи, ограничиваясь лояльностью казахских правителей (главы жузов или даже их частей носили титулы султанов, а спустя неко-

⁴ У казахов имелся (и имеется) род «щеркеш»; хотя русские называли его представителей «черкесами», к кавказским черкесам он отношения не имеет.

торое время после принятия русского подданства, они стали именоваться «султанами-правителями»). Затем в Казахской степи появляются «дистанции» со своим штатом управленцев, на смену которым в конце 1860-х гг. приходят уезды в составе губерний уже со своими штатами. При этом должность султанов-правителей была упразднена еще ранее.

Начиная с 30-х гг. XIX в. в Казахской степи велось строительство укреплений, которые должны были, прежде всего, стать опорными пунктами для продвижения России в Среднюю Азию, хотя и поддержание порядка в Казахской степи тоже вменялось в обязанность их гарнизонам. И если казахи, кочевавшие на юге Среднего жуза («Орта жуза»), на границе с государствами Средней Азии, зачастую смотрели на это строительство позитивно, как на защиту от грабительских набегов южных соседей, то казахи Младшего жуза, и, прежде всего, те же адаевцы, воспринимали это как покушение на их свободу. Кроме того, часть адаевцев находилась в хивинском подданстве и, будучи под влиянием пропаганды хивинских эмиссаров, желала вообще изгнать русских из своих степей при помощи хивинцев. Впрочем, свои разбойные действия, как на суше, так и на море (грабежи кораблей, севших на мель, коих на северо-восточном побережье Каспия множество), адаевцы часто совершали совместно с туркменским племенем «йомуд».

С падением в 1868 г. Бухарского эмирата на очереди оставались Хивинское и Кокандское ханства, и их власти это хорошо понимали. При этом больше всего беспокойств России доставляла именно Хива с ее разбоями и работорговлей. Она слыла у русских главным «разбойничьим гнездом». Рекогносцировки путей к Хиве и подготовка к будущей хивинской кампании проводились ускоренными темпами. Понимая это, хивинские власти развернули активную пропаганду, подстрекая казахских соседей, и, прежде всего, адаевцев, к восстанию против русских. Таким образом, антироссийские настроения были обоюдными.

С 1869 г. территории Уральского казачьего войска и Младшего жуза объединялись в рамках новообразованной Уральской области. Несмотря на то, что эти две части новой административно-территориальной единицы имели различное внутреннее устройство и разные системы управления, новшество было воспринято с опасением одной частью казахов, и с явной неприязнью – другой их частью.

Становясь частью Уральской области, бывшая «Область оренбургских киргиз» делилась на уезды, попадала в ведение областного правления и уездных начальников; в Казахской степи появлялись выборные должности, урезались права знати и исламского духовенства. Все это стало благодатной почвой для того, чтобы заставить простых казахов поверить в то, что все эти нововведения преследуют только одну цель – ассимилировать казахов путем их крещения, прикрепления к земле, введения у них рекрутчины и т.п. Такие слухи активно распространялись как частью казахской элиты, так и заезжими хивинскими эмиссарами.

Хотя И.И. Железнов и не дожил до реформы 1869 г., он прекрасно знал, как велик страх казахов перед преобразованиями, которые были бы способны изменить их традиционный хозяйственный и социальный быт. Их чувства по этому поводу он описал очень точно, хотя и не очень эстетично. *«Остановить киргиза на одном месте – почти то же, что остановить маятник у часов. При таких местных условиях... жить киргизу в избе или землянке почти также тяжело и душно, как белому медведю жить в тропических странах... Что киргизам не толкуй, знай покачивают только бритой головой, да почавкивают, словно поросята. Пусть бы уж на ... физические неудобства ссылались – нет, толкуют себе черт знает что. Они вообразили, что при оседлой жизни их скорее обратят в податное состояние и заставят нести государственную службу, а к службе государственной киргизы не имеют ни любви, ни охоты, ни склонности, ни способности. Слова «крыстьян» и «сандат» (крестьянин и солдат) действуют на слух глупого киргиза самым ужасным и убийственным образом. Страшнее этих слов для киргиза ничего нет на свете»,* – пишет Железнов [7, с.106].

Так, административная реформа 1869 г. стала причиной начавшихся на территории Младшего жуза волнений, принявших наибольший размах в среде адаевцев.

Апогеем восстания стала попытка захвата форта Александровского – административного центра Мангышлакского приставства, вошедшего в новообразованную Уральскую область. С момента его образования, гарнизон форта был представлен уральскими казаками, которых на тот момент там было две сотни. Ссылаясь на архивные материалы Узбекистана, М.С. Турсунова отметила, что гарнизон форта составляли 293 казака при 23 офицерах (возможно, в «офицеры» она записала и урядников; слишком нереальное соотношение) [22, с.83].

Комендантом форта Александровского был майор Зеленин, бывший военный топограф, а мангышлакским приставом – подполковник Рукин. Оба офицера уже были знакомы уральским казакам по Казахской степи и Средней Азии. Несколько суток казаки форта Александровского держали героическую оборону, отражая штурмы тысяч адаевцев, защищая от неминуемых гибели или плена не только себя, но и мирное население, укрывшееся в крепости. Но осаде форта предшествовала гибель нескольких десятков уральских казаков, во главе с несколькими своими офицерами и приставом Рукиным вышедших на переговоры с адаевцами.

Дореволюционных авторов, посвятивших свои труды восстанию казахов Младшего жуза (в Уральской и Тургайской областях) и последующему мятежу адаевцев 1870 г., не так много.

Большой интерес представляет статья автора, публиковавшегося под псевдонимом Юр-Ко. Она была размещена в ряде номеров еженедельной газеты «Уральские войсковые ведомости» под названием «События в степях Уральской области в 1869 году» [30]. Эти номера выходили с начала

января по начало марта 1870 г. К тому времени мятеж на большей части Младшего жуза был уже подавлен, но в южной его части мятеж адаевцев только-только разгорался, и говорить о его ходе (а, тем более, о подавлении) было еще слишком рано.

Параллельно в последней декаде января в ежедневной петербургской газете «Голос» вышла статья того же автора «Очерк восстания в Уральской области в 1869 г. и усмирение его» [29]. Обе работы имели не только похожее название, но и похожее содержание, с той разницей, что статья в «Голосе» имела меньший объем.

В начале мая 1870 г, когда адаевский мятеж полыхал в полную силу, в том же «Голосе» была опубликована статья «Из Киргизских степей» без указания автора [10].

В августе-октябре 1870 г. «Уральские войсковые ведомости» вновь обращались к недавним событиям в Казахской степи. В нескольких номерах газеты печаталась статья, название которой («События в степях Уральской области и Мангышлакском приставстве в 1869–1870 гг.») практически повторяла название статьи из той же газеты начала года [12]. Разница в том, что, кроме событий 1869 г., в ней содержалась информация также и об адаевском мятеже. Но, как и в другой статье, ее автор напечатался под псевдонимом.

Весной следующего года в «Военном сборнике» вышла очередная статья о событиях 1870 г. на Мангышлаке. Хотя объем статьи был сравнительно большим, ее автор указан не был [14]. А в августе 1871 г. в «Уральских войсковых ведомостях» была опубликована статья В.Голованова «Из походных записок о действиях в степи в 1869 г.» [4], благодаря которой можно восстановить отдельные нюансы происходивших тогда событий.

Уже в наши дни статьи Юр-Ко и К-ъ из «Уральских войсковых ведомостей» 1870 г. были переопубликованы в сборнике «События в степи Уральской области и Мангышлакском приставстве в 1869–1870 гг.» [19].

Были и другие статьи об адаевском мятеже, вышедшие в начале 1870-х гг. Но они небольшие и сравнительно поверхностные.

Из-за использования псевдонимов, или даже полной анонимности статей, не представляется возможности определить – был или не был тот или иной автор участником описываемых им событий.

Если упомянутые выше статьи вышли «по горячим следам», то статьи П.Л. Юдина [28] и В.А. Потто [16] вышли спустя 25–30 лет. Оба автора, по их признаниям, использовали оренбургские архивные материалы. Кроме того, Потто общался с участниками событий, и, прежде всего, с казаками, тогда как Юдин признался, что использовал записи Зеленина, предоставленные ему Н.Г. Ивановым, приятелем Зеленина, к тому времени уже покойного. Первая из статей, как следует из ее названия, посвящена всему адаевскому бунту. Вторая, судя по названию, ограничена гибелью отряда Рукина и последующей обороной форта Александровского.

В.А. Потто не был участником обороны форта Александровского, но хорошо знал «Киргизскую степь» и ее обитателей, чему посвятил не один свой военно-исторический труд. Рассказ о тех событиях он впервые услышал от уральских казаков, которые сопровождали его во время его поездки по Казахской степи вскоре после подавления мятежа. Участником обороны форта наверняка был урядник, старший среди казаков, сопровождавших Потто. Благодаря, в том числе, рассказам того урядника, Потто опубликовал интересную и содержательную статью «Гибель отряда Рукина в 1870 году», хотя и спустя много лет.

Статья Юдина включает в себя три части. Первая и третья части имеют примерно одинаковый объем, вторая часть примерно вдвое меньше каждой из двух остальных. В первой части речь идет об адаевцах, о расположении их кочевий и зимовок, об их традиционных занятиях. Позже он переходит к описанию их непростых нравов, их конфликтов с соседями, их нападений на русских, в том числе на отряд уральских казаков. Вот как звучит его характеристика, данная адаевцам: *«Живя особняком от прочих киргизских родов и не соединяясь с ними даже узами родства, эти воинственные сыны степи, любившие пожить на чужой счет и поживиться чужим добром, не только грабили русских, но нападали и на киргиз, и на хивинцев, и на туркмен и текинцев. Последние были такие же разбойники, как и адаевцы, и между ними часто происходили побоища из-за угона лошадей и скота»* [28, с.138].

Юдин также привел грамоту 1803 г., согласно которой, император Александр I закрепил эту территорию за туркменским владельцем Пир-Гали, принявшим российское подданство. Затем он сообщает о переходе полуострова в ведение Оренбургского военного губернатора, кратко описав историю возведения Новопетровского укрепления (1830-е – 1840-е гг.), позже замененного на новое, Александровское укрепление. Таким образом, около половины статьи посвящена событиям, предшествовавшим адаевскому мятежу 1870 г.

Во второй части своей статьи, Юдин, как и Потто, указал на причины, приведшие к мятежу, о попытках договориться с адаевцами миром, об уничтожении отряда Рукина и о бесчинствах адаевцев в отношении мирных поселенцев Мангышлака. Третья часть посвящена обороне форта, прибытию помощи и подавлению мятежа.

Ряд событий, описанных Потто, Юдин изложил более детально. Так он отметил, что бию Маяеву за помощь русским еще в 1863 г. был подарен дорогой зеленый халат с золотой вышивкой, как он сам того пожелал, предпочтя халат медали. Что для отряда, следующего на выручку Рукину, не хватало лошадей, которых пришлось силой забрать у купцов-армян. Что Рукин был одет в полушубок, в кармане которого был спрятан револьвер. Что, прежде чем застрелиться, пристав пытался стрелять в адаевцев. Что этому помешала осечка, так как в последний раз револьвер заряжался

несколько месяцев назад. Что Рукин застрелился, выстрелив себе в рот. И так далее.

Потто делает краткий экскурс в историю эволюции отношений между Казахской степью и русской пограничной администрацией – от невмешательства во внутренние дела казахов и наказания их за набеги, до попыток интегрировать Казахскую степь в административно-территориальную структуру империи. Параллельно он приводит примеры вооруженных нападений казахов на уральских казаков, имевших кровавые последствия для обеих сторон. Причем, все это происходило еще до бунта адаевцев на Мангышлаке. Статья Потто заканчивается уходом адаевцев от форта Александровского после неудачных попыток овладеть им, тогда как у Юдина последующие события занимают не меньшее место.

В советское время адаевскому мятежу были посвящены два параграфа одной из трех глав книги казахского историка М.С. Турсуновой, посвященной казахам, кочевавшим в районе Мангышлака во 2-й половине XIX в. (это 35 страниц или примерно пятая часть книги). Понятно, что если для дореволюционного историка-офицера адаевцы – это бунтовщики и варвары, то для советского (а, тем более – казахского) историка – это герои и борцы за свободу своего народа. При этом, конечно, говорить об объективности подачи материала во втором случае не приходится.

В.А. Потто сообщает, что информацию о тех событиях, он почерпнул из *«рассказов казаков, вернувшихся из плена»*, от очевидцев и от казахского старшины (волостного управителя), с которым он беседовал в 1871 г., проезжая по служебным делам по зауральной степи в сопровождении группы уральских казаков, да и от самих этих казаков, о чем речь шла выше. Однако, главный источник для Потто, по его же словам – это *«сведения, хранящиеся под толстым слоем пыли оренбургских архивов»* [16, с.111–112].

Данные о тех же событиях, приведенные в монографии Турсуновой, частично совпадают, частично разнятся с данными Потто. Например, когда идет речь о количестве пушек, казаков, воинских чинов, хотя подобные расхождения, как правило, незначительные. Среди работ, использованных Турсуновой, указана и статья Потто. Кроме того, использованы материалы нескольких российских, одного казахского и одного узбекского архивов.

Конечно, оценки, даваемые событиям, происходившим в ту пору на Мангышлаке, можно назвать полярно противоположными. Если у Турсуновой известие о гибели отряда Рукина вызвало воодушевление у «народа», который «поднялся на борьбу», то у Потто приход мятежников в рыбацкий поселок, расположенный близ форта, сопровождался чудовищными зверствами – разбоями, грабежами, насилиями, убийствами и разрушением всего, что только можно. Понятно, что ни «классовый подход», ни этническая солидарность не позволили бы Турсуновой дать объективную оценку деятельности адаевцев.

Работа Турсуновой имеет ряд достоинств. Наряду с вопросами колониальной политики российских властей и противодействия ей со стороны казахского племени адаевцев, затронуты социально-экономические вопросы, включая земледелие, рыболовство, торговлю, финансы. Хотя объектом исследования являются казахи, не забыты и представители других народов, поселившиеся на Мангышлаке. Использован крупный массив архивных дел и литературы, включая дореволюционную, хотя она далеко не всегда трактуется верно, порой имеют место явно умышленные искажения. Впрочем, это характерная черта для историографии советского периода, особенно, для историографии советских национальных окраин.

Потто пишет, что до 1820-х гг. русские власти не касались внутренней жизни казахов, ограничиваясь охраной от их набегов. Но после того как в середине века появились русские укрепления в Казахской степи, включая побережье Арала и Сырдарьи, граница России была отодвинута к границам Средней Азии, и большая часть казахских степей оказалась в пределах Российской империи. Так возникла необходимость *«позаботиться о постепенном слиянии этого края с Россией»*. Было решено приступить к созданию в Казахской степи *«прочной администрации, в главных чертах соответствующей с общими учреждениями империи»* [16, с.112].

Так были упразднены должности султанов-правителей разными частями Казахской степи, на которую теперь распространялась власть губернаторов (генерал-губернаторов) и их правления. Зато на низовом уровне вводились элементы самоуправления – волостные правления, аульные старшины и др. Контингент этих учреждений формировался из числа «туземного» населения. Введение выборного начала подрывало авторитет казахской знати (светской и духовной), вызывая ее недовольство.

Добавляла нестабильности и агитация хивинских эmissаров. По степи стали распространяться слухи, что скоро грядет изъятие у казахов земель в пользу государства, перевод кочевников в крестьянское сословие, привлечение их к солдатской службе, и даже перевод в православие. Волнения начались в Тургайской области, затем перекинулись в Уральскую. Их организатором стал мулла Досов. Комиссия, уполномоченная создавать волости, была вынуждена после неудачной поездки в «киргизскую степь», вернуться обратно [16, с.113–114].

Сложнее обстояло дело на юго-западе Казахской степи. Комиссия, выехавшая из Гурьева, неподалеку от Эмбы была встречена четырьмя сотнями казахов иссыкского рода. Вступивший с ними в переговоры казак из татар, Шамсутдинов, выяснил, что казахи требуют выдать им на расправу их соплеменника Тавасарова, члена комиссии, ставшего, по их мнению, изменником. Комиссию охраняли 12 уральских казаков, которые открыли огонь по нападавшим казахам, попытавшимся захватить Тавсарова силой. Иссыковцы отступили, но окружили русских, к тому же, к ним должно было подойти подкрепление. К счастью, нашлись казахи, готовые оказать помощь русским, которые, доверившись им, сумели под покровом ночи

тайно пробраться к берегу Каспия, и по его льду вскоре добраться до Гурьева [16, с.115].

Начавшиеся волнения заставили в 1869 г. основать в «киргизской степи» Уильское укрепление (на реке Уил), первым комендантом которого стал тот самый барон фон-Штемпель, что годом ранее, будучи комендантом Самарканда, отражал атаки бухарцев. В составе гарнизона значительную его часть составили уральские казаки.

Как всегда, путь через Казахские степи был непрост: палящий зной, дефицит колодцев с нормальной пресной водой, угоны лошадей и верблюдов «барантачами» (казахскими конокрадами) и т.п.

«Вооруженный мятеж в Уральской области подавлен был чрезвычайно быстро, но он долго еще продолжал держаться в соседнем с ним Мангышлакском приставстве», – пишет Потто [16, с.121]. Далее он отметил, что *«“новое положение”, вводившееся среди оренбургской степи, на первых порах совсем не коснулось адаевцев. Они жили слишком далеко, кочевали в соседстве с Хивой и Туркменией, и потому о переустройстве их в самый разгар степного мятежа нечего было и думать. Как прежде, в дореформенное время, ... адаевцы по-прежнему делились на две дистанции и управлялись своими почетными биями: Маяевым и Колбиным»* [16, с.121].

«Но зато, как только вооруженный мятеж в степи был подавлен, военный губернатор Уральской области тотчас потребовал к себе, в Уральск, обоих дистанчных начальников. Оба они явились в начале 1870 года. Им дали инструкции и отправили обратно уже с подполковником Рукиным, которому на правах уездного начальника подчинялось все Мангышлакское приставство», – продолжает Потто [16, с.121].

Для переговоров с адаевцами Рукин выступил из форта Александрова с полусотней казаков и несколькими почетными биями во главе с Маяевым, которого Потто назвал *«человеком умным и преданным русским»*.

«С отрядом в 38 казаков при четырех офицерах и переводчике Бекметове в сопровождении бия Б.Маяева, управителей отделений (всего 60 человек), с обозом из 35 верблюдов 15 марта 1870 г. он выехал из форта», – пишет Турсунова [22, с.80].

Согласно Потто, пройдя более ста верст и не встретив ни одного человека, Рукин распорядился ехать обратно, но у Сарыташского залива обнаружил, что обратный путь ему отрезали адаевцы, окружавшие их с разных сторон. Почти все, сопровождавшие отряд казахи сбежали к своим, остались лишь несколько человек с Маяевым. Одного из них Рукин послал в форт за помощью [16, с.122].

По-иному это преподносит Турсунова: *«восставшие большой массой окружили отряд и заявили Рукину, что не пустят его дальше в степь и требовали возвратиться назад, в форт. Ответом был залп из казачьих винтовок»* [22, с.81]. И только после этого *«казахам удалось преградить путь отряду и заставить его отступать»*. А после того как *«прибыла новая группа людей с полуострова Бузачи,*

восставшие “громადной толпой” заняли проход в горы Актау, чем отрезали путь отступления отряду к форту» [22, с.82].

Информация о настрое и намерениях Рукина кажется противоречивой. В своем заявлении, адресованном губернатору области и наказному атаману Уральского войска Н.А. Веревкину, он утверждает, что намерен избежать столкновений и мирными способами убедить адаевцев принять новшества: *«В виду оказания содействия волостным управителям к скорейшему окончанию введения нового положения, а также к понуждению и принятию мер введения такового Положения в тех частях отделений, которые на принятие еще согласия не изъявили, завтрашнего дня выезжаю в степь. Принимая меры к понуждению введения Положения, отнюдь не будет прибегаться к силе оружия, но постараюсь действовать на более влиятельных киргизов убеждением, разъясняя бесполезность всякого с их стороны сопротивления»⁵.*

Можно согласиться с Турсуновой, относительно перечисления казахов, оставшихся вместе с Маяевым, и не сбежавших к своим соплеменникам. *«В эту ночь из отряда ушли все казахи, сопровождавшие его, кроме бия Б.Маяева, его двух джигитов и старика К.Мурзабаева, прослужившего 12 лет почтарем в Александровском форте»,* – пишет она [22, с.81].

Мятеж возглавил Иса Тулумбаев (так его называет Потто, у Турсуновой он – Тленбаев). Чтобы потянуть время, Рукин вступил с ним в переговоры. Тот потребовал выдать для расправы «изменника» Маяева, но получил отказ. Началась перестрелка, в ходе которой казаки, отступив верст на десять, оказались у подножья гор Актау. Первыми погибшими казаками стали урядник Багайдин и еще двое.

Потто пишет, что у уральцев еще свежа была память о героизме земляков, проявленных ими в «иканском деле» (не прошло и пяти лет), а потому они верили, *«лихой казачьей полусотне»,* имевшей *«прекрасные винтовки»* с достаточным количеством патронов, вполне удалось бы прорваться сквозь заслоны противника, которого они воспринимали не более чем *«шайку барантачей»* (конокрадов) [16, с.123].

Однако Рукина уже охватило волнение, и он не разрешил идти на прорыв. *«Рукин был человек, чуждый казакам, не знакомый ни с их обычаем спешиться, ни с подъемом их нравственного духа»,* – пишет Потто [16, с.124]. Возможно, он сгустил краски, но конфликт между Рукиным и казаками, которым тот угрожал будущим трибуналом за неподчинение, действительно, имел место. Об этом Потто узнал от казаков, попавших в плен и проданных в Хиву, но освобожденных после ее взятия русскими.

⁵ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.8239. Л.510.

Поднимаясь в гору, Рукин приказал бросить обоз, продовольствие, верблюдов и лошадей. Казаки предложили оставить лошадей, навьючив на них необходимые грузы, но Рукин заставил их выполнить его приказ [16, с.123].

Турсунова вновь преподносит все несколько иначе. Ссылаясь на Потто, она пишет, что адаевцы *«заняли проход в горы Актау, чем отрезали путь отступления отряду к форту. При рукопашной схватке за это узкое ущелье были убиты урядник, два казака и несколько человек со стороны восставших»*, хотя Потто писал о перестрелке, а не о рукопашной схватке, исход которой для кучки казаков, столкнувшейся с многотысячной толпой, закончился бы очень быстро с известным результатом. Далее она пишет, что *«восставшие, заняв путь к морю, снова окружили отряд, отбили всех верблюдов, лошадей с вьюками, а самих казаков заставили уйти на уступ горы»* [22, с.82]. Однако ничего отбивать не пришлось, казаки сами оставили все это, так как оно мешало их подъему на крутой уступ горы. Вероятно, Турсуновой была ближе точка зрения Юдина, также полагавшего, что обоз был не брошен, а отбит адаевцами [28 с.146].

Возникает вопрос: на что надеялись Рукин и его отряд, оставшись без транспорта и продовольствия? Ответ один: на скорую помощь. Для этого одного из верных казахов из числа подопечных Маяева они отправили в форт с запиской Рукина с просьбой об оказании помощи, и, как потом оказалось, это ему удалось. Ему, в отличие от казаков, было намного проще выбраться из окружения, не обратив на себя внимание.

В своей записке Зеленину Рукин просил отправить на помощь его осажденному отряду 20 казаков с оружием и сорока патронами на каждого, а также с медикаментами и тремя ведрами водки [28, с.147–148].

Чтобы хоть как-то оттянуть время, Рукин отправил для ведения переговоров в стан мятежников Маяева, но по пути он был убит точным выстрелом, и вести переговоры начал сам Рукин [16, с.124].

Непосредственной ошибкой Турсуновой стали ее строки, где она писала, что *«выступление небольшой группы адаевцев против отряда Рукина переросло в восстание с участием до 6 тыс. человек, а потом до 10 тыс.»* [22, с.96]. То есть, отряд Рукина был перебит «небольшой группой адаевцев», что «переросло в восстание», в котором на момент осады форта Александровского участвовали десять тысяч. Но если бы казаки столкнулись с «небольшой группой», она была бы уничтожена очень легко, и адаевцам не пришлось бы радоваться «победе».

Рукин с двумя офицерами и вахмистром⁶ Макаровым направился в лагерь адаевцев, которые, оставив двух офицеров в качестве заложников, велели Рукину спуститься с горы и предстать перед адаевцами, после чего те их пропустят в форт. Сообщив об этом казакам, Рукин встретил общее

⁶ Унтер-офицерский чин в казачьих войсках – старше урядника, но ниже подхорунжего. Присутствовал также и в кавалерии.

возмущение. *«Кто поверит киргизу, тот хуже бабы, говорят у нас старики»*, – возражали казаки своему командиру. *«Еще не было примера, и деды не запомнят того, чтоб казак покорился киргизам»*, – продолжали они. И требовали: *«Мы шашиками пробьем себе дорогу, довольно с нас сраму, что по вашему приказанию мы бросили верблюдов и коней»*. Аргумент относительно офицеров-заложников не действовал; казаки допускали, что тех уже нет в живых. С помощью угроз Рукин все-таки заставил казаков спуститься к мятежникам [16, с.124–125].

Новым требованием адаевцев стала сдача оружия. Рукин потребовал выполнить требование Тулумбаева, но казаки отказались выполнить приказ. Только после уговоров урядника Неулыбина, признавшего как всю абсурдность приказа, так и обязанность выполнить его, казаки сдали оружие. Сам ничуть не веря обещаниям адаевцев, урядник с горьким видом убедил казаков, что лучше погибнуть, чем прослыть бунтовщиками, после чего их судьба была предопределена. После этого большая часть их была перебита, а меньшая часть захвачена в плен для последующей продажи [16, с.125–126]. Н.Г. Мякушин пишет: *«Виновник этого постыдного дела, Рукин, застрелился тут же, на месте, из револьвера»* [18, с.100]. Потто, осуждая поступок Рукина, тем не менее, с осторожностью пытается его защищать. *«Он хотел спасти отряд, и только не сумел этого сделать, потому что не знал ни народа, с которым ему пришлось иметь дело, ни казаков, которыми командовал»*, – пишет Потто [16, с.127].

В этих словах звучат нотки сочувствия, и попытка хоть как-то оправдать недальновидное и ошибочное решение подполковника, имевшее трагические последствия в силу его полного непонимания сложившейся ситуации. Рассказ Юдина о переговорах и уничтожении отряда гораздо короче, чем у Потто. Кроме того, вместо двух офицеров, отправившихся с Рукиным, Юдин называет лишь одного – Логинова. Это вполне естественно, если учесть сообщение Юдина, что с Рукиным отправился лишь один офицер. Но гораздо серьезнее другое: именно Логинову, а не Рукину, Юдин приписывает уговоры и угрозы в адрес казаков, отказавшимся разоружаться [28, с.147]. Видимо, Потто был ближе к истине; офицеру-казаку его земляки гораздо ближе и понятнее, чем офицеру-чужаку, притом, старшему по чину и по должности.

Казачья песня об отряде Рукина завершается словами:

Тела тлеются героев

В той далекой стороне

И Рукин их, подполковник

Положил среди степей

В истории уральского казачества это была четвертая крупная трагедия после гибели отрядов Нечая и Шамая в 1603 г., гибели отряда Бековича-Черкасского в 1717 г., костяк которого составляли яицкие казаки, а также геройской гибели под Иканом большей части казаков есаула Серова

в декабре 1864 г. Но главная трагедия была еще впереди – до Гражданской войны оставалось примерно полвека.

Н.Г. Мякушин, комментируя очередную казачью песню (в данном случае, посвященную трагедии отряда Рукина) писал: *«В марте месяце 1870 года 40 казаков под начальством хорунжего Ливкина, находились в конвое мангышлакского пристава, подполковника Рукина, при поездке его по степи Мангышлакского полуострова для ввода в действие нового положения между киргизами. 25 марта, после трехдневного боя, отряд этот был задавлен скопищем киргизов, и казаки все были забраны в плен»* [18, с.285]. Здесь Мякушин не совсем точен: в плен попали далеко не все – не менее половины погибли, причем, несколько человек погибли еще до прибытия отряда Рукина в лагерь мятежников.

Сложно сказать, как сложились судьбы казаков, попавших в неволю, но точно известно, что, хан, по требованию российской стороны, намеревался освободить как минимум пятерых. Вот что писали по этому поводу «Уральские войсковые ведомости»: *«Хивинский хан, говорят, отправил особого посла, который идет теперь в Оренбург. При посольстве ведутся два аргамака, в подарок Государю Императору, с богато украшенными седлами и сбруей; каждого аргамака оценивают в 200 тилл⁷; везется также купеческий прикащик, который находится в плену в Хиве. Говорят, что хан намерен выпустить из плена и остальных русских пленных. Из письма одного казака, находящегося в плену, видно, что в настоящее время, из бывшего отряда Рукина, находятся в живых: Данилка Гузилов (работает в саду хана), Аксен Долбленов, Григорий Мостовицкий, Фаддей Дурманов и Иван Солодовников; об остальных неизвестно»* [26].

Очевидно, именно эти бывшие невольники, оказавшись на свободе, изъявили желание присоединиться к землякам, идущим в поход на Хиву, против их бывших поработителей. *«Из числа пленных было 5 казаков-уральцев, пожелавших идти в отряд, как им было предложено начальством; и вот 5 храбрых молодцов сбросили с себя хивинские халаты и мохнатые шапки, оделись в белые полотнянники, шапки, на конях, как будто и не были никогда пленниками хивинцев»,* – сообщают «Уральские войсковые ведомости» [27].

Описание трагедии, произошедшей с Рукиным и его казаками, у современного автора А.А. Михайлова довольно краткое, и не совсем точное (*«полковник Рукин отправился в разведывательную поездку, во время которой подвергся нападению «скопища» казахов и был убит вместе со всем конвоем (40 казаков). Вслед за этим казахи осадили Александровский форт, но были разгромлены прибывшими из Петровска кавказскими войсками»*)

⁷ Монета Бухарского эмирата, имевшая хождение и в других регионах Средней Азии, на тот период весившая около 3,5 граммов и чеканившаяся из серебра (хотя по-таджикски слово «тилло» буквально означает «золото», видимо, когда-то раньше эти монеты были золотыми).

[13, с.389]. Рукин был не полковником, а подполковником. Он отправился не в разведку, а на переговоры с адаевцами. Он был не убит, а застрелился. Убиты были не все казаки, часть была захвачена в плен. Мятужники были «разгромлены» не «вслед за этим», а, спустя много месяцев – только к концу 1870 г., и не только войсками, прибывшими из Петровска.

Гибель отряда Рукина воодушевила адаевцев, которые, с одной стороны, сочли это своей крупной победой. С другой стороны, они понимали, что гибель главы приставства не могла сойти им с рук, и теперь все «мосты сожжены». Казаки, выступившие на помощь Рукина, узнав о случившемся от казахов, верных Маяеву и собиравшихся хоронить своего бия, вернулись в форт Александров с горестной вестью. Ранее их проводником вызвался быть сын Маяева [28, с.146]. Казахи, оставшиеся лояльными к русской администрации, сообщили, что к мятежу примкнули практически все их соплеменники. Началась подготовка к защите форта [6, с.127–128].

«Комендантом форта был в то время капитан Зеленин, старый степной офицер, проводивший свою долгую жизнь в боях с азиатами. Он ... горячую речью сумел вдохнуть в простые сердца казаков необычайное мужество», – пишет Потто [16, с.128]. Здесь надо отметить, что Потто допустил ошибку: к тому времени Зеленин был уже не капитаном, а майором, о чем свидетельствует документ с указанием дат присвоения офицерских чинов (в данном случае – майорских) на период до начала 1867 г. Там, в «Списке майорам по старшинству», значится, что Егору Николаевичу Зеленину майорский чин был присвоен 19 апреля 1864 г. Предположить, что это был другой Зеленин, нельзя, ибо в документе указано, что речь идет о начальнике форта Александровского. Кроме того, там указано, что в 1855 и 1864 гг. он награждался орденами Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени соответственно [20, с.380]. Видимо, чин начальника форта могли перепутать рассказчики, от которых Потто черпал информацию, а, возможно, что-то мог спутать и он сам.

Потто пишет, что тогда опытный Зеленин не поддался на хитрость лидера мятежников Исы Тулумбаева, пытавшегося, под предлогом ведения переговоров, обманом выманить из укрепления его защитников: *«Напрасно Исса думает меня обмануть, – отвечал на это капитан Зеленин: – ни я, и никто из моих офицеров на свидание с ним не поедем, а что касается его угрозы, то пусть он попробует взять крепость, которая имеет на стенах 14 пушек»* [16, с.132].

Угроза взятия форта, обитателям которой грозила неминуемая смерть, а, в лучшем случае – издевательства и продажа в рабство, сплотила их, сделав единой командой, готовой стоять до последнего. Комендант и его казаки стали одной большой семьей, которая вряд ли смогла бы выстоять, если бы внутри нее не было согласия.

Потто ошибается, когда пишет, что о начавшемся мятеже еще никто не знал, отчего помощь могла прибыть нескоро. *«Ближайший пункт, с которого еще могло подойти подкрепление – это Уральск, находящийся*

отсюда в тысячеверстном расстоянии. Скоро ли доедет туда гонец? Да и доедет ли в такое время, когда все дороги были покрыты разбойничьими шайками», – пишет он [16, с.128]. Оренбургское руководство еще до нападения на отряд Рукина просило руководство Кавказа направить через море подкрепление для подавления начавшегося волнения адаевцев.

Подобного мнения придерживался и Юдин, считая, что *«подмоги скоро ждать нельзя было, так как до ближайшего русского населенного пункта – Гурьева городка, от форта было 400 верст»*. Кроме того, противнику, насчитывавшему *«30 тысяч кибиток»*, еще и *«ожидалось подкрепление из Хивы»* [28, с.148]. Однако известно, что к тому времени решение о переброске войск для подавления разгорающегося мятежа было уже принято, как и решение о переводе Мангышлака в ведение кавказских властей.

В то же время, о нападении на форт известия военному руководству стало известно лишь после того как в Астрахань, где уже имелся телеграф, прибыла кусовая лодка с посланием от Зеленина, благодаря чему о нападении стало известно, как на Кавказе, так и в Оренбурге. Об этом пишут и Юдин, и Потто [28, с.148; 16, с.128].

После уничтожения отряда Рукина удар мятежников обрушился на мирное население полуострова – рыбаков, торговцев и прочих обывателей. Большинство рыбаков были русские, большинство торговцев – армяне и татары. Были и представители других народов, в том числе и казахи. Последних было немного, в основном это были наемные работники купцов и рыбопромышленников. Многие из них откровенно ненавидели своих «хозяев» и, по возможности, жаждали расправиться с ними. Первый удар мятежников обрушился на рыбаков Сарыташской ватаги.

Потто подробно передал рассказ одной из чудом уцелевших жертв. Тот рыбопромышленник доверял своим работникам-казахам, которые трудились у него не один год. Но когда те узнали о приближении восставших соплеменников, решили перейти к грабежам и убийствам. Они пробили топором голову промышленнику, предварительно убив его лоцмана, и решив, что обе их жертвы мертвы. Тем же занялись и другие наемные работники. Спасение к этому человеку пришло неожиданно. После ухода казахов его подобрали конные люди, доставившие его и других, чудом выживших людей, в форт. По дороге он узнал, что *«почитай все наши рыбопромышленники побиты, что работники-киргизы везде помогали убивать своих хозяев»* [16, с.129].

Подобные сведения приводит и Юдин. *«Работы для адаевцев было много, потому что рыбопромышленники дорого отдавали свою жизнь»,* – пишет он о бесчинствах мятежников. И добавляет: *«Цель киргиз была уничтожить этих слабых защитников прежде, чтобы они не могли чем-нибудь помочь форту Александровскому»* [28, с.148].

Все прибрежные поселения были уничтожены; спастись сумели лишь те, кто укрылись в форте. *«Два дня киргизы неистовствовали по всему морскому побережью»,* – пишет Потто [16, с.131]. Неподалеку от форта

находился маяк, службу при котором несли восемь матросов и один офицер. Взять маяк, представлявший собой высокую каменную башню, было непросто, и матросам удавалось целый день отражать атаки меткими выстрелами, а ночью незаметно спуститься на веревках вниз, и благополучно прибыть в форт. Адаевцы решили сорвать злобу на маяке, разрушив это крупное каменное сооружение высотой в 15 саженей. Потто назвал тот маяк *«величественным зданием, с высоты которого открывалась такая чудная картина на море и степь, уходившая куда-то далеко в бесконечное пространство»*. Однако *«разрушительные инстинкты дикарей взяли, наконец, свое, и к вечеру красивая, грандиозная башня, представляла собою лишь безобразную грудку развалин и мусора»* [16, с.131].

Турсунова пишет: *«Весть о разгроме отряда Рукина и убийстве Б.Маяева молниеносно разнеслась по всему Мангышлаку. Народ поднимался на борьбу»* [22, с.83]. И далее в подтверждение своих слов она ссылается на донесение коменданта форта, в котором значится, что *«все работники из киргизов, как у торговцев, так и у поселян, разбежались»*. Видимо, донесение умышленно было процитировано не полностью; автору не хотелось признать тот факт, что работники не просто разбежались, но и истребили своих хозяев вместе с их семьями. И правомерно ли назвать разгромом убийство небольшой группы казаков, к тому же разоруженных по приказу командира?

Первый штурм форта Александрова адаевцы предприняли в Вербное воскресенье, 5-го апреля. Штурм был отбит, и тогда на следующий день Тулумбаев предложил начать переговоры на своих условиях, заявляя, что Рукин жив и находится в плену у адаевцев. Но, как справедливо полагал Потто, майор Зеленин, хорошо знавший Казахскую степь, не был таким наивным, как погибший пристав. Так же считал и Юдин [28, с.149]. Тулумбаев предлагал Зеленину явиться в указанное мятежниками место, но опытный Зеленин отказался вести какие-либо переговоры с ними. *«Пусть он попробует взять крепость, которая имеет на стенах 14 пушек»*, – говорил он [16, с.132]. Конечно, 14 орудий – это приличная цифра, хотя в одном из номеров *«Уральских войсковых ведомостей»*, вышедшей в следующем году, упомянуты 18 орудий [25].

«Казаки, стоявшие на валу бесменно днем и ночью, правда, не потеряли нравственной бодрости, но зачастую физически дошли до такого изнурения, что, случалось, некоторые из них бессознательно падали и тут же засыпали», – пишет Потто [16, с.133]. Потто писал, что после гибели отряда Рукина казаков в укреплении осталось 150 человек. Такого же мнения придерживался и Юдин [28, с.146; 16, с.132]. Хотя их должно было остаться примерно на сто человек больше.

Кроме казаков, численность которых сократилась после гибели отряда Рукина, «под ружье» поставили *«всех рабочих людей, лазаретную прислугу, писарей, причетников, денщиков и даже торговцев, сколько-нибудь умевших владеть оружием»* [16, с.132].

Адаевцы принялись грабить «армянский базар», находившийся близ форта, за стенами которого укрылись армяне. Со стен форта по грабителям казаками был открыт оружейный огонь. Он оказался результативным: как пишет Потто, на том базаре после обстрела остались *«стены, обрызганные мозгом, товары, перепачканные кровью, людские и конские трупы, загромаздившие улицы»*, которые *«показывали ясно, что картечь сделала свое дело и уложила на вечный покой немало хищного люда»* [16, с.133].

Помощь осажденным пришла с Кавказа. Когда у казаков подходили к концу патроны и снаряды, они уже приготовились совершить вылазку, чтобы принять последний в своей жизни бой. *«Серьезно встретили уральцы роковой и, как они полагали, последний день в своей жизни. Все, что можно было сделать для спасения форта, ими было сделано, и теперь эти люди с холодной решимостью готовились встретить смерть, которая была у них не за горами»*, – пишет Потто [16, с.134].

Но утром 9-го числа защитники форта неожиданно увидели пароход, плывущий со стороны Кавказа. Это был первый отряд, направленный на помощь защитникам форта Александровского. Потто пишет, что в его составе были две пехотные роты при двух нарезных орудиях, прибывшие из Петровска [16, с.134] (ставшего в 1921 г. Махачкалой). Юдин пишет то же самое, уточняя, что командиром этого отряда был майор Архангельский [28, с.150]. После этого мятежным адаевцам пришлось прекратить осаду форта. Еще через три дня (на Пасху) к форту прибыл отряд состоявший из двух рот солдат и 140-ка дагестанских джигитов, а с ними «граф К-сов» (как Юдин называл Кутайсова), которому предписывалось возглавить все кавказские части [28, с.150–151].

Потто приписал Тулумбаеву следующие слова: *«Теперь нашему делу конец. Исход один – идти в Хиву просить покровительства хана»* [16, с.135]. Возможно (и, скорее всего) он этих слов не говорил. Тем более, что мятеж продолжался еще длительное время, не один месяц. Но логика правильная: все подобные мятежники, после своего поражения, преследуемые правительственными войсками, в итоге находили убежище именно в Хиве, под покровительством ее ханов. Туда же бежал и Тулумбаев.

Подобный «исход» признает и Турсунова. *«После поражения восстания его предводители Иса Тленбаев, Досан Тажиев, Иржан и Ирмамбет Куловы со своими приверженцами и аулами и многие адаевцы, активно участвовавшие в восстании, всего 3000 кибиток, ... опасавшиеся преследования царских карателей, в декабре 1870 г. перешли в пределы Хивинского ханства»*, – пишет она. И тут же оправдывается: *«Это был вынужденный переход адаевцев в Хиву, никак не связанный с какой-то ролью Хивы в восстании»* [22, с.99]. Закономерен вопрос: почему все подобные мятежники находили убежище именно в Хиве, а не где-нибудь еще? Например, в Персии или Китае?

Понимая, что мятеж во многом был спровоцирован Хивой, с которой лидеры мятежа поддерживали тесные контакты, местное русское военное

руководство стремилось минимизировать, а лучше – разорвать всякие связи казахов с хивинцами. Поэтому Уральский военный губернатор и наказный атаман Уральского казачьего войска Н.А. Веревкин был вынужден издать Циркулярное предписание «о запрещении киргизам Уральской области самовольно откочевывать в Хивинские владения и оставлять там детей для обучения» [24].

В статье, вышедшей весной 1873 г., в период только начинавшейся хивинской экспедиции, наряду со всеми бедами, которые Хива причиняла и продолжает причинять России, указано опасное влияние на обитателей Казахской степи, в том числе и на тех, что являются российскими подданными: *«Прямо с нашими степями сливаются степи Хивинского ханства – ханства совершенно от нас независимого, и вдобавок еще не имеющего никаких причин относиться к нам дружелюбно. При следствиях, производимых по свежим следам преступлений, оказывается, большей частью, что преступники или пришли со стороны Хивы, или ушли туда. Чем-нибудь недовольные нами аулы откочевывают к Хиве. Пленные наши оказываются рабами в Хиве же. Фанатики, подстрекатели, бродящие по степи и волнующие легко воспламеняемые умы киргизской молодежи, волнующие наперекор увещаниям старых биев, приходят из Хивы и говорят от имени хивинского хана»* [11, с.239].

Воинские контингенты продолжали прибывать на Мангышлак все лето. Между фортом Александровым и Петровским портом курсировали корабли «Князь Горчаков» и «Князь Барятинский» [28, с.155] (Турсунова ошибочно назвала его «Князь Баратынский» [22, с.88]). В боевых действиях принял участие и адъютант Великого князя Михаила, наместника Кавказа, барон Мейендорф. Вместо Рукина был назначен полковник Ломакин; лишь с его прибытием на Мангышлаке активизировались боевые действия. А вскоре прибыл и сам командующий войсками Дагестанской области. *«Видя, что дела творятся неладные, князь Меликов поспешил приехать сам в лагерь»*, – написал по этому поводу Юдин [28, с.155].

Что касается защитников форта, то все, достойные наград, получили их. Но, по словам Юдина, *«самой величайшей наградой для гарнизона был приезд в форт Его Высочества Великого Князя, наместника, передавшего им царское спасибо за верную службу»* [28, с.156].

Восстание в Младшем жузе, как того требовали идеологические установки эпохи, Турсунова назвала *«антиколониальным, антифеодальным, крестьянским движением»*, хотя согласиться можно лишь с первым определением. Казаки, солдаты и офицеры всегда выступают в качестве жестоких карателей, а казахи – ни в чем не повинными жертвами насилия, хотя хорошо известно, что жестокость была обоюдной. Волнения 1869–1870 гг., действительно, напугали власть, будучи массовыми. Но масштабы порой выглядят несколько завышенными: правительственные войска только и делали, что бегали от повстанцев: полковник Штемпель (бывший самар-

кандский комендант), подполковник Рукин, майор Пирогов и другие [22, с.67–69].

В двенадцати верстах от форта произошел бой между двумя кавказскими ротами во главе с графом Кутайсовым и пятью тысячами адаевцами. Автор преподносит это событие, как пример героизма адаевцев, хотя сама признает, что роты потеряли убитыми лишь десять человек, тогда как потери адаевцев были несопоставимо больше [22, с.69]. Турсунова цитирует уральского казачьего офицера и журналиста Б.А. Карпова, который писал следующее: *«На несколько верст поле было устлано трупами киргизов»* [1].

Порой автор преподносит информацию чересчур эмоционально, используя не совсем научную терминологию, например: «царские сатрапы», «зверская расправа» и т.п. [22, с.92, 94, 96 и др.].

«Солдаты насильовали женищин и девушек, а потом убивали их», – пишет она о действиях солдат из отряда подполковника Байкова, ссылаясь на документ Петербургского (тогда – Ленинградского) филиала военно-исторического архива [22, с.95]. Однако в указанных ею архивных листах нет ничего подобного.

Люди Байкова, подавляя мятеж, действительно проявляли чрезмерную жестокость, но не в том виде, в котором это преподнесла Турсунова. И за это Байков был отдан под суд, по решению которого был выслан в Тобольскую губернию, а также лишен чинов и наград. На этот раз можно согласиться с Черновым, критикующим Байкова не только за его чрезмерную жестокость, но и за состояние его отряда, поведение его людей и его самого в отношении с уполномоченными командованием лицами. Чернов пишет, что Байков не только *«в киргизских аулах производил разные насилия»*, но и по-хамски вел себя с полковником К.И. Новокрещеновым, которого оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский послал с инспекторской проверкой. А, кроме всего прочего, в лагере Байкова Новокрещенов *«нашел пьянство и всякое безобразие»* [8, с.223–224]. И все же понимать под насилием, в том числе, изнасилования, как это делала Турсунова – не совсем верно.

Турсунова не разделяет позицию ряда историков послевоенных времен, в 1951 г. высказавшим убеждение, что восстание адаевцев было спровоцировано хивинцами [22, с.98]. Однако отрицать наличие хивинского фактора нельзя; наличие работы хивинских эмиссаров хорошо известно. Возможно, оно не имело решающего значения, но явно присутствовало. Достаточно обратиться к документам тех лет. *«Мы же надеялись, что народ ваш прежде всех сынов киргизских окажет нам услуги и преданность. Если вы тверды на пути ислама, то по получении этого письма пусть придут сюда несколько почетных биев и старшин и скажут о своих намерениях, посоветуются и поговорят об общей пользе»*, – писал адаевцам хивинский хан⁸.

⁸ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.8239. Л.484.

Впрочем, попытки хивинцев оказать на казахов давление косвенно признает и Турсунова, но при этом она не считает, что это имело какие-то серьезные последствия, а зря.

Турсунова часто упоминает казаков, не уточняя, к какому казачьему войску они относятся – Уральскому, Оренбургскому или к войскам Северного Кавказа, так как все они принимали активное участие в наведении порядка. Но иногда она делает исключение, называя казаков «уральскими». Например, упоминая 32 пеших уральских казака при трех орудиях, упоминая их в отряде генерал-майора Бизянова, действовавшего в районе Эмбы, или упоминая их сотню в составе отряда самого оренбургского генерал-губернатора Крыжановского [22, с.88, 91]. Инициалов генерала Бизянова она не указала, но хорошо известно, что единственным генерал-майором Бизяновым был Константин Федотович Бизянов, сын легендарного Федота Григорьевича Бизянова, также генерал-майора, но к тому времени уже покойного.

Турсунова пишет, что даже царский офицер Иванин, осуждал действия К.Ф. Бизянова, которые вызвали справедливое недовольство казахов [22, с.54]. Однако Иванин, отмечая «недовольство и сопротивление» казахов, имел в виду совершенно другое, а именно – изъятие у них части их кочевий при учреждении Новой линии в Оренбургском казачьем войске. Напротив, рейд 1840 г. Бизянова-старшего (Федота Григорьевича) против адаевцев вызвал у Иванина неподдельное восхищение, поскольку тот отряд, несмотря на усталость после зимнего похода, сумел выполнить поставленные перед ним задачи в короткое время [9, с.193]. Но о Бизянове-младшем у Иванина нет ни слова.

Турсунова постоянно нарушает хронологическую последовательность; от описания более поздних событий она часто переходит к более ранним, и проделывает это неоднократно.

Территорию Казахской степи она называет Казахстаном, хотя ни такого государства, ни такой административно-территориальной единицы в XIX веке еще не существовало.

Турсунова пишет, что к середине XIX в. на Мангышлаке несли службу 3600 человек [22, с.44]. Цифра чрезмерно завышена. Или еще одна цитата: *«В это время территория казахов Младшего жуза, за исключением юга, где лежало плато Устюрт, оказалась окруженной казачьими военными линиями... Усиление последних сопровождалось изъятием земель у казахов»* [22, с.48]. Линий было две – Оренбургская на севере и Уральская на северо-западе земель Младшего жуза. Прочие линии (Сырдарьинская и др.) были сильно удалены на юго-восток, и к Младшему жузу отношения не имели. Изъятий казахских земель в пользу Уральского казачьего войска не было. Напротив, спорные земли между двумя Узенями – Большим и Малым – были изъяты у казаков и отданы казахам Букеевской орды.

А вот что Турсунова пишет о карательной экспедиции, действительно, имевшей место весной 1840 г.: *«Султан-правитель Западной части Млад-*

ишего жуза Б.Айчуваков и чиновник Оренбургской пограничной комиссии Бизянов с двумя отрядами в 500 казаков в течение двух месяцев (с 15 марта по 12 мая) преследовали аулы адаевцев» [22, с.53]. Но Федот Григорьевич Бизянов в ту пору был полковником Уральского казачьего войска, и никогда не был «чиновником Оренбургской пограничной комиссии».

Турсунова признает, что отнюдь не все казахи Младшего жуза подержали мятеж. Были и те, кто прямо или косвенно содействовал его подавлению. Некоторые из них даже получили награды. Кабак Ермамбетов – золотую медаль «За храбрость», а еще десять человек – серебряные медали «За усердие». Позже переводчик и почтарь Косум Мурзабаев участвовал в Хивинской (1873 г.) и Ахалтекинской (1880–1881 гг.) экспедициях, за что не раз награждался серебряной медалью и двумя знаками отличия Военного Ордена («для магометан»). В Ахалтекинской экспедиции он возглавлял сотню «киргизской милиции». После оставления царской службы ему была назначена пенсия в размере 150 руб. в год [22, с.97].

После взятия Хивы русскими войсками в 1873 г., многие из укрывшихся там беглецов предпочли каяться и просить прощения. Иса Тулумбаев (Тленбаев) – тот самый, что погубил отряд Рукина и осаждал форт Александровский, в обмен на прощение согласился помочь в поимке Досана Тажиева. Этот факт признает и Турсунова: *«Иса Тленбаев после завоевания в 1873 г. Хивы Россией возвратился на Мангышлак и явился с повинной к начальнику отряда Ломакину. Его оставили на свободе с условием содействия в поимке Досана Тажиева, учредив за ним тайный надзор. Иса показал усердие в выполнении задания, за что был прощен и в 1874 г. назначен волостным управителем»* [22, с.114]. *«Через некоторое время все казахи, участвовавшие в восстании, были амнистированы, в том числе и некоторые руководители»,* – продолжает она [22, с.115]. Среди тех, кто участвовал в захвате Тажиева, а затем и его сподвижников, были некоторые бывшие участники адаевского мятежа, в том числе Иса Тулумбаев.

В форте Александрове была собрана местная родоплеменная знать, где ее представителям было объявлено, что Великий князь Михаил, как наместник Кавказа, с согласия императора, готов простить их соплеменников, но они должны компенсировать причиненный ущерб, включая гибель российских подданных и захват уральских казаков из отряда Рукина. Контрибуцию предполагалось брать баранами. С учетом общего количества «кибиток» (юрт) бии должны были сами решать, кто должен заплатить, больше, а кто меньше, в зависимости от степени виновности⁹.

Примером казахского бия, честно служившего российским властям, был Баймагомед Маяев – зауряд-хорунжий, управляющий Верхней дистанцией казахов адаевского рода.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.ВУА. Д.6825. Л.219–221.

По поводу участия уральских казаков в деле «водворения порядка в киргизской степи» в 1869 г. Н.Г. Мякушин написал следующее: *«Во время возмущения киргизов в степи Уральской области в 1869 году, подлежащие на службу в Туркестанский край пять с половиной сотен под начальством есаулов Щучкина, Иванова, Подъячева и других, были посланы для усмирения этого восстания. Здесь наши казаки участвовали в разных отдельных отрядах, в составе которых имели несколько успешных дел против мятежников»* [22, с.285].

Некоторые из упомянутых офицеров были удостоены различных орденов. Вот текст приказа: *«Награды за водворение порядка в киргизской степи и введение в ней нового положения: есаулам Ротнову, Щапову (Северьяну), Щучкину, поручику Лейб-гвардии Уральского казачьего эскадрона Мизинову, сотнику Федулееву, войсковому врачу Добровольскому – 627 рублей, генерал-майору Веревкину орден Святой Анны 1-ой степени с короною; начальнику штаба подполковнику Костенко орден Святого Станислава 2-ой степени»* [23].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Верненский гражданин [псевдоним Б.А. Карпова]. Письмо в редакцию // Современные известия. 1881. №187.
2. Военное предприятие противу Хивы // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). Кн. I (январь-март). М.: Университетская типография, 1860. С.147–166.
3. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Составил по поручению Императорского Русского географического общества действительный член общества П.Семенов при содействии члена-сотрудника В.Зверинского. Т.V. СПб.: Изданием А.Н. Турубаева, 1885. 1000 с.
4. Голованов В. Из походных записок о действиях в степи в 1869 г. // Уральские войсковые ведомости. 1871. №33.
5. Данияров К. История Казахского государства. Ч.2. Алматы: Изд. «Жибек жолы», 2000. 192 с.
6. Железнов И.И. Уральцы: очерки быта уральских казаков / Полное собрание сочинений Иоасафа Игнатьевича Железнова. 3-е изд., посмерт., с доп. и включением неизд. ст. / под ред. Н.А. Бородина. Т.2. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 452 с.
7. Железнов И.И. Василий Струняшев: роман из казачьей жизни. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 211 с.
8. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. Оренбург: Паровая типолитография «Товарищество печатного дела Каримов, Хусаинов и К°», 1907. 224 с.
9. Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1874. 268 с.
10. Из Киргизских степей // Голос. 1870. №127.
11. Из Средней Азии // Нива. 1873. №15.

12. К-ъ. События в степях Уральской области и Мангышлакском приставстве в 1869–1870 гг. // Уральские войсковые ведомости. 1870. №31, 38, 41, 42, 43.
13. Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.: «АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. 429 с.
14. Несколько слов по поводу последнего восстания киргизов на Мангышлакском полуострове // Военный сборник. 1871. Т.79. №5.
15. Отрывки из прошлого Уральского казачьего войска. Из записок полковника А.Л. Гуляева. Уральск: Тип. М.А. Жаворонковой, 1895. 149 с.
16. Потто В.А. Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник. 1900. Т.81, №7. С.110–135.
17. Самарский краевед: историко-краеведческий сборник / сост. А.Н. Завальный. Самара: Кн. изд-во, 1994. 288 с.
18. Сборник уральских казачьих песен / собрал и издал Н.Г. Мякушин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 289 с.
19. События в степи Уральской области и Мангышлакском приставстве в 1869–1870 гг. / сост. С.А. Калентьев. Уральск: Тип. ТОО «Полиграфсервис», 2019. 104 с.
20. Список майорам по старшинству. Исправлено по 1-е января. СПб.: Военная типография, 1867. 596 с.
21. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды / отв. ред. М.А. Усманов. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
22. Турсунова М.С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. (Вопросы социально-экономической и политической истории). Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1977. 184 с.
23. Уральские войсковые ведомости. 1870. №19.
24. Уральские войсковые ведомости. 1871. №14.
25. Уральские войсковые ведомости. 1871. №42.
26. Уральские войсковые ведомости. 1872. №12.
27. Уральские войсковые ведомости. 1873. №26.
28. Юдин П.Л. Адаевский бунт на полуострове Мангышлаке в 1870 г. // Русская старина. 1894. №7. С.136–156.
29. Юр-Ко. Очерк восстания в Уральской области в 1869 г. и усмирение его // Голос. 1870. №23.
30. Юр-Ко. События в степях Уральской области в 1869 году // Уральские войсковые ведомости. 1870. №2, 3, 4, 6, 7, 9.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор Института туризма и социальных технологий, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 04.08.2025

Принята к публикации 18.08.2025

Unrest in the Kazakh steppe of the Ural region in the 1869–1870 in prerevolutionary and Soviet historiography

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

This article presents various approaches to analyzing the events of 1869–1870 in the Kazakh steppe (in the Younger Zhuz) among representatives of prerevolutionary Russian and Soviet Kazakh historiography. At the same time, researchers' opinions vary depending on the aspects under consideration – from the causes of the unrest to the moral and ethical assessment of the actions of the participants on both sides. It is clear that the differences in assessments are also due to the specific nature of the historiography of the prerevolutionary and Soviet periods.

Keywords: Nogai Horde, the Younger Zhuz, unrest in the Kazakh steppe, Fort Aleksandrovsky, Lieutenant Colonel Rukin, Major Zelenin, and the Ural Cossacks

For citation: Dubovikov A.M. Unrest in the Kazakh steppe of the Ural region in the 1869–1870 in prerevolutionary and Soviet historiography. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.94–123. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.94-123> (In Russian)

REFERENCES

1. Vernensky citizen [pseudonym of B.A. Karpov]. Letter to the editor. *Sovremennye Izvestia*. 1881, no.187. (In Russian)
2. *Military enterprise against Khiva. Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University (CHOIDR)*. Book 1 (January-March). Moscow: University Printing House Publ., 1860. Pp.147–166. (In Russian)
3. *Geographical and statistical dictionary of the Russian Empire*. Compiled by P. Semyonov. Vol.5. St. Petersburg: A.N. Turubayev Publ., 1885. 1000 p. (In Russian)
4. Golovanov V. From field notes on actions in the steppe in 1869. *Ural military Gazette*. 1871, no.33. (In Russian)
5. Daniyarov K. *The history of the Kazakh state*. Part 2. Almaty: "Zhibek Zholy" Publishing house Publ., 2000. 192 p. (In Russian)
6. Zheleznov I.I. *Uralians: sketches of the life of the Ural Cossacks. The complete works of Joasaph Ignatievich Zheleznov*. 3rd edition. Ed. by N.A. Borodin. Vol.2. St. Petersburg: Public Benefit Partnership Printing House Publ., 1910. 452 p. (In Russian)
7. Zheleznov I.I. *Vasily Strunyashev: a novel from the Cossack life*. St. Petersburg: Public Benefit Partnership Printing House Publ., 1910. 211 p. (In Russian)
8. Notes by Major General Ivan Vasilyevich Chernov. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Issue 18. Orenburg: Printing Partnership Karimov, Khusainov and Co. Publ., 1907. 224 p. (In Russian)
9. Ivanin M. *Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839–1840*. St. Petersburg: Public Benefit Partnership Publ., 1874. 268 p. (In Russian)
10. From the Kirghiz steppes. *Golos*. 1870, no.127. (In Russian)

11. From Central Asia. *Niva*. 1873, no.15, pp.239–240. (In Russian)
12. K. Events in the steppes of the Ural region and the Mangyshlak district in 1869–1870. *Ural Military Gazette*. 1870, no.31, 38, 41, 42, 43. (In Russian)
13. Mikhailov A.A. *The first push to the South*. Moscow: AST Publ.; St. Petersburg: North-West Press Publ., 2003. 429 p. (In Russian)
14. A few words about the last uprising of the Kirghiz on the Mangyshlak Peninsula. *Military Collection*. 1871, vol. 79, no.5. (In Russian)
15. *Fragments from the past of the Ural Cossack Army. From the notes of Colonel A.L. Gulyaev*. Uralsk: M.A. Zhavoronkov Printing House Publ., 1895. 149 p. (In Russian)
16. Potto V.A. The death of Rukin's detachment in 1870. *Historical Bulletin*. 1900, vol.81, no.7, pp.110–135. (In Russian)
17. *Samara local historian: a historical and local history collection*. Compiled by A.N. Zavalny. Samara: Book Publishing House Publ., 1994. 288 p. (In Russian)
18. *Collection of Ural Cossack songs*. Compiled by N.G. Myakushin. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich's Printing House Publ., 1890. 289 p. (In Russian)
19. *Events in the steppe of the Ural Region and the Mangyshlak district in 1869–1870*. Compiled by S.A. Kalentyev. Uralsk: Poligrafservice Publ., 2019. 104 p. (In Russian)
20. *List of Majors by seniority*. St. Petersburg: Military Printing House Publ., 1867. 596 p. (In Russian)
21. Trepavlov V.V. *History of the Nogai Horde*. Ed. by M.A. Usmanov. 2nd edition. Kazan: Kazan Real Estate Publishing House Publ., 2016. 764 p. (In Russian)
22. Tursunova M.S. *Kazakhs of Mangyshlak in the second half of the 19th century. (Issues of social, economic and political history)*. Alma-Ata: "Nauka" of the Kazakh SSR, 1977. 184 p. (In Russian)
23. *Ural Military Gazette*, 1870, no.19. (In Russian)
24. *Ural Military Gazette*, 1871, no.14. (In Russian)
25. *Ural Military Gazette*, 1871, no.42. (In Russian)
26. *Ural Military Gazette*, 1872, no.12. (In Russian)
27. *Ural Military Gazette*, 1873, no.26. (In Russian)
28. Yudin P.L. The Adayev Riot on the Mangyshlak Peninsula in 1870. *Russkaya Starina*. 1894, no.7, pp.136–156. (In Russian)
29. Yur-Ko. An essay on the uprising in the Ural Region in 1869 and its suppression. *Golos*. 1870, no.23. (In Russian)
30. Yur-Ko. Events in the steppes of the Ural Region in 1869. *Ural Military Gazette*, 1870, no.2, 3, 4, 6, 9. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor of the Institute of Tourism and Social Technologies, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received August 4, 2025

Accepted for publication August 18, 2025

УДК 94(470.41)"19"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.124-139>

Учредительницы и воспитательницы частных дошкольных учреждений в городах Поволжья в начале XX века

Л.Р. Габдрафикова, Е.В. Миронова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена административным и педагогическим кадрам дошкольных заведений, организованных частными лицами в пределах Казанского учебного округа. Дана характеристика по следующим критериям: социальный статус владельцев и педагогов-воспитателей, мотивы их деятельности, программа обучения в детских садах, а также взаимоотношения женщин-организаторов данных учреждений с органами власти. Сделан вывод о том, что не всегда учредительницы преследовали коммерческие цели и часто организовывали детские сады, исходя из идейных соображений. Это были образованные женщины с опытом преподавательской деятельности в средних учебных заведениях. При этом одним из мотивов создания детских садов было желание дать воспитание своим сыновьям и дочерям, а также детям коллег своих мужей. Анализируя биографии воспитателей и педагогов, авторы приходят к выводу, что кадры составляли преимущественно выпускницы гимназий, а также девушки, выдержавшие испытание на звание домашней учительницы. Практически все поступили на должность сразу по окончании учебных заведений и в силу возраста были незамужними.

Ключевые слова: Поволжье, начало XX века, дошкольное образование, частные детские сады, ясли, воспитательницы, фрёбелевские курсы, гендерная история

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р., Миронова Е.В. Учредительницы и воспитательницы частных дошкольных учреждений в городах Поволжья в начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.124–139. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.124-139>

Финансирование: Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Введение. Развитие системы дошкольного образования в России связывают преимущественно с советским периодом истории. Не отрицая масштабный характер государственной системы охраны материнства и детства при советской власти, стоит отметить, что до 1917 г. в стране тоже

имелась сеть дошкольных учреждений. Причем они были не только государственными (например, приюты или школы трудолюбия), но и частными. Если в научной литературе о яслях для младенцев при дворянских имениях или различных предприятиях имеются некоторые сведения, то малоизученным является вопрос об организации присмотра за детьми старшего дошкольного возраста. Между тем в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. начинают открываться частные детские сады.

Понятие «детский сад» было новым, и тема дошкольного воспитания вне дома еще не получила широкого распространения. Тем не менее в Российской империи образованные слои общества знали о «системе Фрёбеля». Именно уроженец Тюрингии Фридрих Вильгельм Август Фрёбел (1782–1852), работавший под началом основоположника дошкольной дидактики, швейцарского педагога Иоганна Генриха Песталоцци, ввел понятие «детский сад». Несмотря на то, что в своих педагогических изысканиях они работали с сиротскими учреждениями (за неимением других детских коллективов), в дальнейшем «детский сад» будет практиковаться как альтернатива семейному воспитанию. Основой этой системы воспитания стала обучающая игра. Первый детский сад по системе Фрёбеля открылся в 1837 г. в Бланкенбурге, но широкое распространение идеи педагога получили уже после его смерти [10].

В России «детские сады» работали не только в столичных городах (первое из таких учреждений открылось в Санкт-Петербурге в 1871 г.) и городских центрах западных губерний, но и в других уголках страны [10, с.122].

В этой связи представляет особый интерес Поволжье – регион, объединявший западную и восточную часть империи, с поликонфессиональным и полиэтничным составом, с развитыми историко-культурными традициями.

Первые исследования истории дошкольных учреждений появились в дореволюционный период. Они были подготовлены современниками и носят публицистический характер (работа Е.Н. Янжул [14], доклад В. Шенгелидзе о русских яслях-приютах на всемирной выставке в Милане и т.д.)¹. К трудам по истории детских садов также следует отнести автобиографические сочинения работников дошкольных учреждений начала XX столетия².

В советский период данную тему разрабатывали Б.Р. Розенфельд, И.В. Чувашев, занимавшиеся изучением ряда вопросов, связанных с деятельностью детских садов, и вопросами дошкольного воспитания в Российской империи [11; 12].

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.573. Оп.1. Д.1323.

² ГА РФ. Ф.Р9577. Оп.1. Д.206.

На современном этапе данная тема также привлекает внимание исследователей. Но сведения о детских садах и их первых организаторах упоминаются обычно лишь в исследованиях краеведческого характера. Например, о супруге видного общественного деятеля Вятской губернии К.А. Лупповой, стоявшей у истоков дошкольного образования в провинции [4], а также о первых детских садах Казани [3; 13].

Где-то встречаются и недостоверные сведения. Например, имеется путаница в датах. Или мнение, что фрёбелевские детские сады в провинции России появляются уже ближе к 1917 г. или даже после. Такая информация имеется про Вятку [10, с.123].

Различные аспекты истории дошкольного образования в Казанском учебном округе нашли отражение в работах современных авторов. В частности, историк В.А. Веретенко упоминает два детских сада, функционировавших в соседних с Казанской губернией регионах [5, с.101]. Более подробно на дошкольных заведениях Казанского учебного округа в 1900-х гг. останавливается исследователь А.Г. Морозов, рассмотревший, главным образом, порядок открытия детских садов, учебные планы и программы занятий [8]. Кроме того, деятельность некоторых частных дошкольных заведений на территории Поволжья нашла отражение в работе М.С. Мулевой [9], о факторах становления первых татарских детских садов Казани пишет А.А. Зиннатуллина [6].

Учитывая достижения предшественников в области изучения дошкольного образования в Российской империи, и Казанского учебного округа в частности, авторы настоящего исследования поставили цель составить социально-экономическую характеристику учредительниц и воспитательниц частных дошкольных заведений в городах Поволжья.

Сразу стоит разграничить понятия «ясли» и «детский сад». Первые, как правило, были бесплатными и открывались при предприятиях работодателей. Они имели, в основном, социальное, а не педагогическое значение. Например, в Казани одно из первых дошкольных учреждений – ясли – работало с 28 августа 1900 г. при фабриках и заводах Алафузовых. В ясли («люлечную») принимались грудные дети от 3-х месяцев до 2-х лет. Их число доходило иногда до 50. С детьми там не играли, но содержали их в чистом виде и укладывали спать. А мам-работниц отпускали несколько раз покормить детей, об этом похлопотал заводской врач, он же заведующий яслями³. В целом, большинство яслей носило временный характер.

Немного другие цели ставили «детские сады», открывавшиеся тоже в начале XX в. Открытие и контроль таких частных дошкольных учреждений было возложено на Министерство народного просвещения (МНП). На местах это регулировало руководство учебного округа. Поволжье тогда входило в Казанский учебный округ. С 1873 г. он включал 6 губерний: Ка-

³ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.94. Оп.1. Д.5754. Л.2.

занскую, Астраханскую, Вятскую, Самарскую, Саратовскую и Симбирскую. Администрация Казанского учебного округа находилась в Казани. Представленное исследование преимущественно базируется на документах Государственного архива Республики Татарстан из фондов 92 «Попечитель Казанского учебного округа» и 160 «Директор народных училищ Казанской губернии».

Социальный статус учредительниц. Знакомство с архивными документами показывает, что частные «детские сады» обычно открывали женщины. Именно они подавали прошения в администрацию Казанского учебного округа с просьбой разрешить открытие таких дошкольных учреждений. Прощения датированы 1907–1915 гг. Ссылались просительницы на разные постановления. Например, С.Кругликова из Астрахани писала о разъяснении Департамента народного просвещения от 25 февраля 1905 г.⁴, а М. Левитина из Самары – на документ Совета министров МНП об открытии частных еврейских училищ от 24 августа 1906 г.⁵ и т.д.

Это были женщины разных сословий и национальностей. Однако всех их объединял примерно одинаковый социальный статус – они были образованными и, как правило, являлись женами или родственницами чиновников, учителей и других служащих.

До Казани идеи Фрёбеля об игровом воспитании дошли лишь в начале XX в. Например, в начале 1903 г. семейно-педагогический кружок открыл такое дошкольное учреждение на Лядской улице (совр. ул. М.Горького) [7]. Кроме того, в это время при кирхе на Покровской улице (совр. ул. К. Маркса) работал «детский сад», открытый лютеранской общиной города. Его посещали дети от 4 до 7 лет. Заведовала садиком Гозйзель Юлия Карловна. Дети там находились не целый день. Это был детский клуб на несколько часов, где малыши могли общаться на родном немецком языке [3]. Интересно, что сестра Юлии Карловны – Берта Гозйзель работала классной дамой (классруком) в Родионовском институте благородных девиц, а брат Эдуард Карлович был не только пастором, но и являлся учителем немецкого языка и «вероучителем лютеранского законоучения» в Казанском реальном училище⁶.

После 1905 г. таких дошкольных учреждений в Казани становилось больше. Одно из них в 1907 г. (по другим данным – 1913 г.) открыла супруга профессора Казанского университета, физиолога А.Ф. Самойлова – Анна Александровна Самойлова (в девичестве – Бари)⁷. Она была дочерью инженера и предпринимателя Александра Вениаминовича Бари и даже училась на «фрёбелевских курсах» в Берлине. Детский сад А.А. Самойлова сначала задумывала как заведение для четырех собственных детей, а

⁴ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.21111. Л.1.

⁵ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.14497. Л.1.

⁶ ГА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.895. Л.9.

⁷ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1465. Л.1.

также для детей коллег мужа. Один из первых частных детских садов работал в том же доме, где жили сами Самойловы – на ул. Большой Красной, д.60/35.

В 1911 г. открыла аналогичное заведение в г. Вятке 42-летняя Клавдия Андреевна Луппова (в девичестве – Мартынова), супруга земского деятеля, члена Вятского губернского присутствия. Она окончила полный курс женской гимназии и работала учительницей в женском начальном училище⁸. В семье Лупповых тоже было четверо своих малолетних детей [4]. Детский сад не приносил коммерческой выгоды, так как был совершенно бесплатным. Идею К.А. Лупповой по организации дошкольного учреждения поддержала В.И. Шубина, супруга гласного Вятского губернского земского собрания, а также Е.Н. Селенкина, жена земского врача, которая была известна просветительской деятельностью в Вятской губернии. Однако потом у В.И. Шубиной планы изменились, и она отошла от этой работы, поэтому непосредственную помощь учредительнице оказывала только Е.Н. Селенкина. Она окончила 8 классов женской гимназии⁹. Указывалось, что «при открытии детского сада Учредитель имеет целью дать не только разумные занятия детям беднейшего населения г. Вятки, но улучшить и питание детей путем устройства горячих завтраков»¹⁰.

В числе документов, предоставляемых просительницами в органы власти, имеются согласия их супругов на открытие детского сада. Так, в Астрахани в 1913 г. собирались открыть собственные детские сады сразу две замужние женщины – София Кругликова и Мария Миловидова. Обе предоставили справки от мужей¹¹. Супругом последней был гражданский инженер¹².

Нередко просительницы и сами работали в сфере народного образования. Тогда уже соответствующее согласие выдавало руководство их учебных заведений. Так, летом 1911 г. обратилась к попечителю Казанского учебного округа преподавательница Казанского Родионовского института благородных девиц Антонина Захаровна Теофилактова. Совет данного Института, а также начальница заведения О. Ермолаева не были против дополнительной работы своей преподавательницы и дали ей «наилучший отзыв»¹³. Она была выпускницей Петербургских Высших женских курсов и проживала в Казани на ул. Гоголевской, в доме Орловой. Там же она собиралась открыть и свое дошкольное учреждение – «детский сад» – «для совместных занятий и игр детей младшего возраста»¹⁴.

⁸ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.14479. Л.2.

⁹ Там же. Л.2.

¹⁰ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.18997. Л. 1.

¹¹ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.21111. Л.3; Д.18998. Л.1 об.

¹² ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.18998. Л.1.

¹³ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1485. Л.1.

¹⁴ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.14496. Л.2.

Еще в 1903 г. получила звание домашней учительницы Мария Нилловна Миловидова (в девичестве – Соколова)¹⁵. Такое же звание имела Мария Левитина из Самары, учительница самарского частного еврейского учебного заведения 3-го разряда. Данная школа работала под эгидой «Общества распространения образования между евреями». М.Левитина собиралась открыть «детский сад» для детей дошкольного возраста иудейского исповедания¹⁶. Возможно, и детский сад был одним из проектов упомянутого Общества. Похожий «детский сад» для еврейских детей обоего пола собиралась открыть в начале 1914 г. в Саратове домашняя учительница Марим-Лея Сруловна Цинман (в девичестве – Гомбарг)¹⁷. В этом случае желание открыть именно еврейский «детский сад», судя по всему, объяснялось законодательными ограничениями. Дело в том, что домашние учительницы нехристианских вероисповеданий (мусульманки, иудейки) не имели права работать в христианских семьях. Поэтому логично и появление отдельных дошкольных учреждений, в которых дети воспитывались в рамках своих конфессиональных традиций.

Так же в этот период аналогичные прошения о необходимости открытия «детских садов» поступили от просительниц из уездных городов Николаевска (Самарская губерния) и Бузулука (Оренбургская губерния).

Программа и педагогический коллектив детских садов. Просительницы должны были предоставить специальную программу обучения. Например, в «детском саду» А.З. Феофилактовой в Казани дети от 4,5 до 7 лет учили французский язык, занимались рисованием и «ручными работами», а также гимнастикой. На уроках французского они учили названия животных, овощей, фруктов, предметов, цветов, деталей одежды, дома и т.д. «Занятия велись по натуральному методу, как пособие употреблялись картины и игрушки», – отчитывалась заведующая «детским садом» позднее. В учебной программе по французскому языку было также описание гастрономического магазина, принадлежностей для умывания. Кроме того, дети учили не просто отдельные слова, но и глаголы к ним. Например, названия животных давались вместе с их пользой («корова дает молоко», «собака сторожит дом» и т.д.). С помощью выученных слов дети должны были составлять небольшие рассказы. Интересно проходили и занятия по «ручным работам»: дети вырезали из бумаги и наклеивали (судя по всему, делали аппликации), делали небольшие поделки, учились плести салфетки, корзинки, сумочки. «Самостоятельное приготовление материала, подбор тонов» – перечислялись планируемые навыки дошкольников в программе обучения. На этих же занятиях они учились вышивать¹⁸. На гимнастике были предусмотрены легкие упражнения, бег, игры, а также дети (независимо от пола) учились сто-

¹⁵ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.18998. Л.1.

¹⁶ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.14497. Л.1.

¹⁷ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.21109. Л.1.

¹⁸ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.14496. Л.16 об.

ять в строю («стойка, равнение, смирно и вольно, повороты, шаг на месте»)¹⁹. Более расширенной была программа обучения в дошкольном заведении К.А. Лупповой в г. Вятке. Она собиралась обучать детей грамоте, начальной арифметике, письму, рисованию, лепке, французскому и немецкому языкам, знакомить с молитвами и Священной историей. Безусловно, были в учебной программе «детского сада» гимнастика, игры, пение и танцы, а также «ручные работы»²⁰. Примерно такой же была программа и в детском саду для еврейских детей, открытой в 1914 г. в Саратове домашней учительницей Марим-Леей Цинман-Гомбарг. Здесь тоже были подвижные игры, рисование, арифметика, гимнастика, пение и танцы, а также «фребелевские изящные работы (лепка, плетение, выстригание, вышивание)». Кроме того, детей знакомили с рассказами из Ветхого Завета, а также учили русскому языку (для развития речи они должны были пересказывать тексты). Учредительница планировала ввести в программу «один из иностранных языков» и «мироведение»²¹.

Софья Пряничникова из Бузулука, собиравшаяся в 1913 г. открыть в этом уездном городе свой «детский сад» для детей от 4 до 6 лет, поясняли: «Занятия в детском саду будут производиться на русском языке и заключаться главным образом в различных подвижных играх, в играх с пением, в гимнастических играх и систематической гимнастике, доступной данному возрасту. Кроме того, будут производиться упражнения с цветными карандашами, глиной, клейкой, вырезыванием, вышиванием»²².

Если имелись другие воспитатели-учителя планируемого «детского сада», предоставлялись также дополнительные сведения и о них (информация об образовании, политическая благонадежность, нравственное поведение и т.п.). Например, в «детском саду» А.З. Феофилактовой в Казани, помимо нее, были задействованы ее коллеги из Родионовского института (4 учительницы). Интересно, что Попечительский Совет этого учебного заведения поддерживал начинание своих педагогов и дал положительную характеристику им.

Воспитательниц детских садов называли преподавательницами. Среди них А.И. Тиссен (рисования), Ж.А. Иорданская (французского языка), Е.Н. Матвеевская (гимнастики) и К.В. Тихомирова (ручной работы). Были и мужские педагогические кадры. Так, в детском саду А.З. Феофилактовой уроки Закона Божьего вел священник Н.В. Петров. Пение и лепку вела сама Феофилактова. Выпускница Родионовского института благородных девиц К.В. Тихомирова вела уроки подвижных игр и ручных работ. Вероятно, на выбор места работы девушки повлияло ее место жительства –

¹⁹ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.14496. Л.17.

²⁰ Там же. Л.1.

²¹ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.21109. Л.2.

²² ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.18999. Л.1.

детский сад был открыт в том же доме, где она жила²³. Другая воспитательница детского сада, А.И. Тиссен, также проживала поблизости – на улице 2-я Солдатская, в собственном доме, – благодаря чему и могла заранее узнать о проектируемом дошкольном учреждении. Она имела аттестат Казанской художественной школы по 1-му разряду и свидетельство о двухгодичном обучении в Императорской Академии художеств. Соответственно образованию, Тиссен стала учительницей рисования²⁴. Для некоторых поступление на работу в детский сад могло быть подработкой. Например, выпускницы Московского Николаевского института Е.Н. Матвеевская и Ж.А. Иорданская жили и работали в Родионовском институте. В дошкольном учреждении Екатерина Николаевна стала преподавательницей гимнастики и танцев, а ее коллега Жоржетта Александровна – французского языка²⁵. Поскольку обе преподавательницы проживали в Родионовском институте, то справок об их благонадежности не требовалось, в отличие от Тихомировой и Тиссен, которые жили отдельно, и нужно было специальное уведомление об их благопристойном поведении вне территории школы²⁶.

Каждая преподавательница «детского сада» представляла краткий отчет о том, что было пройдено детьми за это время. В течение 1911/1912 учебного года обучалось 4 мальчика и 6 девочек в возрасте от 4,5 до 7 лет, все православные²⁷. В этом смысле порядок их отчетности был похож на обязанности домашних учительниц.

К числу воспитательниц были отнесены педагоги, помощницы-компаньонки, практикантки. Они имели преимущественно гимназическое образование либо звание домашней учительницы по итогам соответствующего экзамена. Но встречались выпускницы иных учебных заведений. Так, Анна фон Рот окончила Фрёбелевский институт в Лозанне в 1908 г., Капитолина Гавриловна Кремкова в 1900 г. окончила Казанское Епархиальное училище, а в 1912 г. – Казанские Высшие женские курсы. Варвара Павловна Геркен в 18 лет окончила Нижегородский институт, а в возрасте 42 лет – Казанские Высшие женские курсы. Вера Петровна Раевская была слушательницей Казанских Высших женских курсов. Кроме того, одна девушка окончила Казанскую художественную школу, одна – Родионовский институт, еще две – Московский Николаевский Сиротский институт. На момент трудоустройства трем девушкам было от 17 до 20 лет, пятерым – от 21 до 30 лет, еще одна была старше 40 лет. Учитывая юный возраст воспитательниц, лишь некоторые из них были замужем. Нам известно только о службе мужа Анны Вячеславовны Чердынцевой. Он состоял

²³ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1485. Л.4.

²⁴ Там же. Л.9.

²⁵ Там же. Л.10, 11.

²⁶ Там же. Л.13, 14.

²⁷ Там же. Л.16.

сверхштатным лаборантом Казанского университета. Сама девушка окончила Мариинскую женскую гимназию в г. Перми в 1902 г. и курсы массажа и врачебной гимнастики Залесовой в Санкт-Петербурге. Чета Чердынцевых проживала в доме Бергмана на ул. Большой Казанской. Кроме того, в источниках упоминается об окончании Казанского университета Елизаветой Павловной Буниной. Вероятно, речь идет о педагогических курсах, созданных на базе высшего учебного заведения²⁸.

Некоторые воспитательницы имели опыт педагогической деятельности в средних учебных заведениях. Так, А.Ф. Лейбова, урожденная Михайлова, состояла учительницей в 1-м городском женском училище г. Бердянска²⁹, З.А. Титова – в Алатырской прогимназии, Е.Г. Субботина – в Сумароковской образцовой школе в Тетюшском уезде³⁰, Е.П. Бунина – в женской гимназии Л.П. Шумковой³¹.

Работа частных детских садов, на наш взгляд, оказала влияние и на татарскую городскую культуру. Например, при «Восточном клубе» в Казани с 1914 г. проводились детские праздники, приуроченные к Мавлиду. Мероприятие 1915 г. посетило 243 ребенка. Еще ранее там был организован детский хор. Во время праздников с детьми играли молодые девушки (для них было придумано даже специальное обозначение «мөрэббия туташ»), число которых было около 40 чел. Они пели с детьми песни, устраивали игры, дарили подарки [2]. Но занимались они с детьми, безусловно, на общественных началах. Кстати, в новом татарском словосочетании «мөрэббия туташ» соединились турецкое обозначение гувернантки (mürebbiye) и татарское обращение к незамужним женщинам из образованных семей (туташ).

Взаимоотношения с органами власти. Анна Александровна Самойлова официально открыла собственный детский сад на Ново-Комиссариатской улице г. Казани, в доме Вороновой, в феврале 1907 г.³² Однако практически на протяжении пяти лет дошкольное учреждение не вызывало особого внимания у органов власти. Супруга профессора занималась развитием не только собственных детей, но и отпрысков своих знакомых. Лишь в 1911 г. учебное ведомство заинтересовалось состоянием «детского сада» А.А. Самойловой. Случилось это из-за того, что учредительница решила организовать еще одно учреждение – на этот раз она собиралась открыть частное учебное заведение 3-го разряда для мальчиков и девочек³³. К тому времени учредительница вместе со своим «детским садом»

²⁸ ГА РТ. Ф.1118. Оп.1. Д.85. Л.11.

²⁹ Там же. Л.5.

³⁰ Там же. Л.6.

³¹ Там же. Л.11.

³² Там же. Л.1.

³³ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1465. Л.1.

переехала в дом Аристова на ул. Большой Красной³⁴. 9 ноября 1911 г. директор народных училищ Казанской губернии П.А. Воробьев получил от попечителя Казанского учебного округа секретное сообщение следующего содержания: «О школе г-жи Самойловой, функционирующей в настоящее время под видом “детского сада” и, кажется без всякого надзора со стороны инспектора народных училищ, имеются не слишком благоприятные сведения», – и просил проверить данное дошкольное учреждение³⁵. Учебное ведомство интересовала, прежде всего, постановка занятий по Закону Божьему и русскому языку³⁶. Скорее всего, здесь сыграло свою роль и еврейско-немецкое происхождение А.А. Самойловой, а также ее супруга, уроженца Одессы.

Директор народных училищ Казанской губернии П.А. Воробьев посетил учреждение А.А. Самойловой дважды – 12 и 18 ноября 1911 г. Он выяснил, что фактически в «детском саду» школьные занятия проводятся еще с прошлого года, причем с детьми от 5 до 11 лет. Как выяснилось, на это не было получено специального разрешения в учебном ведомстве. Не были согласованы и кандидатуры воспитательниц и преподавательниц. Например, Закон Божий вела некая учительница Запольская³⁷. Русский язык вела сама А.А. Самойлова. Но целый ряд учебников, используемых ею в процессе обучения и найденных в школьной библиотеке, были признаны недопустимыми. Это были книги Вахтерова («Как создать свободную школу»), Тулупова («Новь»), Шестакова («Новая школа»), Острогорского («Живое Слово»), а также Л. Толстого («Детские рассказы», «Учение Христа, изложенное для детей»)³⁸.

«Все же я склонен думать, что г. Самойлова не чужда мысли поставить свою школу на “новых началах” и с этой стороны нуждается в руководстве и контроле», – докладывал своему начальству проверяющий³⁹. Учредительница, безусловно, попыталась в кратчайшие сроки исправить замечания. Так, для занятий по Закону Божьему был приглашен студент Казанской духовной академии. Кроме того, она обещала заменить неудобные учебники другими пособиями из числа общепринятых в начальных училищах. Хотя чиновник отмечал, что его замечания не всегда были для Самойловой «удобоприемлемы», «некоторые казались придиричивостью, ненужною формальностью»⁴⁰.

В начале 1912 г. в различных инстанциях еще шло обсуждение порядков в «детском саду» и школе А.А. Самойловой. Так, директор народ-

³⁴ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1465. Л.5.

³⁵ Там же. Л.16.

³⁶ Там же. Л.16 об.

³⁷ Там же. Л.18.

³⁸ Там же. Л.16 об.

³⁹ Там же. Л.18 об.

⁴⁰ Там же. Л.19 об.

ных училищ Казанской губернии спрашивал у инспектора народных училищ г. Казани – проверялись ли эти заведения с 1907 по 1911 г.? «И если да, “было ли Вами донесено о существовавших в этом учреждении непорядках, а также делались ли г-же Самойловой письменные замечания”?»», – уточнял он 12 января 1912 г.⁴¹ Судя по всему, А.А. Самойловой удалось отстоять свои учебно-воспитательные учреждения. После 1911 г. она аккуратно согласовала кандидатуры десятка педагогов, задействованных в работе ее «детского сада» и низшей школы 3-го разряда. Эти учреждения действовали вплоть до революционных событий 1917 г.⁴², а в дальнейшем были переформатированы под советские детский сад и школу. В народе их называли «самойловскими».

Безусловно, такими учредительницами, вроде А.А. Самойловой, детские сады и школы открывались, скорее, по идейным соображениям. Это было важно и с точки зрения профессиональной самореализации женщины. Такой же увлеченной идеями воспитания нового поколения людей была и вятская учительница К.Луппова. Через два года после открытия своего детского сада она обратилась к попечителю Казанского учебного округа с просьбой разрешить открытие бесплатного детского сада для беднейшего населения города при «Обществе содействия начальному образованию» в г. Вятке. Заведение было рассчитано для детей от 3 до 7 лет, заведовала всеми делами сама просительница. Кроме занятий, она планировала организовать для бедных детей горячие завтраки. Директор народных училищ Вятской губернии резюмировал, что такое ходатайство заслуживает уважения⁴³.

В 1915 г. в Канцелярии казанского губернатора появилось дело о политической благонадежности пастора Гозйзеля и его супруги. Они привлекли внимание тем, что помогали немецким и австрийским военнопленным, а также интернированным. В частности, разослали им листовки-поздравления на Рождество. Проверка оставила это дело без последствий для семьи Гозйзелей. Тем не менее, различные собрания в доме Гозйзелей вызывала подозрение⁴⁴. Возможно, по этой причине к 1916 г. про заведение Ю.К. Гойзель уже нет информации, в Казани в этот период были частные детские сады только А.А. Самойловой и Ф.К. Салтовской [1].

Экономический интерес. Платные детские сады, безусловно, были одной из возможностей заработка для женщин. Например, «плата за детей будет установлена из соглашения с родителями, но не будет превышать 70 рублей в год», – утверждала в 1914 г. учредительница детсада в Астрахани С.Кругликова⁴⁵. Особенно этот вопрос стал актуальным в период Первой

⁴¹ ГА РТ. Ф.1118. Оп.1. Д.85. Л.6.

⁴² Там же. Л.2–25.

⁴³ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.18997. Л.1.

⁴⁴ ГА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.895. Л.1–9.

⁴⁵ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.21111. Л.2.

мировой войны. Весной 1915 г. в Казани решила открыть такой детской сад домашняя учительница Фотинья Капитоновна Салтовская. Она переехала в Казанскую губернию из г. Рыбинска Ярославской губернии. В результате, с разрешения «Казанского городского училищного совета», детский сад и школа Салтовской начали работать с конца августа 1915 г. Всего там было 30 детей: 18 из них посещали школу, 12 – детский сад. Что интересно, это были учреждения трех родных сестер. В школе и детском саду работали родные сестры учредительницы: Конкордия Капитоновна Салтовская, выпускница Саратовской Мариинской женской гимназии, и Павла Капитоновна Короленко, выпускница Московской Александровского института. Все три сестры проживали при школе на Покровской улице, в доме Депрейс, квартире 20⁴⁶. В общей сложности, дошкольное и школьное учреждения просуществовали около 1,5 года. В ноябре 1916 г. это помещение начали рассматривать под военные нужды. Тщетно Ф.К. Салтовская писала инспектору народных училищ г. Казани о том, что «перемена квартиры в настоящее время равносильна закрытию школы, составляющей единственный заработок целого семейства» и просила освободить арендуемое ими помещение от воинской повинности⁴⁷.

Работа в детских садах и школах 3-го разряда была возможностью заработка и для педагогов. Нужно учесть, что некоторые из них проживали в том же помещении, где размещалось дошкольное заведение. Хотя, безусловно, большинство воспитательниц были приходящими. Например, кадровая текучка «практикантов» в казанском дошкольном учреждении А.А. Самойловой указывает на то, что для многих женщин это была временная работа и, соответственно, заработок. Смена места работы или рода деятельности у женщин часто были связаны с семейными обстоятельствами. Так, летом 1914 г. в Казани пыталась трудоустроиться бывшая учительница Тамбовского женского железнодорожного училища Верещагина Прасковья Петровна. Переезд в другой город был связан с тем, что она вышла замуж за студента Казанской духовной академии⁴⁸. «А пока он год будет учиться, мне необходимо год прослужить, – обращалась она к влиятельным лицам для получения содействия в поиске работы. – (...) На один год я бы охотно согласилась занять место хотя бы даже запасной учительницы для городских школ, если у Вас есть таковые»⁴⁹. В результате она устроилась на работу в детский сад А.А. Самойловой.

Выводы. Таким образом идея детских садов была заимствована из Германии, поэтому первые дошкольные заведения открывались женщинами, которые были знакомы с методикой Фрёбеля, в том числе проходили обучение в Берлине. Затем, видя успех этого начинания, эстафету подхва-

⁴⁶ ГА РТ. Ф.1118. Оп.1. Д.147. Л.4.

⁴⁷ Там же. Л.8.

⁴⁸ Там же. Л.29.

⁴⁹ Там же. Л.25.

тили местные жительницы. Они были представительницами интеллигенции, земской среды и организовывали детские учреждения не с целью заработка, а для решения социальных задач, поэтому некоторые из них являлись бесплатными, хотя и открывались по частной инициативе.

Большинство учредительниц имели специальную подготовку, а также звание домашней учительницы, полученное либо в гимназии, либо путем сдачи экзамена после домашнего обучения. Это были женщины, ставшие на ноги, в возрасте свыше 30 лет.

В отличие от них, воспитательницами становились молодые девушки, вчерашние гимназистки, нуждавшиеся в средствах существования. Некоторые из них окончили даже высшие учебные заведения. Кто-то из них имел педагогический опыт и совмещал преподавательскую деятельность с работой в дошкольных учреждениях.

С расширением сети детских садов власти стали брать их под пристальный контроль: начали уделять пристальное внимание предметам, которые изучали воспитанники дошкольных учреждений, педагогическому составу, следили за благонадежностью частных заведений.

Учреждение детских садов в городах Поволжья было вызвано веяниями эпохи, эмансипацией женщин, которым требовалось освободить время для самореализации. И эту миссию взяли на себя именно женщины, которые сами являлись матерями. Это явление затронуло не только столичные города, но и провинцию, в том числе уездные города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии за 1916 год. Казань: Тип. губ. правл., 1916. 1062 с.
2. Ахунов Р. О детских садах прежней Казани // Моя Казань. URL: https://rustik68.narod.ru/kazan/qazan_detsad.html (дата обращения: 14.08.2025).
3. Әмирхан Ф. Әсәрләр. Т.3. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 512 б.
4. Бабинцева Т.В. К.А. Луппова – организатор первых детских садов в Вятке // Герценка: Вятские записки. Вып.20. Киров, 2011. 264 с. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number20&ELEMENT=gerzenka20_3_1 (дата обращения: 14.08.2025).
5. Веретенко В.А. Детские сады и вопрос о социализации детей дошкольного возраста в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // История повседневности. 2017. №3 (5). С.99–112.
6. Зиннатуллина А.Ә. Татар балалар бакчаларының барлыкка килү алшартлары һәм беренче адымнары (XX нче гасырның беренче чиреге) // Историческая этнология. 2017. Т.2. №2. С.338–345.
7. Казанский телеграф. 1903. 22 февраля. №3044.
8. Морозов А.Г. Дошкольные учебно-воспитательные учреждения Казанского учебного округа в начале XX в. // Известия Саратовского университета. Серия История. 2009. №2. С.60–64.

9. Мулевая М.С. Организация еврейских учебных заведений в Поволжье во второй половине XIX – начале XX вв. // Клио. 2024. №11 (215). Всеобщая история. С.114–121.

10. Помелов В.Б. Фридрих Фрёбель и его вклад в педагогику: к 230-летию со дня рождения педагога и к 175-летию открытия им первого в истории детского сада // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. №3–4. С.114–122.

11. Розенфельд Б.Р. Первые учреждения для детей народа в царской России и их характер // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1949. Т.85. С.3–65.

12. Чувашев И.В. Очерки дошкольного воспитания в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). М.: Учпедгиз, 1955. 371 с.

13. Якубовская М. Из прошлого детских садов г. Казани // Вестник просвещения. 1923. №9/10. С. 9–12.

14. Янжул Е.Н. Итальянский детский сад по системе г-жи Монтессори. Киев: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 22 с.

Информация об авторах:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Миронova Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Поступила 22.08.2025

Принята к публикации 15.09.2025

Founders and teachers of private preschool institutions in the Volga region cities at the beginning of the 20th century

L.R. Gabdrāfikova, E.V. Mironova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the administrative and pedagogical staff of preschool institutions organized by private individuals within the Kazan Educational District. The characteristic is given according to the following criteria: the social status of the owners and teachers, the motives of their activities, the program of education in kindergartens, as well as the relationship of the women organizers of these institutions with the authorities. It is concluded that the founders did not always pursue commercial goals, and often organized kindergartens based on ideological considerations. They were educated

women with teaching experience in secondary schools. At the same time, one of the motives for creating kindergartens was the desire to educate their sons and daughters, as well as the children of their husbands' colleagues. Analyzing the biographies of educators and teachers, the authors come to the conclusion that the staff consisted mainly of graduates of gymnasiums, as well as girls who passed the test for the title of home teacher. Almost all of them joined the position immediately after graduation, and due to their age, they were unmarried.

Keywords: Volga region, beginning of the 20th century, preschool education, private kindergartens, nurseries, teachers, Fröbel courses, gender history

For citation: Gabdräfigova L.R., Mironova E.V. Founders and teachers of private preschool institutions in the Volga region cities at the beginning of the 20th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.124–139. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.124-139> (In Russian)

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

REFERENCES

1. *Address book and reference book of the Kazan province for 1916*. Kazan: Printing house of the Kazan provincial government Publ., 1916. 1062 p. (In Russian)
2. Akhunov R. About kindergartens of the former Kazan. *My Kazan*. URL: https://rustik68.narod.ru/kazan/qazan_detsad.html (accessed: 14.08.2025). (In Russian)
3. Amirkhan F. *Works*. Vol.3. Kazan: Tatar Book Publishing House Publ., 1989. 512 p. (In Tatar)
4. Babintseva T.V. K.A. Luppova – organizer of the first kindergartens in Vyatka. *Gertsenka: Vyatskie zapiski*. Issue 20. Kirov, 2011. 264 p. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number20&ELEMENT=gerzenka20_3_1 (accessed: 14.08.2025). (In Russian)
5. Veremenko V.A. Kindergartens and the issue of socialization of preschool children in noble and intelligentsia families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *History of everyday life*. 2017, no.3(5), pp.99–112. (In Russian)
6. Zinnatullina A.A. Prerequisites of emergence of the Tatar child care facilities and their first steps (first quarter of the 20th century). *Historical Ethnology*. 2017, vol.2, no.2, pp.338–345. (In Tatar)
7. *Kazan Telegraph*, 1903, February 22, no.3044. (In Russian)
8. Morozov A.G. Preschool educational institutions of the Kazan educational district at the beginning of the 20th century. *Bulletin of Saratov University. History Series*. 2009, no.2, pp.60–64. (In Russian)
9. Mulevaya M.S. Organization of Jewish educational institutions in the Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Clio*. 2024, no.11(215), pp.114–121. (In Russian)
10. Pomelov V.B. Friedrich Froebel and his contribution to pedagogy: on the 230th anniversary of the teacher's birth and the 175th anniversary of his opening the

first kindergarten in history. *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University*. 2011, no.3–4, pp.114–122. (In Russian)

11. Rosenfeld B.R. The first institutions for children of the people in tsarist Russia and their character. *Scientific Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute*. 1949, vol.85, pp.3–65. (In Russian)

12. Chuvashev I.V. *Essays on preschool education in Russia (before the Great October Socialist Revolution)*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1955. 371 p. (In Russian)

13. Yakubovskaya M. From the past of kindergartens in Kazan. *Bulletin of Enlightenment*. 1923, no.9/10, pp.9–12. (In Russian)

14. Yanzhul E.N. *Italian kindergarten according to the system of Ms. Montessori*. Kyiv: I.N. Kushnerev and Co. Printing house Publ., 1912. 22 p. (In Russian)

About the authors:

Gabdrāfikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Mironova Elena Valeryevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Received August 22, 2025

Accepted for publication September 15, 2025

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 94(512.145)"17/18"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.140-161>

Состав тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX века по материалам ревизских сказок Бугульминского и Мензелинского уездов Оренбургской губернии

Р.Р. Аминов, Х.З. Багаутдинова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В публикации представлен список тептярей Бугульминского и Мензелинского уездов Оренбургской губернии из числа татар, находившихся в составе тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX в. Данный перечень составлен на основе сведений из ревизских сказок 1795, 1811, 1816 гг. и позволяет определить средний возраст тептярей на начало службы, количество набранных на службу тептярей по отдельным населенным пунктам, а также в некоторых случаях время возвращения их домой. Публикация позволяет выявить тептярей из татар, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.

Ключевые слова: тептяри, Бугульминский уезд, Мензелинский уезд, Отечественная война 1812 г., Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., ревизские сказки, тептярские старшины

Для цитирования: Аминов Р.Р., Багаутдинова Х.З. Состав тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX века по материалам ревизских сказок Бугульминского и Мензелинского уездов Оренбургской губернии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.140–161. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.140-161>

18 апреля 1790 г. был издан указ «Об оставлении обитающих в Уфимском и Вятском наместничествах тептярей и бобылей в настоящих местах и в прежнем окладе; о бытии им под ведением их сельских старшин и сотников и о наборе из них казачьего полка». В результате был сформирован пятисотенный полк из тептярей и бобылей. 23 июля 1791 г. полк получил название «Уфимский казачий полк» [5, с.86–87].

По данным V ревизии (1795 г.), численность тептярей составила 103466 чел.¹, из которых около половины являлись мужчинами [1, с.34]. Учитывая это, можно предположить, что набор пятисотенного полка не представлялся особо обременительным для тептярских деревень.

Снабжение тептярского полка одеждой и лошадьми ложилось на плечи тептярского и бобыльского населения, сабли и ружья поставлялись из казны. При выходе в поход за пределы губернии, в которой проживали тептяри, их полк обеспечивался фуражом, провиантом по аналогии с Донским и прочими казачьими (иррегулярными) войсками. В 1798 г. был создан 2-й пятисотенный тептярский казачий полк [5, с.87].

Военная служба тептярей, несмотря на ряд публикаций [2; 3; 4; 5], вышедших в последнее время, не изучена должным образом. Особый интерес представляет состав полков с 1790 по 1815 г. На сегодняшний день отсутствует работа, в которой были бы приведены списки рядовых тептярей, находившихся на службе в составе иррегулярных военных формирований. Поиск этих данных в Российском государственном военно-историческом архиве не дал результатов, однако были выявлены послужные (формулярные) списки офицеров-тептярей конца XVIII – начала XIX в., которые введены в научный оборот Э.И. Шарафиевым [3; 4].

В этой связи интерес представляют сведения из ревизских сказок о тептярях. В первую очередь, это данные в графе выбывших в период между ревизиями. Благодаря им возможно идентифицировать тептярей, состоявших на службе в тептярских казачьих полках в конце XVIII – начале XIX в. В то же время в ревизских сказках не были обнаружены сведения о службе тептярей-офицеров, по которым сохранились вышеупомянутые послужные (формулярные) списки.

Необходимо отметить, что в источнике не всегда указывалась информация о том, к каким тептярским командам относились рассматриваемые населенные пункты, а также о том, с какого года тептяри поступили на службу. Нередки опечатки в датах отправки тептярей на службу. В частности, Сейфулла Ишмухаметов (1791 г.р., д. Каркаин Тюба) поступил на службу в 1800 г.², вероятнее всего, имелось в виду 1810 г. Только в двух случаях мы можем говорить о том, в каком конкретном полку служили тептяри. В первом случае речь идет о Зюбеире Ишбулдине (1777 г.р., д. Бигашево), служившем во 2-м тептярском казачьем полку с 1798 г. и вышедшем в отставку в действительном чине 14-го класса в 1815 г. Второй случай службы во 2-м тептярском казачьем полку отмечен на примере

¹ В их число, судя по всему, вошли и тептяри из удмуртов, мордвы, чувашей, марийцев.

² В ревизской сказке 1816 г. годом отбытия на службу указан 1810 г. [Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-138. Оп.2. Д.100. Л.367; Д.293. Л.454 об.].

тептяря Габдулваля Валитова (1792 г.р., д. Маметево), поступившего на службу в 1811 г.³

Надо сказать, что во многих деревнях, населенных тептярями, совместно с ними проживали и представители других сословных групп татар. В частности, башкиры, которые были распределены по башкирским командам, возглавляемые башкирскими старшинами.

Среди тептярей Бугульминского уезда были те, которые служили не в тептярских полках. Так, Фейзулла Салимзавгаров (1770 г.р.) из д. Новой, Енаулу тож, в 1789 г. и Ишугул Галеев (1772 г.р.) из д. Алкеево в 1793 г. были «отданы в донския казаки»⁴. Возможно, речь идет о временной службе тептярей на Донской пограничной линии, к сожалению, в источнике нет каких-либо уточняющих данных на этот счет. Кроме этого, необходимо сказать, что в пяти случаях мы обнаружили данные об отбытии тептярей на службу в 1789 г.⁵ Сложно ответить, с какими обстоятельствами это связано, возможно, мы имеем дело с опечаткой.

В публикуемом списке самыми возрастными тептярями, которые поступили в состав тептярских полков, являются 42-летний Рафик Якупов (д. Карабашево) и 36-летний Курбангали Ишбулдин (д. Азнакаево)⁶. Как правило, большая часть тептярей начала службу в полках в 18–25 лет.

Участие Российской империи в Наполеоновских войнах способствовало увеличению набора тептярей, которых отправляли на службу для восполнения потерь. Если в 1809 г. был призван всего 1 чел., то в следующем, 1810 г. – 4 чел., в 1811 г. – до 11 чел. Максимальное количество тептярей, отбывших в тептярские полки, было отмечено в 1812 г. – 31 чел.

Несмотря на неравномерное распределение населения, как правило, в среднем из одной деревни в конце XVIII – начале XIX в. в тептярские полки отбывали по 2–3 человека. Так, к 1816 г. из 64 мужчин д. Кувакбашево в возрасте от 18 до 50 лет были призваны трое: в 1803 г. Ярмухамет Зюлюкеев (1784 г.р.), в 1813 г. Хамет Мрязов (1795 г.р.) и Габдулкаир Баширов (1792 г.р.). В д. Надырово, Сугушла тож, ситуация была схожей; из 56 тептярей в возрасте от 18 до 50 лет на службу было определено два человека: Абдуллатиф Кунакбаев (1792 г.р.) в 1812 г. и Габдулнасыр Мухамедьяров (1781 г.р.) в 1813 г.⁷

На примере д. Кубяково можно отметить, что в одно время службу в тептярском полку несли отец и сын: Рахметулла Исмагилов (1773 г.р.) – с 1798 г., и его сын Негаметулла Рахметуллин (1791 г.р.) – с 1810 г. Вероятно, что они оба принимали участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Кроме этого,

³ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.168. Л.256 об., 449 об.

⁴ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.24. Л.117, 432.

⁵ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.51. Л.258 об., 261–261 об., 625–626.

⁶ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.168. Л.285 об., 666 об.

⁷ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.158. л.111 об., 115 об., 305 об.

зафиксированы случаи нахождения в тептярских полках родных братьев. Так, Габделсаттар Галкеев (1782 г.р.) и его младший брат Абдулсаттар Галкеев (1788 г.р.) из д. Каратаево, судя по всему, несли службу в тептярском полку в одно время, а также Абдулнасыр Ямангулов (1790 г.р.) и Хасан Ямангулов (1792 г.р.) из д. Кавзияк, которые были определены в тептярский полк в 1815 г.⁸

В материалах VII ревизии (1815–1816 гг.) имеется информация о вернувшихся со службы тептярях. В частности, Аблей Акчювашев (1774 г.р., д. Ятово) был определен в тептярский казачий полк в 1798 г., вернулся в 1811 г.; Абдулкарим Курбанаев (1780 г.р., д. Сарманово по речке Мензеле) состоял в казаках с 1802 г., вернулся в 1812 г.; Мраткузя Мрадымов (1779 г.р., д. Тлянчино) находился на службе с 1798 по 1815 г., и, наконец, Абдулхалик Гумеров (1779 г.р., д. Бишкумачево) поступил в тептярский полк в 1797 г. и вернулся только в 1815 г.⁹ Очевидно, что двое последних являлись участниками Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Как видно из этих примеров, некоторые тептяри служили 17–18 лет – дольше положенного пятнадцатилетнего срока.

В настоящей статье сведения о тептярях из татар, находившихся на службе в тептярских казачьих полках, приведены в Приложении. Первая позиция: имя и фамилия, год рождения; вторая позиция: населенный пункт; третья позиция: тептярская команда; четвертая позиция: с какого года на службе в полку. В общей сложности приведены данные о 70 тептярях Бугульминского уезда и 174 тептярях Мензелинского уезда. Различное написание одних и тех же имен, фамилий, населенных пунктов объясняется тем, что они приводятся в тех вариантах, в которых они представлены в ревизских сказках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тептяри из татар Бугульминского и Мензелинского округов Уфимского наместничества, находившихся на службе в тептярских казачьих полках (по сведениям из ревизских сказок 1795, 1811, 1816 гг.)¹⁰

№ п/п	Имя, фамилия	Населенный пункт	Какая тептярская команда	С какого года на службе в полку
Бугульминский округ				
1.	Ахъя Юлдашев (1761 г.р.)	Ермаково	6-я тептярская команда начальника Ишмрата Ишбулдина	с 1790 г.

⁸ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.100. Л.330 об.; Д.168. Л.263 об.; Д.293. Л.575 об.

⁹ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.100. Л.296 об., 323 об., 328 об., 384 об.

¹⁰ Материалы VI ревизии (1811 г.) по тептярям Бугульминского уезда не сохранились.

2.	Ишугул Галеев (1772 г.р.)	Алкеево	6-я тептярская команда начальника Ишмрата Ишбулдина	«отдан в донския казаки в 1793 году»
3.	Султангул Султангулов (1757 г.р.)	Якеево Мелли-реки	1-я тептярская команда старшины Ишмухамета Юзеева	с какого года не указано
4.	Зюбаир Тимеркеев (1760 г.р.)	Иштеряково	1-я тептярская команда старшины Ишмухамета Юзеева	с какого года не указано
5.	Сайфулмулюк Салимов (1767 г.р.)	Смаилово Камы тож	1-я тептярская команда старшины Ишмухамета Юзеева	с какого года не указано
6.	Токтар Бикбатыров (1764 г.р.)	Малые Урсалы	1-я тептярская команда старшины Ишмухамета Юзеева	с какого года не указано
7.	Абдрахман Абдулхаликов (1770 г.р.)	Новое Иштеряково Шешмы тож	3-я тептярская команда старшины Сейфуллы Каракаева	с 1790 г.
8.	Зябир Кутлуманов (1755 г.р.)	Сапеево	5-я тептярская команда старшины Зябира Зюбаирова	с 1790 г.
9.	Абдулкарим Минкеев (1773 г.р.)	Стерлитамак	5-я тептярская команда старшины Зябира Зюбаирова	с 1790 г.
10.	Фейзулла Салим-завгаров (1770 г.р.)	Новой Енаулу тож	5-я тептярская команда старшины Зябира Зюбаирова	«отдан в 1789 году в донския казаки»
11.	Ишбулда Смаилов (1758 г.р.)	Сухояшево	5-я тептярская команда старшины Зябира Зюбаирова	с 1790 г.
12.	Габдулгафар Абдулсалимов (1787 г.р.)	Старое Иштеряково	3-я тептярская команда старшины Сейфуллы Каракаева	с 1805 г.
13.	Искак Ибрашев (1789 г.р.)	Абсалимово	5-я тептярская команда старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1814 г.
14.	Смагил Бикеев (1781 г.р.)	Кулшарыпово	4-я тептярская команда старшины Субханкула Бикметева	с 1805 г.
15.	Шамигул Якеев (1780)	Кулшарыпово	4-я тептярская команда старшины Субханкула Бикметева	с 1815 г.
16.	Абдулбашир Бакиров (1788)	Альметеево	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1804 г.
17.	Губейдулла Суюн-дюков (1788 г.р.)	Альметеево	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1800 г.

18.	Абдулгафур Абдулхасанов (1782 г.р.)	Альметеево	2-я тептярская коман- да старшины Абдре- шита Абдулменева	с 1805 г.
19.	Минлигул Салтан- гулов (1778 г.р.)	Альметеево	2-я тептярская коман- да старшины Абдре- шита Абдулменева	с 1800 г.
20.	Хамет Мрязов (1795 г.р.)	Кувакбашево	3-я тептярская коман- да старшины Сейфул- лы Каракаева	с 1813 г.
21.	Габдулкаир Баши- ров (1792 г.р.)	Кувакбашево	3-я тептярская коман- да старшины Сейфул- лы Каракаева	с 1813 г.
22.	Ярмухамет Зюлю- кеев (1784 г.р.)	Кувакбашево	3-я тептярская коман- да старшины Сейфул- лы Каракаева	с 1803 г.
23.	Усман Хамитов (1797 г.р.)	Чукайкино	4-я тептярская коман- да старшины Субхан- кула Бикметева	с 1815 г.
24.	Абдулмазит Аб- дулвагапов (1784 г.р.)	Акбашево	команда тептярской старшины Рахметул- лы Балтина	с 1800 г.
25.	Ибрагим Тимербу- латов (1797 г.р.)	Муртазино	команда тептярской старшины Рахметул- лы Балтина	с 1815 г.
26.	Шабан Уразметов (1795 г.р.)	Кичучатово	4-я тептярская коман- да старшины Субхан- кула Бикметева	с 1815 г.
27.	Абдулнасыр Аит- кулов (1791 г.р.)	Бигашево	4-я тептярская коман- да старшины Субхан- кула Бикметева	с 1815 г.
28.	Сагитдин Мунасы- пов (1790 г.р.)	Бигашево	4-я тептярская коман- да старшины Субхан- кула Бикметева	с 1812 г.
29.	Зюбеир Ишбулдин (1777 г.р.)	Бигашево	4-я тептярская коман- да старшины Субхан- кула Бикметева	«был в каза- ках во 2-м Тептярском полку с 1798 г. и наконец отставлен с чином 14-го класса 1815 года»
30.	Габделсаттар Гал- кеев (1782 г.р.)	Каратаево	2-я тептярская коман- да тептярской стар- шины Абдрешита Абдулменева	с 1805 г.

31.	Его брат Абдулсаттар Галкеев (1788 г.р.) ¹¹	Каратаево	2-я команда тептярской старшины Абдрешита Абдулменева	с какого года не указано
32.	Муксин Мунасыпов (1782 г.р.)	Каратаево	2-я команда тептярской старшины Абдрешита Абдулменева	с 1815 г.
33.	Гисметулла Кунакбаев (1793 г.р.)	Карабашево	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1812 г.
34.	Рафик Якупов (1769 г.р.)	Карабашево	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1811 г.
35.	Габдулнасыр Мухамедьяров (1781 г.р.)	Надырово Сугушлы тож	3-я тептярская команда старшины Сейфуллы Каракаева	с 1813 г.
36.	Абдуллатиф Кунакбаев (1792 г.р.)	Надырово Сугушлы тож	3-я тептярская команда старшины Сейфуллы Каракаева	с 1812 г.
37.	Гузир Сейфульмулюков (1787 г.р.)	Сеитово	4-я тептярская команда старшины Субханкула Бикметева	с 1802 г.
38.	Ибетулла Сагитов (1795 г.р.)	Сеитово	4-я тептярская команда старшины Субханкула Бикметева	с 1813 г.
39.	Батыр Еркеев (1795 г.р.)	Уразаево	тептярская команда старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1812 г.
40.	Абдулгафар Абдрахимов (1781 г.р.)	Исергапово	команда тептярской старшины Рахметуллы Балтина	с 1799 г.
41.	Сеитбаттал Кучумов (1790 г.р.)	Сюндюково	команда тептярской старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1809 г.
42.	Шамсутдин Илчагулов (1792 г.р.)	Токтарово	3-я тептярская команда старшины Сейфуллы Каракаева	с 1815 г.
43.	Кутлюзедан Юзеев (1779 г.р.)	Токтарово	3-я тептярская команда старшины Сейфуллы Каракаева	с 1802 г.
44.	Абдулла Биккинин (1774 г.р.)	Маметово	4-я тептярская команда старшины Субханкула Бикметева	с 1800 г.
45.	Габдулвалей Валитов (1792 г.р.)	Маметово	4-я тептярская команда старшины Субханкула Бикметева	с 1811 г. ¹²
46.	Габдулгани Абдулхаиров (1792 г.р.)	Шугурово	3-я тептярская команда старшины Сейфул-	с 1812 г.

¹¹ Умер в 1814 г.

¹² В составе 2-го Тептярского полка.

			лы Каракаева	
47.	Габдулнадир Абдулхаиров (1795 г.р.)	Шугурово	3-я тептярская команда старшины Сейфуллы Каракаева	с 1815 г.
48.	Габсатар Абдулнасыров (1794 г.р.)	Шугурово	3-я тептярская команда старшины Сейфуллы Каракаева	с 1815 г.
49.	Аиткул Девлеткулов (1778 г.р.)	Кудашево Булак тож	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1811 г.
50.	Рахимкул Мавлюкеев (1789 г.р.)	Кудашево Булак тож	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1813 г.
51.	Музафар Гумеров (1782 г.р.)	Тайсуганово	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1804 г.
52.	Мухаметрахим Юлдашев (1792 г.р.)	Тайсуганово	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1812 г.
53.	Феткулла Надыров (1789 г.р.)	Сухояшево	команда тептярской старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1815 г.
54.	Феткулла Абдрахимов (1789 г.р.)	Сухояшево	команда тептярской старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1812 г.
55.	Абдулхаир Качкинов (1777 г.р.)	Сухояшево	команда тептярской старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1802 г.
56.	Сейфутдин Минликеев (1790 г.р.)	Нижняя Махтама	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1813 г.
57.	Сейфутдин Рахманкулов (1799 г.р.)	Нижняя Махтама	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1815 г.
58.	Валиша Гимранов (1779 г.р.)	Сапеево	команда тептярской старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1805 г.
59.	Шамсутдин Губейдуллин (1787 г.р.)	Азнакаево	команда тептярской старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1815 г.
60.	Курбангали Ишбулдин (1779 г.р.)	Азнакаево	команда тептярской старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1815 г.
61.	Габдулмазит Сагитов (1788 г.р.)	Азнакаево	команда тептярской старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1804 г.

62.	Масей Якупов (1788 г.р.)	Япеево	1-я тептярская команда старшины Ишмухамета Юзеева	с 1808 г.
63.	Мунасып Минлигулов (1795 г.р.)	Абдрахманово	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1810 г.
64.	Бикмет Салимзянов (1795 г.р.)	Абдрахманово	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1812 г.
65.	Низамутдин Шамсутдинов (1790 г.р.)	Верхняя Махтама	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1812 г.
66.	Абдулгагир Зямметев (1790 г.р.)	Верхняя Махтама	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1811 г.
67.	Фахрутдин Канзагулов (1791 г.р.)	Верхняя Махтама	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1811 г.
68.	Сахирьуваш Баширов (1791 г.р.)	Верхняя Махтама	2-я тептярская команда старшины Абдрешита Абдулменева	с 1813 г.
69.	Абдулнафик Сейфульмулюков (1804 г.р.)	Абдулсалманово	5-й тептярская команда старшины Абдулнафика Абдрахимова	с какого года не указано
70.	Абдулсалик Насыров (1792 г.р.)	Абдулсалманово	5-й тептярская команда старшины Абдулнафика Абдрахимова	с 1810 г.
Мензелинский округ				
1.	Абдухаир Сагитов (1768 г.р.)	Деуково по речке Аурнян	нет данных	с 1790 г.
2.	Махмут Арезяпов (1755 г.р.)	Тойгузино Чибини по речке Ик тож	нет данных	с какого года не указано
3.	Исламгул Мусаканов 1769 г.р.)	Тюково команда тептярского пятисотника Салика Арасланова	нет данных	с какого года не указано
4.	Абдулкарим Юзюкеев (1765 г.р.)	Старое Ахметево	нет данных	с 1789 г.
5.	Ишбирда Юзюкеев (1766 г.р.)	Старое Ахметево	нет данных	с 1789 г.
6.	Бикташ Токтагулов (1768 г.р.)	Старое Ахметево	нет данных	с 1789 г.
7.	Биктимир Аитов (1768 г.р.)	Дюометь Орлова	нет данных	с 1790 г.
8.	Курбангали Урузбаев (1767 г.р.)	Азалаково	нет данных	с какого года не указано
9.	Курбангали Адылев (1769 г.р.)	Кавзияково	нет данных	с какого года не указано

10.	Мухаметкарим Мусин (1769 г.р.)	Актаныш	команда пятисотника Аиткула Биктеева	с какого года не указано
11.	Аднагул Баймаков (1767 г.р.)	Чугани	команда пятисотника Аиткула Биктеева	с какого года не указано
12.	Килдикей Мратов (1770 г.р.)	Чугани	команда пятисотника Аиткула Биктеева	с какого года не указано
13.	Биктайр Биктемиров (1767 г.р.)	Клянчи Тамак	сотня Алмекея Килмекеева	с 1790 г.
14.	Мавлюкай Елкаев (1768 г.р.)	Клянчи Тамак	сотня Алмекея Килмекеева	с 1790 г.
15.	Валит Таиров (1770 г.р.)	Курмашево	команда 8-й пятисотни тептярского пятисотника Бикташа Полатова	с какого года не указано
16.	Сиразитдин Зюльфуссаров (1767 г.р.)	Бекбулово	команда старшины Зелхарнея Даутова	с 1789 г.
17.	Зелхарней Хусаинов (1773 г.р.)	Бекбулово	команда старшины Зелхарнея Даутова	с 1789 г.
18.	Абдрахман Кадырметев (1757 г.р.)	Токмак	команда пятисотника Салика Арасланова	с какого года не указано
19.	Каракай Мавлюкеев (1775 г.р.) ¹³	Абдулово по речке Сухой Бишанде	6-я тептярская команда	с 1798 г.
20.	Габдулнасыр Гумеров (1778 г.р.)	Абдулово по речке Сухой Бишанде	6-я тептярская команда	с 1797 г.
21.	Минка Рахметгуллин (1782 г.р.) ¹⁴	Абдулово по речке Сухой Бишанде	6-я тептярская команда	с 1802 г.
22.	Биктаир Биктимиров (1767 г.р.)	Кугашево	6-я тептярская команда	с 1799 г.
23.	Мряс Ибрагимов (1784 г.р.) ¹⁵	Муртышбаш	7-я тептярская команда	с 1800 г.
24.	Хабибулла Субханкулов (1781 г.р.)	Усаево	4-я команда тептярского старшины Махмута Шапова	с какого года не указано
25.	Абдуллатив Биткинин (1786 г.р.) ¹⁶	Кулуново	8-я тептярская команда	с 1805 г.
26.	Абдулкарим Уразметев (1768 г.р.)	Токмак	9-я тептярская команда	с 1797 г.

¹³ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.7 об.].

¹⁴ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.16 об.].

¹⁵ С 1814 г. находился в плену, на его место поступил другой казак [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.424 об.].

¹⁶ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.206 об.].

27.	Мавлюгул Салихов (1774 г.р.) ¹⁷	Токмак	9-я тептярская команда	с 1806 г.
28.	Ихсан Супханкулов (1783 г.р.)	Юсти Юнмино тож	5-я команда тептярского старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1806 г.
29.	Минлибай Юлдашев (1773 г.р.)	Старый Варяш	5-я команда тептярского старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1796 г.
30.	Усеин Муталлапов (1773 г.р.)	Исансупово	8-я тептярская команда	с 1804 г.
31.	Асфандияр Исламгулов (1786 г.р.) ¹⁸	Исансупово	8-я тептярская команда	с 1806 г.
32.	Мязит Габдуллин (1784 г.р.) ¹⁹	Калмаш	4-я команда тептярского старшины Махмута Шакова	с 1805 г.
33.	Валиша Бикбов (1777 г.р.) ²⁰	Именеево	1-я тептярская команда	с 1803 г.
34.	Абзелил Ишкилдин (1777 г.р.)	Шайчурино	1-я тептярская команда	с 1805 г.
35.	Мухаметкарим Сырметев (1771 г.р.) ²¹	Шайчурино	1-я тептярская команда	с 1798 г.
36.	Ишнияз Мукаев (1786 г.р.)	Шайчурино	1-я тептярская команда	с 1805 г.
37.	Абдулхалик Гумеров (1779 г.р.) ²²	Бишкумачево	8-я тептярская команда	с 1797 г.
38.	Абдусалих Суюндуков (1780 г.р.) ²³	Поисево	1-я тептярская команда	с 1803 г.
39.	Медияр Апсаламов (1777 г.р.)	Поисево	1-я тептярская команда	с 1805 г.
40.	Бахтияр Юзеев (1781 г.р.)	Урусово	4-я тептярская команда старшины Махмута Шакова	с 1806 г.

¹⁷ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.200 об.].

¹⁸ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.238 об.].

¹⁹ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка (на службе не с 1805 г., а с 1798 г.) [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.200 об.].

²⁰ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.74 об.].

²¹ На 1816 г. находился в казаках [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.518 об.].

²² Вернулся в 1815 г. [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.474 об.].

²³ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.100. Л.305 об.].

41.	Муллаш Юлдашев (1770 г.р.) ²⁴	Тамьян	6-я тептярская команда	с 1797 г.
42.	Абдулхалик Габду-салимов (1781 г.р.)	Тамьян	6-я тептярская команда	с 1807 г.
43.	Аблей Акчювашев (1774 г.р.) ²⁵	Ятово	8-я тептярская команда	с 1798 г.
44.	Иксан Кинзекеев (1780 г.р.)	Тлянчи на речке Калмий	8-я тептярская команда	с 1796 г.
45.	Габдулхабир Мин-либаев (1775 г.р.)	Тлянчи на речке Калмий	8-я тептярская команда	с 1804 г.
46.	Мратхузя Мрады-мов (1778 г.р.) ²⁶	Тлянчи на речке Калмий	8-я тептярская команда	с 1798 г.
47.	Ивекей Ишмухам-метов (1785 г.р.)	Кубяково	8-я тептярская команда	с 1805 г.
48.	Рахметулла Исма-гилов (1773 г.р.)	Кубяково	8-я тептярская команда	с 1798 г.
49.	Негаметулла Рах-метуллин (1791 г.р.)	Кубяково	8-я тептярская команда	с 1810 г.
50.	Масягут Максютон (1775 г.р.)	Тулубаево по речке Тартауш	4-я тептярская команда	с 1797 г.
51.	Минлигул Шары-пов (1771 г.р.)	Старое Ахмете-во	7-я тептярская команда	с 1798 г.
52.	Нигаметулла Мав-люкеев (1781 г.р.) ²⁷	Дюметь Тарлово	7-я тептярская команда	с 1806 г.
53.	Ибрагим Аиткулов (1772 г.р.) ²⁸	Дюметь Тарлово	7-я тептярская команда	с 1797 г.
54.	Ахмеди Саликов (1782 г.р.) ²⁹	Шарлы Арема	6-я тептярская команда	с 1804 г.
55.	Бикташ Надыров (1771 г.р.) ³⁰	Амекеево	2-я тептярская команда	с 1802 г.
56.	Тойгун Даутов (с 1773 г.р.)	Амекеево	2-я тептярская команда	с 1798 г.
57.	Миндикей Абдул-	Шабышбаш на	2-я тептярская	с 1806 г.

²⁴ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.402 об.].

²⁵ Вернулся в 1811 г. [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.182 об.].

²⁶ Вернулся в 1815 г. [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.109 об.].

²⁷ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.430 об.].

²⁸ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.436 об.].

²⁹ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка. В источнике указано, что Ахмеди Саликов казак с 1814 г., но, по данным VI ревизии (1811 г.), он был определен в состав Тептярского казачьего полка в 1804 г. [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.77].

³⁰ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.583 об.].

	лов (1784 г.р.) ³¹	речке Шабыз	команда	
58.	Избуга Садриев (1784 г.р.)	Новое Зияшево	2-я тептярская команда	с 1806 г.
59.	Сейфулла Ишмухаметов (1791 г.р.)	Каркаин Тюба	2-я тептярская команда	с 1800 ³² г.
60.	Ярмухамет Максютов (1780 г.р.) ³³	Актаныш	2-я тептярская команда	с 1799 г.
61.	Аккулай Амиров (с 1783 г.р.) ³⁴	Актаныш	2-я тептярская команда	с 1804 г.
62.	Аднагул Искандеров (1781 г.р.)	Толнамас	2-я тептярская команда	с 1801 г.
63.	Габдулвахит Абзаев (1772 г.р.)	Бекабызово	2-я тептярская команда	с 1805 г.
64.	Зюбеир Ярмухаметов (1778 г.р.) ³⁵	Бекабызово	2-я тептярская команда	с 1798 г.
65.	Ибрагим Исламгулов (1786 г.р.)	Новое Алимово на речке Толнамас	2-я тептярская команда	с 1808 г.
66.	Абдулкарим Курбанаев (1780 г.р.) ³⁶	Сарманово по речке Мензеле	2-я тептярская команда	с 1802 г.
67.	Гибадулла Шарыптанов (1778 г.р.)	Бекбулатово	3-я тептярская команда	с 1797 г.
68.	Ильяз Исергапов (1779 г.р.) ³⁷	Бекбулатово	3-я тептярская команда	с 1801 г.
69.	Зеренгей Рафиков (1773 г.р.) ³⁸	Минляр на речке Сунь	2-я тептярская команда	с 1806 г.
70.	Танатар Якупов (1779 г.р.)	Чугани	2-я тептярская команда	с 1798 г.
71.	Махмут Юсупов (1782 г.р.) ³⁹	Чугани	2-я тептярская команда	с 1803 г.

³¹ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка (на службе не с 1806 г., а с 1803 г.) [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.140 об.].

³² Видимо, опечатка. В ревизской сказке 1816 г. годом отбытия на службу указан 1810 г. [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.454 об.].

³³ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка (на службе не с 1799 г., а с 1796 г.) [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.299 об.].

³⁴ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.300 об.].

³⁵ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.136 об.].

³⁶ Вернулся в 1812 г. На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.348 об.].

³⁷ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.254 об.].

³⁸ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.392 об.].

³⁹ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.118 об.].

72.	Кутлюяр Мратов (1778 г.р.) ⁴⁰	Чугани	2-я тептярская команда	с 1806 г.
73.	Абдрахман Кавсаров (1788 г.р.) ⁴¹	Аишево	2-я тептярская команда	с 1805 г.
74.	Мухтар Атнагулов (1786 г.р.) ⁴²	Семяково	8-я тептярская команда	с 1806 г.
75.	Ярмухамет Мрака- ев (1774 г.р.)	Асалтуш на речке Шабыз	3-я тептярская команда	с 1797 г.
76.	Абдрахман Суерметев (1786 г.р.)	Бексентеево	3-я тептярская команда	с 1806 г.
77.	Тимирбай Минлибаев (1782 г.р.) ⁴³	Иликсазово	7-я тептярская команда	с 1803 г.
78.	Гисметулла Фейзуллин (1785 г.р.) ⁴⁴	Иликсазово	7-я тептярская команда	с 1805 г.
79.	Абдулнасыр Ибрашев (1790 г.р.) ⁴⁵	Старый Байляр	4-я команда тептяр- ского старшины Мах- мута Шакова	с 1806 г.
80.	Габдулмен Адылев (1773 г.р.)	Мрясево	3-я тептярская команда	с 1797 г.
81.	Елдаш Мунасыпов (1785 г.р.) ⁴⁶	Усы	3-я тептярская команда	с 1805 г.
82.	Тимиргали Тими- ров (1784 г.р.) ⁴⁷	Верхние Урьяды	3-я тептярская команда	с 1803 г.
83.	Миндей Мрясов (1784 г.р.) ⁴⁸	Карачево	3-я тептярская команда	с 1802 г.
84.	Муллакай Сулеев (1775 г.р.)	Карачево	3-я тептярская команда	с 1798 г.
85.	Мухаметрахим	Такталачук	3-я тептярская команда	с 1804 г.

⁴⁰ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.124 об.].

⁴¹ Умер в 1813 г. [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.212 об.].

⁴² Умер в 1813 г. [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.469 об.].

⁴³ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.408 об.].

⁴⁴ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.412 об.].

⁴⁵ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.162 об.].

⁴⁶ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.236 об.].

⁴⁷ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.497 об.].

⁴⁸ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.502 об.].

	Рафиков (1789 г.р.) ⁴⁹		команда	
86.	Хамит Абдулов (1775 г.р.) ⁵⁰	Уразметево	8-я тептярская команда	с 1804 г.
87.	Ишмухамет Зюлмухаметов (1788 г.р.)	Сарсаз Такермен	6-я тептярская команда	с 1806 г.
88.	Урманай Медиев (1779 г.р.)	Кузембетово	4-я команда тептярского старшины Махмута Шакова	с 1797 г.
89.	Шаммас Габбасов (1784 г.р.) ⁵¹	Азалаково	7-я тептярская команда	с 1804 г.
90.	Бектемир Фазуллин (1779 г.р.)	Сарали Бикметево	5-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1796 г.
91.	Мухамметгали Елдашев (1786 г.р.)	Сакловбаш	6-я тептярская команда	с 1805 г.
92.	Адылша Султангулов (1775 г.р.)	Меллитамак	6-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1798 г.
93.	Тамак Тимиркеев (1779 г.р.)	Нуркеево	7-я тептярская команда	с 1803 г.
94.	Абдуллатиф Абдулгазин (1784 г.р.) ⁵²	Чалпы Асаново тож	5-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1806 г.
95.	Ремкул Абзелилев (1778 г.р.)	Чалпы Асаново тож	5-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1797 г.
96.	Бектемир Тохтамышев (1773 г.р.)	Чалпы Асаново тож	5-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1797 г.
97.	Абдюл Араптанов (1765 г.р.)	Кавзияк	5-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1798 г. ⁵³

⁴⁹ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.80 об.].

⁵⁰ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.608 об.].

⁵¹ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.367 об.].

⁵² На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.325 об.].

⁵³ В источнике указано, что Абдюл Араптанов «в 1798 г. за преступление отдан в службу» [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.100. Л.493].

98.	Абдрахим Рафиков (1781 г.р.)	Кавзияк	5-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1806 г.
99.	Гафур Абдюлев (1773 г.р.)	Кавзияк	5-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1796 г.
100.	Зягуда Мильлишев (1782 г.р.) ⁵⁴	Илтимирово	7-я тептярская команда	с 1805 г.
101.	Абдулнасир Абдулкаримов (1784 г.р.) ⁵⁵	Илтимирово	7-я тептярская команда	с 1807 г.
102.	Супханкул Балтин (1773 г.р.)	Илтимирово	7-я тептярская команда	с 1798 г.
103.	Идрис Ильясов (1785 г.р.)	Старый Такирмень	4-я тептярская команда старшины Махмута Шакова	с 1806 г.
104.	Губейдулла Юсупов (1785 г.р.)	Старый Такирмень	4-я тептярская команда старшины Махмута Шакова	с 1806 г.
105.	Мукмин Муксинов (1780 г.р.) ⁵⁶	Кашир	5-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1801 г.
106.	Абзелил Абдрахманов (1775 г.р.) ⁵⁷	Баланлы	5-я тептярская команда старшины Абдулмязита Абдрешитова	с 1796 г.
107.	Саферай Рафиков (1784 г.р.)	Каташ Каран	7-я тептярская команда	с 1804 г.
108.	Валиша Абдрашитов (1787 г.р.) ⁵⁸	Каташ Каран	7-я тептярская команда	с 1807 г.
109.	Абдрешит Каисаров (1780 г.р.) ⁵⁹	Тыгырменник	6-я тептярская команда	с 1799 г.
110.	Сагындык Садыков (1775 г.р.) ⁶⁰	Бекбулово	1-я тептярская команда	с 1805 г.

⁵⁴ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.344 об.].

⁵⁵ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.347 об.].

⁵⁶ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка. По данным ревизской сказки за 1816 г., он находился в казаках с 1805 г. [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.293. Л.72].

⁵⁷ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.183 об.].

⁵⁸ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.320 об.].

⁵⁹ На 1816 г. находился в казаках [НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.297. Л.556 об.].

111.	Назир Баширов (1777 г.р.)	Бекбулово	1-я тептярская команда	с 1798 г.
112.	Ишали Ирнеев (1786 г.р.)	Карамалы по речке Калмия	1-я тептярская команда	с 1805 г.
113.	Хабибулла Бикки- нин (1795 г.р.)	Старое Кугаше- во	6-я тептярская команда	с 1815 г.
114.	Гадылша Валитов (1794 г.р.)	Урусово	4-я тептярская команда	с 1815 г.
115.	Хатиатулла Галич (1795 г.р.)	Старое Алимово	2-я тептярская команда	с 1815 г.
116.	Габдулмезир Арас- ланбеков (1784 г.р.)	Старое Алимово	2-я тептярская команда	с 1812 г.
117.	Ишмухаммет Мухамметев (1788 г.р.)	Сарсаз Такир- мень	6-я тептярская команда	с 1806 г.
118.	Иблиямин Мунасыпов (1792 г.р.)	Чюплюково на речке Чюплюк	8-я тептярская команда	с 1812 г.
119.	Фейзи Супханкулов (1797 г.р.)	Тлянчино	8-я тептярская команда	с 1815 г.
120.	Гибетулла Тимир- кеев (1789 г.р.)	Атряклей	8-я тептярская команда	с 1811 г.
121.	Сейфулла Нуркеев (1794 г.р.)	Казакларово	6-я тептярская команда	с 1813 г.
122.	Даут Курусов (1791 г.р.)	Аишево	2-я тептярская команда	с 1812 г.
123.	Хубяйбулла Шари- пов (1785 г.р.)	Исансупово	8-я тептярская команда	с 1813 г.
124.	Нигамметулла Рем- кулов (1778 г.р.)	Клянчитатак	6-я тептярская команда	с 1812 г.
125.	Мухаматтали Зями- гулов (1781 г.р.)	Байсарово	2-я тептярская команда	с 1813 г.
126.	Москов Валитов (1793 г.р.)	Качкиново	8-я тептярская команда	с 1813 г.
127.	Тимирбай Суяргу- лов (1788 г.р.)	Сарманово по речке Мензеле	7-я тептярская команда	с 1815 г.
128.	Гибетулла Фейзуллин (1788 г.р.)	Булярово	8-я тептярская команда	с 1815 г.
129.	Махмут Максютов (1782 г.р.)	Малтабарово	4-я тептярская команда	с 1805 г.
130.	Урмакай Медеев (1779 г.р.)	Кузембетево	4-я тептярская команда	с 1797 г.
131.	Абдулла Адылев	Муртышбаш	7-я тептярская команда	с 1812 г.

⁶⁰ На 1816 г. находился в составе Тептярского казачьего полка [НА РБ. Ф И-138. Оп.2. Д.297. Л.352 об.].

	(1785 г.р.)		команда	
132.	Мухаметгали Абдраязков (1791 г.р.)	Каркаин Тюба	2-я тептярская команда	с 1812 г.
133.	Тойгилда Даутов (1792 г.р.)	Меллитамак Киндиркуль тож	6-я тептярская команда	с 1813 г.
134.	Мухамметъямин Умиркеев (1784 г.р.)	Карачево	3-я тептярская команда	с 1812 г.
135.	Мавлекей Сейфулмулюков (1790 г.р.)	Толнамасово	2-я тептярская команда	с 1812 г.
136.	Суюш Суюндуков (1788г.р.)	Деуково	4-я тептярская команда	с 1812 г.
137.	Бектимир Худайтов (1796 г.р.)	Деуково	4-я тептярская команда	с 1812 г.
138.	Ахмади Максюттов (1785 г.р.)	Толубаево	4-я тептярская команда	с 1812 г.
139.	Андрей Тюменев (1770 г.р.)	Мокшино	9-я тептярская команда	с 1802 г.
140.	Абдулнасыр Ямангулов (1790 г.р.)	Кавзияк	5-я тептярская команда	с 1815 г.
141.	Хасан Ямангулов (с1792 г.р.)	Кавзияк	5-я тептярская команда	с 1815 г.
142.	Нигаметуллы Хусеинов (1792 г.р.)	Амекеево	2-я тептярская команда	с 1815 г.
143.	Рахметуллы Супханкулов (1782 г.р.)	Уразметево	8-я тептярская команда	с 1812 г.
144.	Минликей Дюскеев (1793 г.р.)	Абдулово по речке Сухая Бишанда	6-я тептярская команда	с 1815 г.
145.	Ардуан Ямбердин (1790 г.р.)	Чюпаево	9-я тептярская команда	с 1804 г.
146.	Гайнулла Ирмашев (1792 г.р.)	Именеево	1-я тептярская команда	с 1812 г.
147.	Насыр Абдрашитов (1791 г.р.)	Кулюково	4-я тептярская команда	с 1812
148.	Бахтияр Болтаев (1786 г.р.)	Кулюково	4-я тептярская команда	с 1812 г.
149.	Абдрахман Ягудин (1796 г.р.)	Старый Байляр	4-я тептярская команда	с 1812 г.
150.	Акай Габидуллин (1793 г.р.)	Баланлы	3-я тептярская команда	с 1812 г.
151.	Айдаш Ильясов (1799 г.р.)	Такмак	9-я тептярская команда	с 1815 г.

152.	Яхия Габбясов (1793 г.р.)	Балтасево	3-я тептярская команда	с 1812 г.
153.	Феткулла Минлин (1793 г.р.)	Мрясево	3-я тептярская команда	с 1811 г.
154.	Рябуза Сатыев (1785 г.р.)	Новое Зияшево	2-я тептярская команда	с 1806 г.
155.	Мухаметшарыф Ишигулов (1793 г.р.)	Усы	3-я тептярская команда	с 1811 г.
156.	Минлибай Салимов (1797 г.р.)	Альметь Муллино по речке Сарсаз тож	7-я тептярская команда	с 1815 г.
157.	Супханкул Муратаев (1797 г.р.)	Альметь Муллино по речке Сарсаз тож	7-я тептярская команда	с 1812 г.
158.	Сейфулла Сейфуллин (1789 г.р.)	Старое Ахметьево	7-я тептярская команда	с 1813 г.
159.	Динмухамет Кавсяров (1791 г.р.)	Бекбулово	7-я тептярская команда	с 1813 г.
160.	Сейфутдин Назиров (1793 г.р.)	Азалаково	7-я тептярская команда	с 1814 г.
161.	Шамсутдин Сейфудинов (1800 г.р.)	Сармашбаш Ерыклы Елань Тавтуш тож	7-я тептярская команда	с 1815 г.
162.	Габдулнасыр Абдрахманов (1797 г.р.)	Тыгерменник Чуплюк тамак тож	1-я тептярская команда	с 1811 г.
163.	Баиш Сурметев (1791 г.р.)	Калтаково	9-я тептярская команда	с 1815 г.
164.	Байбатыр Байбулдин (1800 г.р.)	Калтаково	9-я тептярская команда	с 1814 г.
165.	Абдулвахит Абдулкаримов (1793 г.р.)	Старый Варяш Чиршилы Каран Тамак тож	5-я тептярская команда	с 1813 г.
166.	Сабыт Валитов (1790 г.р.)	Тюково	1-я тептярская команда	с 1815 г.
167.	Бектемир Габбясов (1794 г.р.)	Поисево	1-я тептярская команда	с 1813 г.
168.	Ахтям Рафиков (1792 г.р.)	Поисево	1-я тептярская команда	с 1811 г.
169.	Мухаметьямин Хамитов (1793 г.р.)	Поисево	1-я тептярская команда	с 1812 г.
170.	Ишкизя Муканаев (1787 г.р.)	Шайчурино	1-я тептярская команда	с 1805 г.
171.	Хусеин Тимиров (1792 г.р.)	Шайчурино	1-я тептярская команда	с 1813 г.

172.	Мухаметшарып Махмутов (1794 г.р.)	Тойгузино Чи- бинли по речке Ик	4-я тептярская команда	с 1812 г.
173.	Феткулла Балтин (1786 г.р.)	Тагерменник	6-я тептярская команда	с 1812 г.
174.	Абдулмезит Ерму- хаметев (1794 г.р.)	Новое Алимово	2-я тептярская команда	с 1811 г.

НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.24. Л.1–490; Д.51. Л.1–795 об.; Д.168. Л.1–884; Д.175. Л.1–317 об.; Д.293. Л.1–613; Д.297. Л.1–577.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исхаков Д.М.* Тептяри. Опыт этностатистического изучения // Советская этнография. 1979. №4. С.29–42.
2. *Рахимов Р.Н.* История тептярских конных полков. Уфа: Китап, 2022. 168 с.
3. *Шарафиев Э.И.* Офицерский состав тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX века (по послужным спискам) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.57–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.57-70>
4. *Шарафиев Э.И.* Послужные списки тептярских казачьих полков как исторический источник // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.50–63. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.50-63>
5. *Шарафиев Э.И.* Тептяри в законодательстве Российской империи 1790-х гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.86–95. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.86-95>

Информация об авторах:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-1809-8556; e-mail: halida12_61@mail.ru

Поступила 25.08.2025

Принята к публикации 15.09.2025

Personnel of the Teptyar Cossack regiments in the late 18th – early 19th centuries based on the materials of revision tales of the Bugulma and Menzelinsk districts of the Orenburg province

R.R. Aminov, Kh.Z. Bagautdinova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This publication presents a list of Teptyars of Bugulma and Menzelinsk districts of Orenburg province from among the Tatars who were part of the Teptyar Cossack regiments in the late 18th – early 19th centuries. This list is based on information from the revision tales of 1795, 1811, and 1816 and allows us to determine the average age of Teptyars at the beginning of their service, the number of Teptyars recruited for service in individual settlements, and, in some cases, the time of their return home. This publication identifies Teptyars from Tatars who participated in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814.

Keywords: Teptyars, Bugulma district, Menzelinsk district, Patriotic War of 1812, Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814, revision tales, Teptyar foremans

For citation: Aminov R.R., Bagautdinova Kh.Z. Personnel of the Teptyar Cossack regiments in the late 18th – early 19th centuries based on the materials of revision tales of the Bugulma and Menzelinsk districts of the Orenburg province. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.140–161. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.140-161> (In Russian)

REFERENCES

1. Iskhakov D.M. Teptyars. Experience of ethnostatistical study. *Soviet ethnography*. 1979, no.4, pp.29–42. (In Russian)
2. Rakhimov R.N. *History of the Teptyar cavalry regiments*. Ufa: Kitap, 2022. 168 p. (In Russian)
3. Sharafiev E.I. Officers of the Teptyar Cossack Regiments in the late 18th –early 19th centuries (according to service records). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.57–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.57-70> (In Russian)
4. Sharafiev E.I. Service records of the Teptyar Cossack regiments as a historical source. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.50–63. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.50-63> (In Russian)
5. Sharafiev E.I. Teptyars in the legislation of the Russian Empire in the 1790s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.86–95. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.86-95> (In Russian)

About the authors:

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Bagautdinova Khalida Zinnatovna – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-1809-8556; e-mail: halida12_61@mail.ru

Received August 25, 2025

Accepted for publication September 15, 2025

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 930

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.162-169>

Рецензия на книгу:

Гибшман Г.Э. История астраханских базаров
и их характеристика (Астрахань, 2024)

М.М. Имашева

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В представленной рецензии дана оценка книги астраханского краеведа, «собирателя старины» Г.Э. Гибшмана, в которой представлена история появления знаменитых астраханских базаров, а также их историческая характеристика рубежа XIX–XX вв. В отзыве обозначена актуальность, теоретическая и практическая значимость издания для исследователей истории Нижнего Поволжья. Автором рецензии отмечены достоинства издания, роль автора монографии в популяризации краеведческих исследований по истории одного из исторически многонациональных поволжских городов – Астрахани.

Ключевые слова: базар, Астрахань, внутренняя торговля, краеведение, торговцы

Для цитирования: Имашева М.М. Рецензия на книгу: Гибшман Г.Э. История астраханских базаров и их характеристика (Астрахань, 2024) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.162–169. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.162-169>

Автором книги «История астраханских базаров и их характеристика» является астраханский краевед Георгий Эдуардович Гибшман (1902–1987).

Работа посвящена одной из колоритнейших страниц бытования города Астрахани на рубеже XIX–XX вв. Сам автор скончался в 1987 г., а книга вышла в свет в 2024 г. Это случилось благодаря энтузиазму и усилиям астраханских краеведов и журналистов С.Степанова, С.Краснова и М.Паренской. Они обратились к творчеству краеведа Г.Э. Гибшмана, так как сами являются уникальными «собирающими» и хранителями астраханской старины. Они же собрали средства на публикацию работы замечательного человека, патриота своей малой Родины – Астрахани.

Издатели отмечают, что совсем мало знают о самом Г.Э. Ги́бшмане, так как он всю свою жизнь старался оставаться в тени, являясь при этом личностью «неординарной, увлеченной, эрудированной, яркой». Об авторе издатели также пишут, что это был человек, «любивший Астрахань всем сердцем, старавшийся сохранить историю города, сберечь память о домах и улицах, событиях и людях» [1, с.5].

Г.Э. Ги́бшман был ровесником XX в., пережившим в родном городе все бурные его события. Но исследование, посвященное астраханским базарам, относится к более раннему периоду – последним десятилетиям XIX в. Для написания своей работы он использовал источники из Государственного архива Астраханской области, статьи и заметки из астраханских газет дореволюционного периода. И личные воспоминания автора тоже имеют место быть в книге, так как в 1910–1920-е гг., на которые пришлось юность автора, базары продолжали жить насыщенной жизнью. Автор прекрасно знал географию, современную ему, и историческую топонимику города.

Здесь следует отметить, что не являясь профессиональным историком, Г.Э. Ги́бшман допустил серьезный просчет: он полностью игнорировал сноски, т.е. отсылки к источникам, которые он использовал при написании работы. Поэтому если сегодня кому-то придет в голову мысль выявить источники, на которые опирался автор, то задача будет достаточно сложной.

Книга начинается с истории основания астраханских базаров. Обстоятельно объясняется этимология слова «базар», которое автор возводит к персидской основе, обосновывается важность базаров в жизни Астрахани, являвшейся местом встречи Азии и Европы. Последнее обстоятельство обусловила пестроту астраханских базаров: «Людям разных национальностей и разных обычаев нужны и различные продукты... Базар в Астрахани был местом, где удовлетворялись многонациональные интересы жителей, и это одна из главных особенностей астраханских базаров», – пишет Г.Э. Ги́бшман. [1, с.9]. Появление первых базаров в Астрахани он относит к 1560–1570-м гг., что было связано со строительством русской Астрахани и притоком русского «рабочего» населения и стрельцов, не связанных на тот момент с экономикой края. Главными торговцами в этот начальный период он называет астраханских татар.

Относительно истории базаров в Астрахани в конце XVII – XIX вв. автор приводит большое количество свидетельств современников, бывших в городе проездом или постоянно проживавших здесь: Антония Дженкинсона (1558), Адама Олеария (1636–1638), Яна Стрейса (1669–1670), Корнелия де Бруина (1703), Джона Белла (1715, 1722), Самуила Георга Гмелина (1769–1770), неизвестного автора летописи Астраханского Иоанно-Предтеченского монастыря (1727), Фридриха-Иоганна Ольдекопа (1870).

Гибшман приводит объяснение Самуила Гмелина названию главного астраханского базара – Большие Исады: «...от известного только в Астрахани имени Исады, что означает такое место, где с ватаг (рыбозавод) и учугов (место ловли рыбы) привозимая в Астрахань рыба складывается, ибо иссаживать значит выкладывать» [2; 1, с.12]. Сегодня это по-прежнему действующий рынок, и определение Исад, сформулированное в конце XVIII в., является актуальным в настоящее время.

После небольшого исторического очерка следует непосредственно описание пяти астраханских базаров по степени убывания их значимости для экономики города: Больших Исад, Малых Исад, Татарского базара, Вечернего базара, Птичьего базара.

Безусловно, главным астраханским базаром во все времена были Большие Исады. Автор описывает историю основания и постепенного расширения рынка, строительство рядов, лавок, деревянных и каменных корпусов. Несмотря на попытки городских властей контролировать процесс застройки и расширения границ рынка, «...рост базара происходил стихийно, и наряду с описанными выше зданиями, построенными по планам и проектам, было сооружено большое количество навесов и палаток на скорую руку из подсобных материалов: рогожи, парусины и т.д.». [1, с.23]. В условиях, во многом, стихийного торга и жаркой погоды (с апреля по октябрь в городе летняя погода), городские власти особо следили за чистотой и порядком на местах торговли. Г.Э. Гибшман подробно останавливается и на расписании работы рынка и национальном составе торговцев: «8–9 часов ежедневно территория базара была заполнена людьми, пришедшими сюда для того, чтобы продать или купить продукты. Кого только не было на этом базаре: русские и татары, армяне, киргизы, калмыки, дагестанцы, персияне, бухарцы и хивинцы, туркмены и грузины, немцы, поляки, чуваша, мордвины и черемисы. Разные лица, всевозможный говор на фоне диковинных овощей, фруктов и других незнакомых товаров создавали удивительную атмосферу, не похожую на действительность» [1, с.24–25]. Примечательно, что татар автор упоминает сразу за русскими, транслируя читателю, что они являются коренным населением Астрахани.

Далее следует, пожалуй, самый «вкусный» раздел монографии «Главный корпус Больших Исад», в котором автор описывает ассортимент продуктов, продававшихся на базаре в 1912–1914 гг. Описанию предшествует цитата из работы Ф.-И. Ольдекопа: «...базар, отличающийся таким разнообразием и обилием товара, что едва ли где в России найдется дру-

гой, который мог бы с ним соперничать, не исключая даже столичных. ...Самый прихотливый гастроном был бы здесь вполне удовлетворен, и только астраханец, избалованный в гастрономическом отношении, по временам бывает недовольным рынком, ибо труднее описать то, что есть на нем, чем то, чего там нет» [3].

Описание продуктов, которые продавались в Главном корпусе Больших Исад, представленное Г.Э. Гибшманом, можно назвать «гастрономической поэмой». И сегодня Астрахань славится изобилием, но то, что описывает автор, действительно, превосходит самые взыскательные ожидания. Он начинает с описания широчайшего ассортимента хлебобулочных изделий, переходит к кондитерским изделиям, затем – к колбасно-беконным. Далее идет описание рыбных деликатесов: «На первом плане красовалась икра: осетровая, белужья, севрюжья, стерляжья. Зернистая, паюсная, мешечная, ястыковая и жировые пробойки (последнее на любителя), разложенная в жестяные банки с открытыми верхними крышками... висели и лежали осетровые балыки, копченые и провесные, балыки лососевые и из белорыбицы, у которых мясо в разрезе сверкало как перламутр, белорыбьи тежки, которые имели свойство просто таять во рту, сушеная вязига из хрящей осетровых рыб...» [1, с.29–30]. Отдал дань автор и описанию торговли сырами, всевозможными соленьями и маринадами. Отдельно описывает торговлю мясом, которая была представлена всеми его видами: говядина, телятина, баранина, свинина, конина, мясо птицы.

В этой части следует особо отметить то, что автор отлично понимал многонациональный и поликонфессиональный характер торговли. При описании разнообразия хлебной торговли, он пишет о том, какие виды хлеба предпочитали представители разных народов: ржаные и пшеничные караваи – русские, тонкие лавашы – армяне, толстые лепешки – татары и узбеки. Пишет о любви представителей кавказских народов к острым соленьям и маринадам. Оговаривает существовавшие особенности торговли мясом, которая «для мусульман и евреев шла отдельно от общей мясной торговли, потому что по их религиозным правилам нельзя было употреблять в пищу мясо, если оно от скотины, забитой немусульманином для мусульман и неевреем для евреев» [1, с.31]. В мусульманских и еврейских мясных лавках никогда не торговали свиной, а в мусульманских лавках, кроме обычных баранины и говядины, шла бойкая торговля кониной, «потому что татары, калмыки, киргизы и т.д. охотно употребляли конское мясо в пищу» [1, с.31].

Далее идет описание уличной торговли на Больших Исадах. Здесь с лодок и с берега р. Кутум торговали копченой и вяленой воблой и селедкой, продавали ее пучками, висевшими на коромыслах. Также шла бойкая торговля яйцами, молоком и молочными продуктами. Здесь же, на берегу, в деревянном корпусе торговали живой рыбой из ларей – деревянных ящиков, обитых изнутри оцинкованным железом.

Столь же живописной предстает перед нами торговля зеленью, фруктами и овощами. В центре этого описания – знаменитые астраханские ар-

бузы, их сорта, способы укладки для продажи, определение размеров. Здесь же продавались и сухофрукты, привозившиеся в Астрахань из Закавказья и Персии.

Весьма важным является то, что Г.Э. Гибшман, завершая описание крупнейшего астраханского базара, отмечает его особенности: 1) интернациональный характер; 2) возможность удовлетворить запросы покупателя любой национальности, «тем более покупателя – восточного мусульманина»; 3) величина и известность; 4) он является не только рынком, но и своеобразной биржей труда, где постоянно происходит найм работников на работу в астраханские сады и огороды.

Интернациональный характер рынка Гибшман дополняет подробным описанием различных национальных типов торговцев: русского, немца, армянина, персиянина, кавказца-дагестанца (здесь он перечисляет аварцев, кумыков, лезгин, осетин), татарина. Про последнего он пишет: «Продавец татарин – трудолюбивый, спокойный, вежливый, хотя и малоразговорчивый, как продавец, самый порядочный. В большинстве своем продает продукт или предмет своего труда. Выполнение своих договорных обязательств считает своим долгом, поэтому в делах честен, как тип продавца положительный» [1, с.40].

Следующий раздел работы посвящен несуществующему ныне базару Малые Исады, находившегося недалеко от Кремля, на берегу р. Волги. Это был в основном рынок, где торговали рыбой из садков – плавучих сооружений вдоль берега, в которых содержалась живая рыба. Здесь же располагался и Обжорный ряд. Основные посетители этого базара – приезжие с верховьев Волги, в основном русские люди, которые высаживались на пристанях или проживали в гостиницах, доходных домах, меблированных комнатах в этом районе. В связи с этим Малые Исады считались базаром более «европеизированным», чем другие астраханские рынки, так как «восточные» люди здесь практически не проживали и не торговали.

Автор пишет, что «обилие и разнообразие продуктов, предлагаемых на Малых Исадах, создавали в глазах приезжего народа впечатление о сказочном богатстве Астраханского края, что в действительности имело место и порождало мнение об Астрахани как о “золотом дне”» [1, с.47]. Интересны также его наблюдения о характере социальных взаимодействиях между астраханскими жителями и приезжими на этом базаре.

Далее Г.Э. Гибшман повествует о Татарском базаре (существует в настоящее время, Татар-базар), истории его появления, расположении, строениях, ассортименте продуктов и товаров. Здесь торговали мясом (кроме свинины), молочными, хлебными, колбасными, рыбными и другими продуктами (как на других рынках), в больших количествах – сухофруктами и рисом. А также «произведениями» Востока – шелковыми и хлопчатобумажными тканями, платками и шальями, одеждой и обувью, привезенными из Персии и Средней Азии. Продавались кошмы и караку-

левые шкурки, кумганы, подносы, блюда и т.п. Был здесь небольшой «мусульманский» обжорный ряд.

Здесь и продавцы, и покупатели были совершенно особенными. Продавцы: «персы, бухарцы, дагестанцы и астраханские татары-аборигены». Покупатели: «представители персидских, бухарских, азербайджанских и иных восточных народов». Кроме этого восточного колорита, Г.Э. Гишман также перечислил его особенности: 1) Татарский базар обслуживал в основном живших в Астрахани мусульман; 2) восточный характер базара сказывался на его ассортименте; 3) отсутствие трактиров и пьяных, большая строгость поведения покупателей; 4) не пользовался большой известностью и приезжие (русские) его вообще не посещали.

Еще одному несуществующему ныне, Вечернему базару у кремлевских стен, посвящен следующий раздел. Это была астраханская толкучка, на которой продавались преимущественно старые и поношенные вещи, своеобразный «универмаг» для бедняков. К нему примыкал также несуществующий в настоящее время Птичий базар – последний, из описанных в книге. Само название говорит о том, что здесь продавались дикие певчие птицы, домашние животные, аквариумные рыбки. Большой роли в экономике города эти два базара не играли.

В разделе «Особенности всех базаров» Г.Э. Гишман пишет о торговцах в разнос, описывает русских «лимоначиков» и татар – «чуречников» и «алвишников». Типы, которые не встречаются в других городах. Также упоминает об обычаях торговли, мер и веса, характерных только для Астрахани. Остановившись на «Санитарном состоянии базаров», автор вполне объективно критикует нерадивое отношение торговцев и покупателей к нормам санитарии и гигиены. Сетует на то, что ввиду этого, астраханские базары, несмотря на их изобилие, могут быть опасным источником заразных болезней, эпидемий.

Ну и в завершение Г.Э. Гишман перечисляет «Прочие торговые места» в городе, где осуществлялась стихийная и неконтролируемая властями торговля.

Для нас, как специалистов по истории астраханских татар, интересным и ценным представляется то обстоятельство, что Георгий Эдуардович Гишман, являясь коренным астраханцем и краеведом с глубоким «погружением» в региональную социально-экономическую и этническую историю, на страницах своей работы неоднократно обращается к сюжету татарина-торговца. Он не разделяет астраханских татар на группы, говорит о них как о едином этническом целом, называет именно татар аборигенным населением города. Также совершенно отдельно для него существуют дагестанцы, которых он никоим образом не отождествляет с татаро-мусульманским населением Астрахани. Это очень важное обстоятельство, ввиду появившихся в последнее время попыток в околонуточной среде обозначить астраханское татарское население как «ногайское». О ногайцах Г.Э. Гишман вообще в книге нигде не упоминает.

Издание богато иллюстрировано фотографиями рубежа XIX–XX вв. с видами астраханских базаров, благодаря которым вполне реально перед глазами предстают картины торговли, описываемые в самой книге. На них изображены торговые ряды, корпуса, различные «типы торговцев со своими товарами, что безусловно позволяет представить всю пестроту и многонациональный характер астраханских базаров. Фотографии предоставлены астраханским краеведом и коллекционером С.Степановым.

Несмотря на малый объем (68 страниц с предисловием и фотографиями), книга «История астраханских базаров и их характеристика» Г.Э. Гибшмана представляет собой уникальное издание. На форзаце книги отмечено, что она «рассчитана на любителей астраханской старины». Однако хочется добавить, что интересна она не только «любителям», но и профессиональным ученым, так как содержит уникальный исторический материал, который, в свою очередь, может послужить источниковой базой для написания научных работ по истории повседневности Астрахани, истории региона в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гибшман Г.Э.* История астраханских базаров и их характеристика. Астрахань: Новая Линия, 2024. 68 с.

2. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Часть вторая. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1777. 361 с.

3. *Ольдекоп Ф.-И.М.* Медико-топография города Астрахани и его ближайшей окружности // Медико-топографический сборник с картами, планами, графическими таблицами и рисунками в тексте. СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1870. С.301–720.

Информация об авторе:

Имашева Марина Маратовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3602-5213; ResearcherID: V-5157-2018; Scopus AuthorID: 57208645750; e-mail: imaschewa@yandex.ru

Поступила 04.08.2025

Принята к публикации 18.08.2025

Book review: Gibshman G.E. History of Astrakhan bazaars
and their characteristics (Astrakhan, 2024)

M.M. Imasheva

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This review evaluates the book by Astrakhan local historian and "collector of antiquities" G.E. Gibshman, which presents the history of the famous Astrakhan bazaars, as well as their historical characteristics at the turn of the 19th and 20th centuries. The review emphasizes the publication's relevance, theoretical, and practical significance for researchers studying the history of the Lower Volga region. The author of the review emphasizes the merits of the publication and the role of the author in promoting local history research on the history of Astrakhan, one of the historically multinational cities of the Volga region.

Keywords: bazaar, Astrakhan, domestic trade, local history, merchants

For citation: Imasheva M.M. Book review: Gibshman G.E. History of Astrakhan bazaars and their characteristics (Astrakhan, 2024). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.162–169. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.162-169> (In Russian)

REFERENCES

1. Gibshman G.E. *History of Astrakhan bazaars and their characteristics*. Astrakhan: Novaya Liniya Publ., 2024. 68 p. (In Russian)
2. Gmelin S.G. *Journey across Russia to explore the three kingdoms of nature*. Part 2. Journey from Cherkask to Astrakhan and a stay in this city from the beginning of August 1769 to the fifth of June 1770. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1777. 361 p. (In Russian)
3. Oldekop F.-I.M. Medical topography of the city of Astrakhan and its surroundings. *Medical topographic collection with maps, plans, graphical tables, and drawings in the text*. St. Petersburg, 1870. Pp.301–720. (In Russian)

About the author:

Imasheva Marina Maratovna – Dr. Sci. (history), Leading Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3602-5213; ResearcherID: V-5157-2018; Scopus AuthorID: 57208645750; e-mail: imaschewa@yandex.ru

Received August 4, 2025

Accepted for publication August 18, 2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(470.41)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.170-182>

К 100-летию Зямира Ибрагимовича Гильманова

А.Г. Галлямова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена памяти видного историка Зямира Ибрагимовича Гильманова, со дня рождения которого исполнилось 100 лет. В 2025 году, объявленному в России годом Великой Победы, имя З.И. Гильманова обретает особую значимость: являясь непосредственным участником Великой Отечественной войны, он по праву признан в Татарстане основоположником истории Великой Отечественной войны. Два фундаментальных труда З.И. Гильманова по истории Татарской АССР в период военного лихолетья, изданные в конце 1970-х – начале 1980-х гг., стали важными вехами не только в жизни ученого, но и в советской историографии Татарстана. Эти книги по охвату освещаемых сюжетов вышли за рамки регионоведения и многое привнесли для раскрытия вклада татарской нации в достижение Победы. З.И. Гильманов внес большой вклад в историческую науку Татарстана не только своими трудами, но и как замечательный наставник. В статье раскрываются имена и достижения его учеников. Почти четверть века Зямир Ибрагимович возглавлял один из ведущих отделов ИЯЛИ – тогда сектор истории. Он оставил о себе добрую память у коллег, которым посчастливилось с ним работать и общаться.

Ключевые слова: Гильманов Зямир Ибрагимович, Великая Отечественная война, историография Великой Отечественной войны, Татарская АССР, Институт истории Академии наук РТ, национальная интеллигенция

Для цитирования: Галлямова А.Г. К 100-летию Зямира Ибрагимовича Гильманова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.170–182. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.170-182>

3 июля 2025 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Зямира Ибрагимовича Гильманова, видного историка, глубокоуважаемого коллеги, незабвенного руководителя и по большому счету Учителя.

В объявленный в России год Победы имя З.И. Гильманова обретает особую значимость, ведь он по праву признан в Татарстане основоположником истории Великой Отечественной войны, к тому же являлся ее непосредственным участником. В 1944 г. в 19-летнем возрасте Зямир Гильманов был призван на фронт. После окончания военно-пехотного училища он в составе 70-й бригады попал в самое пекло неудачного Моравско-

Остравского наступления Украинского фронта. Во время него наши войска понесли настолько колоссальные потери, что бригаду пришлось отправить на переформирование. В дальнейшем командир стрелковой роты младший лейтенант Зямир Гильманов продолжил участвовать в освободительных сражениях на территории Чехословакии, Польши, Германии. Героизм, проявленный З.Гильмановым, был отмечен правительственными наградами Чехословакии, ему было присвоено звание Почетного гражданина города Вратимов [6, с.10].

Война для Гильманова не завершилась в Европе. После победы над Германией он был направлен на Дальний Восток, где принимал участие в боевых действиях против Японии. А уже после победы над ней был направлен на службу на Чукотку – в самый восточный населенный пункт России пос. Анадырь и Бухту Провидения.

Послевоенная судьба уроженца с. Теплый Стан ныне Самарской области З.И. Гильманова полностью связана с исторической наукой. Приехав в Казань сразу после службы, он в первый же год поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского государственного университета. Своим серьезным отношением к учебе прилежный фронтовик зарекомендовал себя как перспективный исследователь: преуспевающего студента, именного стипендиата Зямира Гильманова оставляют в аспирантуре. Темой своей научной работы он без колебаний выбрал историю Великой Отечественной войны. В ее исследовании он стал одним из первопроходцев: в 1952 г., когда Зямир Гильманов поступил в аспирантуру, не прошло и 10 лет с ее окончания.

Как всякому пролагателю пути в новом исследовательском поле, ему приходилось не просто, ведь нужно было добыть не только необходимый источниковый материал, но и практически с нуля при практическом отсутствии аналогов продумать архитектуру его выстраивания. Серьезную методическую помощь З. Гильманов не мог получить и от своего научного руководителя Еналеева Шамиля Мифтаховича, являвшегося специалистом по истории реализации национальной политики в ТАССР в 1920–1930-е гг. К тому же Зямир Гильманов избрал далеко не «выгодную» часть в истории войны – первый самый тяжелый ее период. Это вызвало у комиссии, утверждавшей тему, вопрос, на который начинающий аспирант дал достойный ответ. Вот как об этом вспоминает коллега и близкий друг Зямира Гильманова, такой же именитый в Татарской республике историк, профессор Казанского авиационного института Якуб Шарафович Шарапов: «Ему

часто приходилось с упорством доказывать правомерность своих постановок и подходов, искусством трудолюбия достигать впечатляющих результатов. Когда он представил на обсуждение свою диссертацию, первой реакцией “законодателей моды” было “А что вообще можно сказать о первом периоде войны, когда все сводилось к беспорядочному отступлению?”. Зямиль Ибрагимович выстоял, доказывая, что важнее и интереснее понять умение уйти от казавшегося неминуемым поражения, чем описывать победоносное шествие» [35, с.21].

Диссертацию З.И. Гильманов написал в срок, но защищать стал ее не сразу. Очевидно, сказалось то, что годы его учебы в аспирантуре (1952–1955 гг.) пришлось на переломный период – в общественно-политической жизни после смерти Сталина забрезжила все более усиливавшаяся «оттепель». Нарастание демократических процессов в обществе, знаковой вехой в развитии которых стал знаменитый XX съезд КПСС, меняло требования к деятельности гуманитарных отраслей науки, которые в период сталинизма были поставлены в очень жесткие идеологические рамки.

В Татарской республике после печально известного августовского постановления 1944 г. ЦК ВКП(б), «пропесочившего» Татарский обком ВКП(б) за недостаточную политическую бдительность, историки оказались в некотором замешательстве, если не сказать, в состоянии когнитивного диссонанса. Об обстановке скованности в совершении самостоятельных шагов казанскими историками при корректировке прежних концептуальных установок свидетельствовала ситуация с выходом второго тома коллективной монографии по истории ТАССР, посвященного советскому периоду. Подготовленный как раз к февралю 1956 г. макет был отправлен в Москву в отдел истории советского общества Института истории Академии наук СССР. Сопровождающее его письмо заведующего отделом истории ИЯЛИ Х.Г. Гимади показывает, насколько дезориентированы были татарские историки. «Без обсуждения в Москве, – пишет он, – коренную ломку тома невозможно допустить. Пример все же нам должна показать Москва», тут же спрашивая: «Каким путем перестраиваются Институт истории и другие исторические учреждения Москвы» [4, с.214].

В такой обстановке, очевидно, было весьма непросто выходить на защиту диссертационного исследования по новейшей истории. Знакомство с кандидатской диссертацией [7], которую Зямиль Ибрагимович успешно защитил в 1963 г., показывает, что он сумел воспользоваться определенным расширением гносеологических возможностей для исследователей советской эпохи. В частности, в историографической части он указал на искажение распространенной в период позднего сталинизма интерпретации положения на фронте в первые годы Великой Отечественной войны в диссертации У.Н. Гайфуллина «Партийная организация Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [3], посвященной анализу деятельности руководства Татарской АССР в период Великой Отечественной войны. Зямиль Ибрагимович пишет: «Диссертация не свободна от налета

культы личности. При рассмотрении начального периода войны автор отдает дань т.н. теории активной обороны, объясняющей отступление Красной армии как заранее запланированное советским командованием для изматывания противника» [7, с.8]. Критически оценивает Зямиль Ибрагимович и второй том шеститомной Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. [11], обращая внимание на то, что в книге непропорционально много внимания уделено рассмотрению военных операций Великой Отечественной войны – 445 страниц, а перестройка народного хозяйства и культуры на военный лад, вопросы работы тыла в целом заняли лишь 159 страниц. Недостаточно полно освещены различные формы всенародного движения в помощь фронту. Не нашла должного внимания проблема финансирования войны. Эти замечания очень перекликаются с его поздними высказываниями о войне, которую он вспоминал не как героическое время, а как тяжкие физические преодоления на грани человеческих возможностей. Ценно, что в своей кандидатской диссертации З.И. Гильманов обратил внимание на высокие потери среди писателей Татарии, осветив при этом впервые точку зрения Фадеева, его обеспокоенность по этому поводу [7, с.229].

В 1960-е гг. в Татарстане по истории Великой Отечественной войны защитились еще несколько человек. Но в дальнейшем ни один из них не закрепился в историографии истории военного лихолетья как специалист. Гильманов же вскоре после защиты был назначен заведующим сектора истории ИЯЛИ и в течение 24 лет, вплоть до своей серьезной болезни успешно руководил им. Все это время он продолжал изучать тему Великой Отечественной войны. Во всех обобщающих монографиях по истории Татарской АССР, партийной организации республики, крупным тематическим монографиям по истории промышленности, рабочего класса, сельского хозяйства, культуры, вышедших в 1960–1970-е гг., Зямиль Ибрагимович неизменно является автором разделов, раскрывающих вклад татарстанцев во фронтовые и трудовые победы [14; 15; 16; 17; 29; 30; 32; 33].

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. выходят два фундаментальных труда З. И. Гильманова, ставшие важными вехами не только в жизни ученого, но и в советской историографии Татарстана. Они венчают научные изыскания по Великой Отечественной войне и не оставляют никаких сомнений в том, что Гильманов Зямиль Ибрагимович по праву считается главным специалистом, если не сказать основоположником истории Татарской АССР в период военного лихолетья. Одна монография посвящена фронту [8], вторая – тылу [9]. Эти книги по охвату освещаемых сюжетов вышли за рамки регионоведения и многое привнесли для раскрытия вклада татарской нации в достижение Победы. «Перечитывая монографии и статьи Зямиля Ибрагимовича, я каждый раз поражаюсь основательности, с которой они написаны», – отмечает одна из лучших учениц Зямиля Ибрагимовича А.Ш. Кабирова. «Созидательный труд был естественным проявлением его натуры. Работы З.И. Гильманова отличаются огромное количество собранного и обработанного материала, обилие фактических и стати-

стических данных, скрупулезность исследований, тщательно выверенный анализ. Благодаря этому книги Зямиля Ибрагимовича сохраняют свою научную значимость. К ним еще долго будут обращаться все те, кто живо интересуется историей Второй мировой войны» [24, с.77–78].

Близкие по возрасту, тесно сотрудничавшие с З.И. Гильмановым коллеги отмечают, что он с аспирантских лет целился в своих исследованиях выйти за рамки Татарской АССР, стремясь показать вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне татарской нации в целом. В этой связи Якуб Шарафович Шарапов вспоминает, как в тесном кругу «на кухне» Зямиль Ибрагимович сказал: «Америку открывать я не собираюсь. Но хочется “выдать на-гора” как можно больше материала с тем, чтобы вклад татарского народа могли оценить так высоко, каким на самом деле он является». «Тогда мы чувствовали определенную обиду по поводу того, – продолжает вспоминать Я.Ш. Шарапов, – что татарский народ, имея больший, чем многие союзные республики потенциал и, внося немалый вклад в общесоюзную копилку, получал несправедливо меньше, и многие сферы национальной жизни сильно отставали. Поэтому слова Зямиля Ибрагимовича были восприняты более широко, а не только как выражение научного плана» [35, с.22].

*В гостях у З.И. Гильманова. Коллеги поздравляют
своего руководителя с 65-летием*

Сидят слева направо: С.Х. Алишев, М.А. Сайдашева, З.И. Гильманов (юбилар), М.И. Гильманова (супруга), К.А. Назипова; стоят слева направо: Р.У. Амирханов, Г.Л. Файзрахманов, Г.К. Вайда, Р.Г. Фахрутдинов, Х.З. Багаутдинова, А.Г. Галлямова, И.Г. Гиззатуллин, С. Ильясова. Фото из архива А.Г. Галлямовой. 1990 г.

С горечью воскрешали в памяти коллеги Зямиля Ибрагимовича Ильдус Габдулхаевич Гиззатуллин и Мунира Абдулловна Сайдашева случай с его неудачной попыткой перешагнуть в научном поиске за границы Татарской автономии: «Зямиль Ибрагимович с большим интересом собирал материалы о татарах – Героях Советского Союза. Под его руководством был подготовлен объемный сборник. Но, к сожалению, обком партии запретил издание этого сборника, распорядившись подготовить сборник только о героях Татарстана» [6, с.13]. В результате в трехтомном издании «Герои Советского Союза – наши земляки» [5], написанном под руководством З.И. Гильманова, были опубликованы очерки только о татарах, являвшихся уроженцами или жителями Татарской АССР.

З.И. Гильманов внес большой вклад в историческую науку Татарстана не только своими трудами. Будучи человеком мудрым, притягательным своей истинной интеллигентностью и легким в общении, он являлся и замечательным наставником, проявлявшим безупречную тактичность и терпеливость как к своим подчиненным, так и ученикам. Трое из них – О.Л. Гринев, Н.Н. Карманов, М.А. Пьянов – успешно защитили свои диссертации в конце 1970-х гг. по истории Великой Отечественной войны [10; 26; 31]. Исходя из этого, можно сказать, что начала складываться школа З.И. Гильманова.

Плодотворными годами для него, как научного руководителя, были конец 1980-х – начало 1990 гг. – период, когда в исторической науке под воздействием перемен в политической жизни страны происходили колоссальные сдвиги. Уже серьезно занемогший тогда Зямиль Ибрагимович в одном из публичных выступлений сказал: «Я рад, что дожил до того времени, когда можно обо всем говорить свободно. Я завидую молодому поколению историков. У нас не было таких возможностей, какие открылись для них». Но многие его идеи нашли воплощение в трудах его учеников.

В это время сразу четыре его ученика – З.С. Бузяков, С.К. Хайрутдинов, Г.В. Мазитова, А.Ш. Асылгараева (Кабирова) – защитили свои диссертации по теме Великой Отечественной войны [2; 34; 28; 1]. Знакомство с их диссертационными исследованиями показывает, что ученики Гильманова одними из первых начали отходить от устоявшихся шаблонов в анализе национальной истории в годы военного лихолетья. Так, Самигулла Каримович Хайрутдинов в своей диссертации одним из первых среди историков Татарстана критически высказался о печально известном августовском Постановлении 1944 года: «В Постановлении открыто обвинялись татарские писатели и ученые в национализме, в приукрашивании Золотой орды. Удар, нанесенный исторической науке и литературе, его последствия можно сравнить с теми бедами, которые принесли нашей экономике лысенковщина. Отдельные положения данного документа принесли татарскому народу ничуть не меньше вреда, чем те, кто сокрушал в свое время генетику» [34, с.65]. К сожалению, Хайрутдинов ненадолго пережил своего учителя. Зямиль Ибрагимович умер в 1991 г. после тяже-

лой болезни, Самигулла – в 48-летнем возрасте в 1994 г. от сердечного приступа.

К нашему прискорбию, безвременно из жизни ушла и, несомненно, самая успешная продолжательница дела З.И. Гильманова – Айслу Шарипзяновна Кабирова. Выполнив качественно под руководством Замиля Ибрагимовича диссертацию о роли татарских женщин в годы войны, дальше она, в соответствии с расхожей речевкой «То, что отцы не доделали, мы доделаем», подхватила эстафету от своего учителя и написала семь весомых монографий по Великой Отечественной войне [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. В них она всесторонне раскрыла ретроспекцию военного лихолетья, в основном сосредоточившись на истории тыла. В ее трудах основательно проанализированы положение различных категорий населения, состояние производственной, культурной и социальной сферы, массовые настроения граждан в республике, ужесточение политических процессов. Проведенный ею комплексный фундаментальный анализ социально-экономических и культурно-идеологических процессов, развернувшихся в Татарской АССР в 1941–1945 гг., освещает реальную картину жизни тылового региона в экстремальных обстоятельствах.

Обладая высокоразвитой эмпатией, Замиль Ибрагимович притягивал к себе исследователей, занимающихся не только военно-исторической тематикой. Под его руководством были выполнены и успешно защищены диссертации по аграрной проблематике. Одна из них, написанная В.В. Кузьминым, воссоздает довольно правдивую со смелыми вкраплениями о неприглядных сторонах советской деревни картину социального положения колхозного крестьянства в послевоенные десятилетия [27]. Другая, написанная И.К. Загидуллиным, освещает историю крестьянства в пореформенный период [13]. Судя по словам Ильдуса Котдусовича, несмотря на то, какой огромный временной отрезок процессы, происходившие в Казанской губернии во второй половине XIX в., отделяет от Великой Отечественной войны, Замиль Ибрагимович оказывал ему ценную методологическую помощь. Вот как И.К. Загидуллин вспоминает своего научного руководителя: «Писать о добропорядочном, отзывчивом, умном человеке само по себе уже удовольствие. ... К аспирантам он относился очень тепло, помогал им во всем, давал советы по научной деятельности... Мой учитель указал мне, какое место занимали представители исламского духовенства в крестьянском движении. И в этой области он показал свои глубокие познания, свои изыскания» [12, с.75–76].

Закончить эту статью мне хочется своими воспоминаниями о Зяmile Ибрагимовиче. Он был первым из семи заведующих отдела, под руководством которых мне довелось работать. И сейчас, мысленно проглядывая свой путь в науке, я понимаю, как мне повезло, что он начинался при его заведовании отделом. Замиля Ибрагимовича отличала истинная интеллигентность, простота, органичная доброжелательность. К молодым сотрудникам отдела он относился по-отечески тепло и заботливо, к своим ровес-

никам, как надежный товарищ. Вспоминается его спокойная (не путать с равнодушной) реакция на порой довольно остро протекавшие дискуссии в отделе (тогда в секторе), связанные с аттестацией сотрудников или с обсуждением готовившихся трудов. Он никогда никого не пресекал, но в конце концов умел так резюмировать, что, все присутствующие, включая, казалось бы, и непримиримых оппонентов, приходили к выводу о плодотворности состоявшегося разговора. Благодаря человеколюбию, удивительному обаянию, а также незаурядным организаторским способностям, Зямиль Ибрагимович задавал в отделе здоровую атмосферу, в которой деловитость сочеталась с сердечностью и доброжелательностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асылгараева (Кабирова) А.Ш.* Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991. 245 с.
2. *Бузяков З.С.* Дружба народов как важный фактор победы в Великой Отечественной войне (по материалам Марийской, Татарской и Чувашской автономных республик): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1987. 270 с.
3. *Гайфуллин У.Н.* Партийная организация Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1954. 247 с.
4. *Галимзянова А.Т., Галлямова А. Г.* Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т.11. №1. С.941–958.
5. Герои Советского Союза – наши земляки: сб. докум. очерков и зарисовок. В 3-х кн. / сост. Гильманов З. И., Айнутдинов А.К. Кн. 2. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 232 с.
6. *Гиззатуллин И.Г., Сайдашева М.А.* Таким мы его помним // Памяти Зямиля Ибрагимовича Гильманова. 1925–2025. Книги первая и вторая. Казань: Издательский дом Маковского, 2025. С.9–14.
7. *Гильманов З.И.* Деятельность Татарской партийной организации в первый период Великой Отечественной войны. (1941–1942 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1962. 238 с.
8. *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 296 с.
9. *Гильманов З.И.* Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны. Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. 288 с.
10. *Гринев О.Л.* Деятельность партийной организации ТАССР по укреплению единства армии и народа, фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978. 251 с.
11. История Великой Отечественной Войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. Т.2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) / Н.А. Фокин (рук. ред. и авт. колл.). М.: Воениздат, 1961. 688 с.

12. *Загидуллин И.К.* Он был благородным человеком // Памяти Зямира Ибрагимовича Гильманова. 1925–2025. Книги первая и вторая. Казань: Издательский дом Маковского, 2025. С.75–77.
13. *Загидуллин И.К.* Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992. 269 с.
14. История Казани. Кн. 2. / ред.: З.И. Гильманов, А.М. Залялов, М.К. Мухарямов, К.А. Назипова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 382 с.
15. История Татарской АССР / ред.: Х.Г. Гимади, Х.Х. Хасанов, М.К. Мухарямов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1968. 720 с.
16. История Татарской АССР / под ред. М.К. Мухарямова. Казань: Таткнигоиздат, 1973. 240 с.
17. История Татарской АССР / под ред. М.К. Мухарямова. Казань: Таткнигоиздат, 1980. 256 с.
18. *Кабирова А.Ш.* Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. Казань: Фэн, 2011. 467 с.
19. *Кабирова А.Ш.* Женщины Татарстана на фронте и в тылу. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1995. 173 с.
20. *Кабирова А.Ш.* Сороковые – роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2011. 211 с.
21. *Кабирова А.Ш.* Татарстан в годы Великой Отечественной войны: страницы социальной истории. Казань: ГАУ при Кабмине РТ, 2011. 352 с.
22. *Кабирова А.Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. 507 с.
23. *Кабирова А.Ш.* Татарстан: все для фронта, все для Победы! 1941–1945. Казань, Дизайн-центр А1. 2019. 368 с.
24. *Кабирова А.Ш.* Учитель // Памяти Зямира Ибрагимовича Гильманова. 1925–2025. Книги первая и вторая. Казань: Издательский дом Маковского, 2025. С.78–82.
25. *Кабирова А.Ш., Кривоножкина Е.Г., Бушувев А.С.* Нам жить и помнить. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Казань: Фолиант, 2016. 248 с.
26. *Карманов Н.Н.* Идеологическая работа партийной организации Татарии в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978. 213 с.
27. *Кузьмин В.В.* Социальное развитие крестьянства (1945–1980 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1986. 177 с.
28. *Мазитова Г.В.* Учреждения и деятели искусств Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990. 274 с.
29. Очерки истории партийной организации Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. 710 с.
30. Плоды великого братства: сб. статей / ред.: З.И. Гильманов и др. Казань, 1972. 239 с.
31. *Пьянов М.А.* Военное обучение населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1979. 238 с.
32. Рабочий класс Татарии (1861–1980 гг.) / ред. коллегия: З.И. Гильманов, А.М. Залялов, М.К. Мухарямов, К.А. Назипова, Ю.И. Смыков. Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. 384 с.

33. Торжество ленинской национальной политики в Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1968. 338 с.

34. Хайрутдинов С.К. Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны 1994–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. 226 с.

35. Шаранов Я.Ш. Устремленный к обновлению // Памяти Зямиля Ибрагимовича Гильманова. 1925–2025. Книги первая и вторая. Казань: Издательский дом Маковского, 2025. С.17–24.

Информация об авторе:

Галлямова Альфия Габдулнуровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4344-902X; e-mail: alfiya1955@gmail.com

Поступила 29.08.2025

Принята к публикации 18.09.2025

On the 100th anniversary of Zyamil Ibragimovich Gilmanov

A.G. Gallyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article is dedicated to the memory of the prominent historian Zyamil Ibragimovich Gilmanov, whose birth centenary has been celebrated. In 2025, declared the Year of the Great Victory in Russia, the name of Z.I. Gilmanov takes on special significance: as a direct participant in the Great Patriotic War, he is rightfully recognized in Tatarstan as the founder of the history of the Great Patriotic War. Z.I. Gilmanov's two fundamental works on the history of the Tatar ASSR during the war years, published in the late 1970s – early 1980s, became important milestones not only in the life of the scientist, but also in the Soviet historiography of Tatarstan. In terms of the scope of the topics they covered, these books went beyond regional studies and contributed greatly to the understanding of the Tatar nation's contribution to achieving Victory. Z.I. Gilmanov made a great contribution to the historical science of Tatarstan not only through his works, but also as a wonderful mentor. The article reveals the names and achievements of his students. For almost a quarter of a century, Zemil Ibragimovich headed one of the leading departments of the Institute of Language, Literature and History (IYALI) – then the history sector. He left behind good memories of himself among colleagues who were lucky enough to work and communicate with him.

Keywords: Gilmanov Zyamil Ibragimovich, Great Patriotic War, historiography of the Great Patriotic War, Tatar ASSR, Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, national intelligentsia

For citation: Gallyamova A.G. On the 100th anniversary of Zyamil Ibragimovich Gilmanov. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.170–182. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.170-182> (In Russian)

REFERENCES

1. Asylgaraeva (Kabirova) A.Sh. *Women of the Tatar ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945: Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1991. 245 p. (In Russian)
2. Buzyakov Z.S. *Friendship of peoples as an important factor in victory in the Great Patriotic War (based on materials from the Mari, Tatar and Chuvash Autonomous Republics): Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1987. 270 p. (In Russian)
3. Gaifullin U.N. *Party organization of the Tatar ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945: Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1954. 247 p. (In Russian)
4. Galimzyanova A.T., Gallyamova A.G. A path of two decades: how the first collective monograph of the IYALI on the "History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic" was created. *Golden Horde Review*. 2023, vol.11, no.1, pp.941–958. (In Russian)
5. *Heroes of the Soviet Union – our fellow countrymen: a collection of documentary essays and sketches*. In 3 books. Compiled by Z.I. Gilmanov, A.K. Ainutdinov. Kazan: Tatar book Publishing House Publ. 1984. (In Russian)
6. Gizzatullin I.G., Saidasheva M.A. This is how we remember him. *In memory of Zyamil Ibragimovich Gilmanov. 1925–2025*. Books 1, 2. Kazan: Makovsky Publishing House Publ., 2025. Pp.9–14. (In Russian)
7. Gilmanov Z.I. *Activities of the Tatar party organization in the first period of the Great Patriotic War (1941–1942): Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1962. 238 p. (In Russian)
8. Gilmanov Z.I. *Tatar ASSR in the Great Patriotic War of 1941–1945*. Kazan: Tatar Book Publishing House Publ., 1977. 296 p. (In Russian)
9. Gilmanov Z.I. *Workers of Tatarstan on the fronts of the Great Patriotic War*. Kazan: Tatar Book Publishing House Publ., 1981. 288 p. (In Russian)
10. Grinev O.L. *Activities of the party organization of the TASSR to strengthen the unity of the army and the people, the front and the rear during the Great Patriotic War of 1941–1945: Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1978. 251 p. (In Russian)
11. *History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945*. In 6 volumes. Vol.2. The Soviet people's repulse of the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR. Creating conditions for a radical turning point in the war (June 1941 – November 1942). Ed. by N.A. Fokin. Moscow: Voenizdat Publ., 1961. 688 p. (In Russian)
12. Zagidullin I.K. He was a noble man. *In memory of Zyamil Ibragimovich Gilmanov. 1925–2025*. Books 1, 2. Kazan: Makovsky Publishing House Publ., 2025. Pp.75–77. (In Russian)
13. Zagidullin I.K. *Tatar peasants of the Kazan province in the second half of the 19th century (60–90s): Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1992. 269 p. (In Russian)

14. *History of Kazan*. Book 2. Ed. by Z.I. Gilmanov, A.M. Zalyalov, M.K. Mukharyamov, K.A. Nazipova. Kazan: Tatar Book Publishing House Publ., 1991. 382 p. (In Russian)
15. *History of the Tatar ASSR*. Ed. by Kh.G. Gimadi, Kh.Kh. Khasanov, M.K. Mukharyamov. Kazan: Tatar Book Publishing House Publ., 1968. 720 p. (In Russian)
16. *History of the Tatar ASSR*. Ed. by M.K. Mukharyamova. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1973. 240 p. (In Russian)
17. *History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic*. Ed. by M.K. Mukharyamova. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1980. 256 p. (In Russian)
18. Kabirova A.Sh. *War and society: Tatarstan in 1941–1945*. Kazan: Fen Publ., 2011. 467 p. (In Russian)
19. Kabirova A.Sh. *Women of Tatarstan at the front and in the rear*. Kazan: Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 1995. 173 p. (In Russian)
20. Kabirova A.Sh. *The forties are fatal: Tatarstan during the hard times of war*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011. 211 p. (In Russian)
21. Kabirova A.Sh. *Tatarstan during the Great Patriotic War: pages of social history*. Kazan, State Agrarian University Publ., 2011. 352 p. (In Russian)
22. Kabirova A.Sh. *Tatarstan during the years of military trials (1941–1945)*. Kazan: YAZ Publishing house Publ., 2015. 507 p. (In Russian)
23. Kabirova A.Sh. *Tatarstan: everything for the front, everything for Victory! 1941–1945*. Kazan: Design Center A1 Publ., 2019. 368 p. (In Russian)
24. Kabirova A.Sh. Teacher. *In memory of Zyamil Ibragimovich Gilmanov. 1925–2025*. Books 1, 2. Kazan: Makovsky Publishing House Publ., 2025. Pp.78–82. (In Russian)
25. Kabirova A.Sh., Krivonozhkina E.G., Bushuev A.S. *We must live and remember. The Tatar ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Kazan: Foliant Publ., 2016. 248 p. (In Russian)
26. Karmanov N.N. *Ideological work of the party organization of Tatarstan during the Great Patriotic War: Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1978. 213 p. (In Russian)
27. Kuzmin V.V. *Social development of the peasantry (1945–1980): Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1986. 177 p. (In Russian)
28. Mazitova G.V. *Institutions and artists of the Tatar ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945): Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1990. 274 p. (In Russian)
29. *Essays on the history of the party organization of Tatarstan*. Kazan: Tatar Book Publishing House Publ., 1973. 710 p. (In Russian)
30. *Fruits of the great brotherhood: collection of articles*. Ed. by Z.I. Gilmanov et al. Kazan, 1972. 239 p. (In Russian)
31. P'yanov M.A. *Military training of the population of the Tatar ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945): Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1979. 238 p. (In Russian)
32. *Working class of Tatarstan (1861–1980)*. Ed. by Z.I. Gilmanov, A.M. Zalyalov, M.K. Mukharyamov, K.A. Nazipova, Yu.I. Smykov. Kazan: Tatar Book Publishing House Publ., 1981. 384 p. (In Russian)

33. *The triumph of Lenin's national policy in Tataria*. Kazan: Tatar Book Publishing House Publ., 1968. 338 p. (In Russian)

34. Khairutdinov S.K. *The Press of Tatarstan during the Great Patriotic War of 1994–1945: Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Kazan, 1989. 226 p. (In Russian)

35. Sharapov Ya.Sh. Striving for Renewal. *In memory of Zyamil Ibragimovich Gilmanov. 1925–2025*. Books 1, 2. Kazan: Makovsky Publishing House Publ., 2025. Pp.17–24. (In Russian)

About the author:

Gallyamova Alfiya Gabdulnurovna – Dr. Sci. (history), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4344-902X; e-mail: alfiya1955@gmail.com

Received August 29, 2025

Accepted for publication September 18, 2025

УДК 94(470.41)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.183-190>

**Подвижник исторической науки
(к 60-летию академика Радика Римовича Салихова)**

Р.Р. Исхаков

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Публикация посвящена освещению основных событий научной жизни известного татарского ученого-историка, академика Радика Римовича Салихова. Дается краткий историографический обзор его трудов, раскрывается его вклад в развитие академической науки в Республике Татарстан. Особый акцент сделан на его роли в становлении и развитии Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан. Статья подготовлена в связи с 60-летним юбилеем ученого.

Ключевые слова: Р.Р. Салихов, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, историография татарского народа, татарская буржуазия, история татар

Для цитирования: Исхаков Р.Р. Подвижник исторической науки (к 60-летию академика Радика Римовича Салихова) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С. 183–190. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.183-190>

В 2025 г. исполнилось 60 лет замечательному исследователю, подвижнику и организатору исторической науки в Татарстане, доктору исторических наук, действительному члену Академии наук Республики Татарстан, директору Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Радика Римовичу Салихову. Благодаря своим неординарным организаторским способностям, тактичности и в то же время требовательному отношению к сотрудникам

ему удалось создать и объединить возле себя коллектив единомышленников, главной целью деятельности которых является объективное и всесто-

роннее изучение исторического наследия татарского народа, а также других народов Республики Татарстан. Благодаря ему Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ превратился в один из ведущих академических центров России, успешно занимающийся сложными вопросами отечественной истории и сохранением исторической памяти татарского народа как важнейшего маркера национальной идентичности. С 2023 г. на него были возложены новые задачи в области развития гуманитарной академической науки, с которыми он успешно справляется – Радик Римович был избран академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук АН РТ. Р.Р. Салихов – многогранная личность, достигшая высот как на поприще организаторской деятельности, так и в качестве ученого. Он является крупнейшим специалистом по истории татарского предпринимательства, общественного и просветительского движения, историко-культурного наследия, а также многих других аспектов татарской истории.

Р.Р. Салихов родился 10 апреля 1965 г. в Татарской АССР в семье педагогов. Его отец Рим Гарифович Салихов – известный татарский литературовед, журналист, доктор филологических наук (1999 г.), профессор (2001 г.)¹. Мать – Светлана Семеновна Салихова из семьи потомственных учителей и просветителей², посвятила свою жизнь образованию подрастающего поколения. Воспитание в семье сыграло важную роль в жизни и судьбе будущего ученого. Родители были примером и непререкаемыми авторитетами для детей, они воспитывали их в татарских традициях, привили любовь к знаниям, татарской истории и культуре. Окончив среднеобразовательную школу №3 г. Елабуги, Р.Р. Салихов решил продолжить семейное дело – стать педагогом. В 1982 г. он поступает на филологический факультет Казанского государственного университета. Но в 1983 г., не закончив обучение, уходит на срочную военную службу в ряды Советской Армии. Проходя службу в Азербайджанской ССР, он проявил себя как ответственный и дисциплинированный военнослужащий. В 1985 г. демобилизуется и продолжает обучение в КГУ. Получив диплом в 1989 г., устраивается учителем русского языка и литературы в казанскую среднюю школу №11. В 1990 г. переходит на работу в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (ИЯЛИ).

¹ Р.Г. Салихов является уроженцем Арского района. Его отец – Мухаммед-Гариф Салихов учился в знаменитых татарских медресе «Мухаммадия» (Казань), «Хусаиния» (Оренбург) и был первым директором Ново-Кинерской средней школы, а также заведующим РОНО Кызыл-Юлского района ТАССР. Семейные традиции продолжил и Рим Гарифович, который долгие годы работал преподавателем Елабужского государственного педагогического института.

² С.С. Салихова происходит из династии педагогов Комиссаровых из с. Шеморбаш Мамадышского уезда, работавших в Казанской центральной крещено-татарской школе, а также в сельских крещено-татарских училищах Казанской губернии. Из этого рода происходит Роман Даулей – татарский педагог, ученый, журналист, общественный деятель.

Вся последующая деятельность и жизнь Радика Римовича будет тесно связана с академической наукой в республике. Работая сотрудником ИЯЛИ, молодой ученый параллельно обучается в аспирантуре этого научного учреждения по специальности «Литература народов СССР», которую успешно оканчивает в 1994 г. В это время происходит окончательная смена его научных интересов от филологии и литературоведения к историческим наукам. Исследователь погружается в изучение историко-культурного наследия народов Татарстана, начинает работать над кандидатской диссертацией.

Первая половина 1990-х гг. была крайне непростым временем для татарской интеллигенции как, впрочем, и для всех жителей страны. Общественно-политические-изменения в стране, либерализация внутривнутриполитического курса привели к эмансипации общества и предоставлению национальным республикам широкой автономии, что было воспринято в татарском обществе с большим энтузиазмом. Татарские национально-культурные объединения, во главе которых стояли татарские интеллектуалы и ученые-гуманитарии, находились на подъеме, отмечается большой общественный запрос на новые исследования, в особенности по темам, которые были обделены вниманием в советское время. В 1991 г. создается Академия наук Республики Татарстан, которая объединяет академические институты гуманитарного профиля и становится координирующим органом для научных учреждений республики. В то же время экономический кризис и разруха в стране привели ученых на грань выживания. В профессии оставались только настоящие «фанаты» своего дела, ставившие во главу угла высокую цель служения науке и родному народу. В это непростое время Радик Римович не только не опустил руки, но и начал реализовывать несколько амбициозных проектов. В условиях хронического безденежья совместно со своими коллегами он объездил все районы Татарстана, собрал, каталогизировал и описал наиболее значимые памятники историко-культурного наследия республики. Результатом этой сложной, кропотливой работы стал цикл трудов, описывающие памятники истории и культуры народов Республики Татарстан [6; 7]. В дальнейшем автор углубляет исследования в этой области, готовит работы по историко-культурному наследию отдельных районов РТ [14; 3; 4]. В рамках разработки этой важной общественно значимой темы ученый обращает внимание на изучение сохранившихся в Татарстане дореволюционных мусульманских культовых заведений, имеющих многовековую историю [5; 10].

Другим направлением научных изысканий Р.Р. Салихова становится история татарской буржуазии в дореволюционный период. Несмотря на важную роль татарских купцов и промышленников, являвшихся ключевыми акторами социально-экономической и культурной модернизации татарского общества в эпоху капитализма, в связи со сложившимися советскими идеологемами, вопросы, связанные с освещением истории татарского предпринимательства, долгое время находились под негласным запретом. Поэтому ученому пришлось «поднимать» эту тему практически с

нуля. Требовалось собрать и проанализировать огромный массив исторических источников на разных языках, разработать новые методологические подходы, способствующие переосмыслению роли татарской буржуазии в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX в. Эти непростые задачи в полной мере были решены Р.Р. Салиховым. В 1998 г. он успешно защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук на тему: «Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани: (вторая половина XIX – начало XX вв.)». В 2001 г. увидела свет его монография «Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в.» [12]. В последующих трудах ученого происходит расширение спектра научных проблем, связанных с ролью предпринимательства в социально-экономическом и культурном развитии народов Волго-Уралья: в 2000 г. вышла коллективная монография «Очерки истории Национального банка Республики Татарстан» [9], в 2001 г. двухтомный труд «Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана» [2]. Многолетние исследования по истории татарского предпринимательского класса позволили Радик Римовичу подготовить и успешно защитить в 2006 г. докторскую диссертацию на тему «Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью: вторая половина XIX – начало XX вв.»³.

В связи с реорганизацией ИЯЛИ в 1997 г. Р.Р. Салихов переходит на работу в новое научное учреждение, созданное на базе Академии наук РТ – Институт истории, где замещает должности: старшего научного сотрудника (1997–2007 гг.), заведующего отделом новой и новейшей истории (2007–2011 гг.). С 2011 г. по 2020 г. Радик Римович находился на должности заместителя директора по научной работе Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. В этот период в институте сложился прочный управленческий «тандем». Директор, доктор исторических наук Р.С. Хакимов – известный политический и общественный деятель, советник первого президента РТ М.Ш. Шаймиева, задавал общие векторы развития и ставил амбициозные задачи, непосредственная реализация которых, как и общая научная организация работы отделов, осуществлялись Р.Р. Салиховым. Это время во многом стало знаковым для института. Благодаря деятельности этого академического учреждения произошло становление новой историографии истории татарского народа. Сотрудниками Института истории им. Ш.Марджани АН РТ было реализовано множество научных проектов, главным из которых стала подготовка семитомной «Истории татарского народа» на русском и английском языках. Институт превращается в крупнейший центр по изучению истории и культуры народов Евразии – на его базе создается структурное подразделение по изучению истории Золотой Орды и тюрко-татарских государств, которое консолидирует вокруг

³ Основные положения докторской диссертации Р.Р. Салихова нашли отражение в его монографии [13].

себя ученых из разных стран, занимающихся изучением истории степных империй средневековья. Важной площадкой для презентации новых исследований по истории и культуре народов Российской Федерации и обсуждения дискуссионных научных проблем становятся научные периодические издания института – «Золотоордынское обозрение», «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», «Историческая этнология», «Крымское историческое обозрение».

15 октября 2020 г. Р.Р. Салихов был избран на пост директора Института истории им. Ш.Марджани АН РТ в ходе тайного голосования коллектива института, 19 октября утвержден в этой должности. Таким образом была сохранена преемственность в деятельности учреждения. Став директором, Радик Римович продолжил реализацию проектов по изучению истории и культуры народов Республики Татарстан. Особое внимание уделяется усилению популяризации научных знаний.

Наряду с работой в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ, Р.Р. Салихов принимает участие в деятельности многих научно-консультативных и общественных организаций. В 2002 г. он становится членом новообразованного Геральдического совета при Президенте Республики Татарстан, в 2006 г. – заместителем председателя, в 2024 г. – его председателем. В составе авторского коллектива он является разработчиком гербов и флагов районов и городов РТ. Он также состоит членом ученых советов Национального музея Республики Татарстан, Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», членом Национального совета Всемирного конгресса татар (с 2015 г.), Комиссии по топонимике г. Казани (с 2015 г.), Попечительского совета некоммерческой организации «Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан», Экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), Общественного совета при Государственном комитете по охране объектов культурного наследия РТ.

Несмотря на крайнюю загруженность административной и общественной работой, Р.Р. Салихов выкраивает время для любимого дела – проведения научных исследований. В последние годы в фокусе его внимания оказывается изучение значимых для татарской истории населенных пунктов и родов [8; 11]. Для татар, общество которых вплоть до начала XX в. являлось аграрным, около 90% населения были крестьянами-хлебопашцами, особое значение имеет история деревень. По сути, прошлое отдельного аула представляет собой персонифицированный срез общей истории народа, изучая которую можно узнать множество неизвестных ранее страниц, познакомиться с фактами «изнутри», через судьбы отдельных людей, проживавших в ту или иную эпоху. Фундированные исследования автора закладывают высокую планку и являются образцом для работ по истории татарских поселений. Наряду с важным научным значением они имеют и существенное практическое значение, способствуя развитию краеведческого движения и сохранению татарских селений, которые яв-

ляются оплотами татарских традиций, языка и идентичности. В своих работах ученый активно использует новые научные методы, в частности, данные генетической генеалогии (материалы ДНК тестирования). Он является идейным вдохновителем и одним из авторов труда «Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы» [1]. Эта работа является первым опытом по историко-генетическому исследованию татар, проживающих в Среднем Поволжье и Приуралье (было охвачено более 550 татарских населенных пунктов).

Благодаря своим энциклопедическим знаниям и научным достижениям, Р.Р. Салихов заслужил высокое уважение и авторитет в научном сообществе России. Его заслуги в научно-исследовательской и научно-организационной деятельности отмечены рядом высоких наград, в том числе медалью Российской Федерации «В память 1000-летия Казани» (2005 г.), медалью Республики Татарстан «За доблестный труд» (2022 г.), званием Заслуженного деятеля науки Республики Татарстан (2016 г.). Р.Р. Салихов также является лауреатом Государственной премии в области науки и техники Республики Татарстан (2008 г.). Он по праву считается одним из ведущих специалистов по истории татарского народа, занимает активную гражданскую позицию и участвует в реализации государственной национальной политики Республики Татарстан. Пожелаем юбиляру новых научных и творческих свершений, здоровья и благополучия!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М.М., Владимиров О.О., Салихов Р.Р., Хакимов Р.С. Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы. Казань. Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 112 с.
2. Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана: в 2 т. / авт. сост.: Р.Р. Салихов, Л.М. Свердлова и др. Т.1. Казань: Научно-методический Издательский Дом «Яналиф», 2001. 288 с.
3. Историко-географический атлас Высокогорского района Республики Татарстан / авт. сост.: Р.Р. Салихов, А.И. Ногманов, И.Р. Каримов. Пенза: ИП Рогожин, 2013. 100 с.
4. Историко-культурный атлас Арского района Республики Татарстан / сост.: Р.Р. Салихов, А.И. Ногманов, И.Р. Каримов. Пенза: ИП Рогожин И.В., 2013. 100 с.
5. Мечети Татарстана = Tatarstan Mosques = Татарстан мәчетләре: альбом / авт.-сост.: Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов, Х.Г. Надырова. Казань: РУИЦ, 2000. 287 с.
6. Республика Татарстан: памятники истории и культуры татарского народа. (Конец XVIII – начало XX веков.). Казань: Изд-во «Фест», 1995. 280 с.
7. Республика Татарстан: памятники истории и культуры. Каталог-справочник. Казань: Изд-во «Эйдос», 1993. 454 с.
8. Салихов Р.Р. ... Из мурз Горной стороны / под ред. Р.С. Хакимова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 248 с.

9. Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р., Хайрутдинова Л.Ф. Очерки истории Национального банка Республики Татарстан. Казань: Мастер Лайн, 2000. 199 с.

10. Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 191 с.

11. Салихов Р.Р. Служилая Ура: рождение татарского капитализма. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 280 с.

12. Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2001. 124 с.

13. Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. Казань: Изд-во «Фэн», 2004. 260 с.

14. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан: Административные районы. Т.1. / науч. ред. Р.А. Айнутдинов и др. Казань: Мастер Лайн, 1999. 458 с.

Информация об авторе:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Поступила 29.08.2025

Принята к публикации 18.09.2025

An ascetic of historical science (dedicated to the 60th anniversary of academician Radik Rimovich Salikhov)

R.R. Iskhakov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication is devoted to the coverage of the main events of the scientific life of the famous Tatar historian, academician Radik Rimovich Salikhov. A brief historiographical overview of his works is given, and his contribution to the development of academic science in the Republic of Tatarstan is revealed. Special emphasis is placed on his role in the establishment and development of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. The article was prepared in connection with the 60th anniversary of the scientist.

Keywords: R.R. Salikhov, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, historiography of the Tatar people, Tatar bourgeoisie, history of the Tatars

For citation: Iskhakov R.R. An ascetic of historical science (dedicated to the 60th anniversary of academician Radik Rimovich Salikhov). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp. 183–190. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.183-190> (In Russian)

REFERENCES

1. Akchurin M.M., Vladimirov O.O., Salikhov R.R., Khakimov R.S. *The gene pool of the Tatars: a historical and genetic study. Y-chromosome haplogroups*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021. 112 p. (In Russian)
2. Salikhov R.R., Sverdlova L.M. et al. *Golden pages of merchants, industrialists and entrepreneurs of Tatarstan: in 2 volumes*. Vol.1. Kazan: Yanalif Publishing House Publ., 2001. 288 p. (In Russian)
3. Salikhov R.R., Nogmanov A.I., Karimov I.R. *Historical and geographical atlas of the Vysokogorsky district of the Republic of Tatarstan*. Penza: Rogozhin I.V. Publ., 2013. 100 p. (In Russian)
4. *Historical and cultural atlas of the Arsky district of the Republic of Tatarstan*. Compiled by R.R. Salikhov, A.I. Nogmanov, I.R. Karimov. Penza: Rogozhin I.V. Publ., 2013. 100 p. (In Russian)
5. Salikhov R.R., Khairutdinov R.R., Nadyrov Kh.G. *Tatarstan Mosques: album*. Kazan: RUIC Publ., 2000. 287 p. (In Russian)
6. *Republic of Tatarstan: historical and cultural monuments of the Tatar people. (Late 18th – early 20th centuries)*. Kazan: Fest Publishing House Publ., 1995. 280 p. (In Russian)
7. *Republic of Tatarstan: Historical and cultural monuments. Catalogue-reference book*. Kazan: Eidos Publishing House Publ., 1993. 454 p. (In Russian)
8. Salikhov R.R. *From murzas of the Mountain Side*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 248 p. (In Russian)
9. Salikhov R.R., Khairutdinov R.R., Khairutdinova L.F. *Essays on the history of the National Bank of the Republic of Tatarstan*. Kazan: Master Line, 2000. 199 p. (In Russian)
10. Salikhov R.R., Khairutdinov R.R. *Historical mosques of Kazan*. Kazan: Tatar Book Publishing House Publ., 2005. 191 p. (In Russian)
11. Salikhov R.R. *Sluzhilaya Ura: the birth of Tatar capitalism*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 280 p. (In Russian)
12. Salikhov R.R. *Tatar bourgeoisie of Kazan and national reforms of the second half of the 19th – early 20th centuries*. Kazan: Master Line Publishing House, 2001. 124 p. (In Russian)
13. Salikhov R.R. *Participation of Tatar entrepreneurship in Russia in the socio-political processes of the second half of the 19th – early 20th centuries*. Kazan: Feng Publishing House Publ., 2004. 260 p. (In Russian)
14. *Collection of historical and cultural monuments of the Republic of Tatarstan: administrative districts*. Vol.1. Kazan: Master Line Publ., 1999. 458 p. (In Russian)

About the author:

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Received August 29, 2025

Accepted for publication September 18, 2025

УДК 93

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.191-198>

**Алтын Урда мирасы:
Татарстан һәм Казахстан галимнәренен
фәнни хезмәттәшлеге**

Л.С. Гыйниятуллина

ТР ФА Ш.Мәрҗани исем. Тарих институты

Казан, Россия Федерациясе

Татарстан һәм Казахстан галимнәре арасында Алтын Урда мирасын өйрәнү өлкәсендә нык хезмәттәшлек бара. 1996 елдан бирле Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Тарих институты һәм Казахстан фәнни үзәкләре арасында меморандумнар имзаланган, уртак тикшеренүләр алып барыла. Халыкара форумнар, фәнни конференцияләр һәм түгәрәк өстәлләр күпчаклы фәнни дискуссияләр үткәру өчен мөһим платформа булып тора. «Золотоордынское обозрение» журналында һәм «Золотоордынское наследие» фәнни жыйнагында һәрдаим яңа чыганаclar, археологик казылмалар һәм язма истәлекләр турында фәнни мәкаләләр басыла. Казахстан галимнәре белән берлектә эшләнгән уртак монографияләр фәнни хезмәттәшлеккә ныгыта. Бу чаралар нәтижәсендә киләчәктәге тикшеренүләр өчен нигез салына, халыкара фәнни бәйләнешләр ныгый. Шулай итеп, төрки дәүләтләр тарихын һәм аларның дөнья тарихындагы урынын өйрәнүгә юнәлгән яңа проектлар өчен мөмкинлекләр ачыла, алар уртак тарихи-мәдәни мирасны саклауга ярдәм итә.

Ачыкч сүзләр: фәнни хезмәттәшлек, фәнни үзәкләр, тарих, тарихи-мәдәни мирас, фәнни журнал, жыйнак, Алтын Урда

Россия һәм Казахстан тарихи, мәдәни һәм фәнни бәйләнешләр тоташтыра. Бу элементлар ике илнең уртак тарихи мирасында аеруча ачык чагыла, гасырлар аша сакланып килгән бердәмлекнең нигезен тәшкил итә.

Фәнни хезмәттәшлеккә килгәндә, Татарстан һәм Казахстан галимнәре арасында актив эш алып барыла. Татарстан Фәннәр академиясенең Ш.Мәрҗани исемендәге Тарих институты белән Казахстан Республикасының академик һәм югары белем учреждениеләре арасында килешүләр һәм хезмәттәшлек турындагы меморандумнар имзаланган. Бу хезмәттәшлек 1996 елдан бирле дәвам итә һәм системалы рәвештә яңа проектларга нигез сала. Тарих фәннәре докторы, Тарих институты директоры, Татарстан ФА академигы Радик Рим улы Салихов ике республика арасында фәнни бәйләнешләрне ныгытуга даими рәвештә зур өлеш кертә.

Шуны да искәртәргә кирәк: Татарстан Фәннәр академиясенең Тарих институты, бигрәк тә Миркасыйм Госманов исемендәге Алтын Урда һәм

татар ханлыктарын өйрөнү үзгө, Казахстаннан килгән фәнни делегацияләрне даими кабул итү урынына әверелде.

2024 елның 30 маенда Институтта Р.Б.Сүлейманов исемендәге Шәрәкъны өйрөнү фәнни-тикшеренү институты хезмәткәрләре Багдат Данияр улы Дүсенов һәм Дина Есиркәп кызы Мәдерова белән очрашу узды. Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының директор урынбасары Марат Гибаддинов кунактарны Институтның фәнни эшчәнлегенә белән таныштырды. Очрашу вакытында эпиграфик мирасны өйрөнү өлкәсендә фәнни хезмәттәшлек мөмкинлекләре, Шәрәкъны өйрөнү институтының баш директоры Дүкен Масимханулының Казанга рәсми визитын оештыру, ике институт арасында фәнни хезмәттәшлек меморандумын имзалау турында килешүгә ирешү мәсьәләләре төп темалар булып торды.

Бу очрашу нәтижәсендә Татарстан һәм Казахстан фәнни мәктәпләренең уртак эшчәнлеген ныгыту юнәлешендә яңа адымнар ясалды. Бу хезмәттәшлек тарихи-мәдәни бәйләнешләрне тирәнрәк өйрөнүгә ярдәм итәчәк.

2024 елның 5 августында Татарстан Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтына «Сарайшык» дәүләт тарихи-мәдәни тыюлыгы директоры, тарих фәннәре докторы, профессор Муктар Абилсеит Капизулы җитәкчелегендәге делегация килде. Институт директоры, Татарстан ФА академигы Радик Рим улы Салихов кунактарга Институтның төп фәнни эш юнәлешләре турында мәгълүмат бирде. Шулай ук очрашу нәтижәсендә хезмәттәшлек турындагы меморандумга кул куелды.

Фәнни хезмәттәшлекне ныгыту чаралары турында килешү кысалары нигезендә Татарстан һәм Казахстан галимнәре (тарихчылар, этнологлар һәм археологлар) озак еллар буена тыгыз фәнни элемтәләрне саклап килә. Бергәләп күп тикшеренүләр алып барыла, уртак фәнни хезмәтләр һәм монографияләр бастырыла. Мисал өчен ике монографияне генә күрсәтеп узыйк: Канат Үскенбайның «XIII–XV гасыр башында Көнчыгыш Дәште Кыпчак олысы» [3], 2019 елда Юлай Шамильоглуның «Алтын Урдада кабилә сәясәте һәм иҗтимагый төзелеш» монографиясе [4] һ.б.

Тарих фәннәре белгечләре Ж.М. Сабитов, А.А. Каратаев [1, с.814–831], Нурлан Адилбекович Атыгаев, Самал Абаевна Тулеубаева, Аида Сериковна Маргулан, Галия Амзеевна Камбарбекова, Жулдыз Мусаевна Тулибаева [2, с.366–377], Т.А. Уалиев, А.К. Кушкумбаев [7], Омирбек Канай, Мурат Дабылович Калменов, Махсат Алпысбесұлы Алпысбес һ.б. үз мәкаләләрен безнең Халыкара, югары рейтинглы, рецензияләнгән торган фәнни «Золотоордынское обозрение» журналында, «Золотоордынское наследие» [5] җыентыгында даими рәвештә бастырып киләләр. Казахстан галимнәренең тикшеренүләрендә тарихи чыганактарга таяну хас.

Бу хезмәттәшлек ике якның галимнәре өчен дә файдалы булып, Алтын Урда тарихын өйрөнүдә яңа ачылышларга өлеш кертә.

Журнал битләрендә яңа чыганактарны, тарихи документларны фәнни анализлау, яңа археологик табышларны өйрөнү, язма истәлекләрен тик-

шерү, нумизматик материалларны системалаштыру һәм бастыру безнең өчен зур әһәмияткә ия.

Без казахстанлы тикшеренүчеләребезгә үзәгебез эшчәнлеген үстерүгә керткән өлешләр өчен рәхмәт белдерәбез.

Фәнни хезмәттәшлек безнең уртақ уза торган конференцияләр һәм фәнни форумнар эшчәнлегендә дә нык чагыла. Мәсәлән, 2024 елның 11 апрелендә Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтында «Евразиянең урта гасыр тарихының актуаль проблемалары» дигән темага халыкара фәнни түгәрәк өстәл узды. Бу чара Казахстан Республикасында фән көне һәм «Алтын Урданы тикшерүчеләр ассоциациясе» оешмасының 5 еллык юбилеега багышланды.

Түгәрәк өстәлнең мактаулы кунаклары арасында Татарстан Фәннәр академиясе президенты Рифкат Нурғали улы Миңнеханов, Казахстанның Казандагы Генераль консулы Ерлан Узан улы Искаков, чыгыш ясаучылар арасында Казан, Мәскәү һәм Астана (Казахстан) галимнәре бар иде.

Шулай ук Казахстанның фәнни үзәкләрендә үткән чараларның да кайберләрен атап узу урынлы булып: 2024 елның 25–26 апрелендә Түркестан шәһәрində «Алтын Урда һәм аның мирасы» халыкара конференциясе узды. ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институтының Алтын Урда һәм татар ханлыкларын өйрәнү үзәге җитәкчесе И.Мирғалиев «“Идегәй” дастанының татар вариантлары: тарихи параллельләр» дигән темага чыгыш ясады.

Бу хезмәттәшлек Алтын Урда тарихын өйрәнүдә яңа ачылышлар ясарга мөмкинлек бирә һәм ике як галимнәре арасында фәнни бәйләнешләрне, бердәмлекне ныгыта.

2025 елның 10 июнендә Татарстан Фәннәр академиясендә Россия һәм Казахстан тарихчыларынан төзелгән уртақ эш төркеменең эшлекле очрашуы узды. Бу чара VIII Халыкара Алтын Урда форумы [6, с.475–479] «Рах Tatarica: урта гасыр чыганаклары һәм тарихи контекст» кысаларында үтте.

Очрашуда югары уку йортлары һәм фәнни үзәкләр вәкилләре, башкарма һәм закон чыгару органнары вәкилләре, шулай ук дипломатия хезмәтләре эшлеклеләре катнашты.

Җыелышны Татарстан ФА президенты Рифкат Миңнеханов ачып җибәрде. Ул эш төркеменең уртақ тарихи хәтерне саклауга һәм ике ил арасындагы фәнни хезмәттәшлекне ныгытуга керткән өлешен билгеләп үтте.

Докладлар белән дә чыгыш ясаучылар арасында тарих фәннәре докторы Михаил Липкин, тарих фәннәре докторы, депутат Әбил Еркин, тарих фәннәре кандидаты Илнур Мирғалиев һәм башка галимнәр дә бар иде.

Өлеге чарада фәнни дискуссиянең төп юнәлешләре булып Алтын Урда тарихына караган яңа чыганакларны өйрәнү, уртақ тарихи мирасны саклау, ике ил тарихчылары хезмәттәшлегендә яңа юллар, юнәлешләр эзләү мәсьәләләре каралды. Өлеге очрашуның нәтиҗәләре дә шактый зур

һәм күпкырлы булды: фәнни хезмәттәшлекне ныгыту буенча килешүләргә ирешү, уртаҡ фәнни проектларны нәтижәле ғамәлгә ашыру планын булдыру, киңәйтелгән фәнни публикацияләр программасын әзерләү һ.б.

Бу чара Россия һәм Казахстан ғалимнәре арасында фәнни бәйләнешләрне яңа дәрәжәгә күтәрүдә мөһим адым булып саналды. Тарих фәне өлкәсендәге хезмәттәшлек ике илнең мәдәни-тарихи бәйләнешләрен ныгытуға ярдәм итә.

Быел Казанда ғажәп мәдәни вакыйға әзерләнгән – итальян артисты Алтын Урда тарихын казак телендә сөйләчәк.

2024 елда «Хан Солтан. Алтын Урда» операсы Казахстан театрында сәхнәгә куелды. Консультантлардан Татарстан тарихчысы Илнур Мирғалиев, казах тарихчысы Нурлан Атығаев, Истанбулдан профессор Ильяс Кемалоглу сюжетка өлеш керттеләр. Айну ханым Копбасаров житәкчелегендә масштаблы опера чыңа ашты.

Алтын Урданың мөселманлашып китүендә, исламға керүендә, көчле дәүләткә әверелүендә Хан Солтанның роле ғаять зур. Сарайларда тәрбия алған кеше буларак, төрки мөселман мәдәниятен үстәрүдә, Алтын Урданың формалашуында зур роль уйнаған шәхес. Хан Солтанны Зәринә Алтынбаева уйнаған, аның әнисе казах, әтисе татар. Казахстанда өч көн премьерә аншлағ белән барған.

Быел исә Абай исемендәге Казах милли опера һәм балет театры 26 августта Муса Жәлил исемендәге Татар дәүләт академия опера һәм балет театры сәхнәсендә үзенең яңа зур премьерасын – «Хан Солтан. Алтын Урда» милли операсын тамашачыларға күрсәтте. Символик рәвештә, Татарстан башкаласы бу спектакльне күрсәткән өченче шәһәр булды – Алмата һәм Истанбулдан соң. «Без татар, Казан һәм бөтен Россия тамашачыларының да бу спектакльне яратачагына өметләнәбез. Чөнки бу – безнең уртаҡ төрки мирасыбыз. Минемчә, операны тәкъдим итү бик уңышлы һәм югары профессиональ дәрәжәдә башкарылған. Тарихи яктан бу эш махсус әһәмиәткә ия: Урта ғасырлардагы хатын-кызларның ролен, Алтын Урда дәүләтенең барлыкка килүен һәм Жучи хан нәселенең тарихын Хан Солтан образы аша яктырту – зур казаныш. Казах картәшләренә бик зур рәхмәт – алар мондый кыю һәм кызыклы теманы эшкә алганнар», – ди ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институтының М.Г. Госманов исем. Алтын Урда һәм татар ханлыҡлары тарихын өйрәнү үзәге житәкчесе Илнур Мирғалиев.

Татар-казак дуслыгын ныгытучы бу истәлекле вакыйға барыбыз өчен дә эзсез калмас!

2025 елның 9–12 сентябрендә Казахстан Республикасының Астана шәһәрәндә «Алтын Урда тарихының хәзерге проблемалары буенча ике институт арасындагы фәнни хезмәттәшлек» темасына түгәрәк өстәл үткәрелде.

Әлегә чараны Фән һәм югары белем министрлығы Фән комитетының «Жучи Олысын өйрәнү фәнни институты» оештырды.

Түгәрәк өстәлдә М.Г. Госманов исем. Алтын Урда һәм татар ханлыклары тарихын өйрәнү үзәге галимнәре катнашты: тарих фәннәре кандидаты Миргалеев Илнур Мидхәт улы, тарих фәннәре кандидаты Сәйфетдинова Эльмира Гадәлжан кызы, кече фәнни хезмәткәр Гыйниятуллина Люция Сөләйман кызы. Чараның төп өлеше булып Жучи Олысы чорына багышланган «Казахстан тарихы» китабының өченче томы буенча фикер алышу булды.

Бу фәнни чара Казахстан һәм Татарстан тикшеренүчеләре арасында тәҗрибә алмашуга, фәнни хезмәттәшлекне үстерүгә ярдәм итәчәк, шулай ук Алтын Урда тарихы һәм мирасын тирәнрәк өйрәнүгә зур өлеш кер-тәчәк.

ЧЫГАНАКЛАР ҺӘМ ӘДӘБИЯТ ИСЕМЛЕГЕ

1. *Сабитов Ж.М., Каратаев А.А.* Эпосы про Идгея и его родственников в эпическом цикле «Сорок батыров Крыма» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т.12, №4. С.814–831. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.814-831> EDN: GMGCJT

2. *Тулибаева Ж.М.* История Золотой Орды в хивинской историографии // Золотоордынское обозрение. 2020. Т.8, №2. С.366–377. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.366-377

3. *Ускенбай К.З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи / ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.

4. *Шамильоглу Ю.* Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде: монография / перевод с англ. яз. Ч.И. Хамидовой, Р.Хаутала; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 260 с.

5. Золотоордынское наследие: Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Рах Татарica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар–Казань, 9–11 июня 2025 г. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2025. 476 с. <https://doi.org/10.22378/978-5-94981-405-5.2025>.

6. *Гиниятуллина Л.С.* VIII Международный Золотоордынский Форум, Болгар–Казань, 9–11 июня 2025 г. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т.13, №2. С.475–479. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.475-479> EDN: YLACGX

7. Уалиев Т.А., Кушкумбаев А.К. К вопросу об изучении казахских вариантов преданий об Идгее // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 782–813. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813> EDN: FRCSFC

Автор турында белешмә:

Гыйниятуллина Люция Сөләйман кызы – ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институтының Алтын Урда һәм татар ханлыкларын өйрәнү үзәге кече фәнни хезмәткәре (Казан, Россия Федерациясе); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus AuthorID: 57201655777; e-mail: lusiia@mail.ru

Редакциягә керде 15.09.2025

Кабул ителде 29.09.2025

Наследие Золотой Орды:
научное сотрудничество
ученых Татарстана и Казахстана

Л.С. Гиниятуллина

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Между учеными Татарстана и Казахстана успешно развивается сотрудничество в области изучения наследия Золотой Орды. С 1996 г. между Институтом истории Академии наук Республики Татарстан и научными центрами Казахстана подписаны меморандумы о сотрудничестве, реализуются совместные исследовательские проекты. Международные форумы, научные конференции и круглые столы служат важной платформой для многосторонних научных дискуссий. В научном журнале «Золотоордынское обозрение» и сборнике «Золотоордынское наследие» публикуются статьи, в которых вводятся в научный оборот и анализируются новые источники, археологические находки и письменные памятники. Совместные монографии, подготовленные казахстанскими и татарстанскими учеными, укрепляют научное сотрудничество. Результатом этих мероприятий становится создание прочной основы для будущих исследований, укрепление международных научных связей. Таким образом, открываются перспективы для новых проектов по изучению истории тюркских государств и их места в мировой истории, что способствует сохранению общего историко-культурного наследия.

Ключевые слова: научное сотрудничество, научные центры, история, историко-культурное наследие, научный журнал, сборник, Золотая Орда

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Алтын Урда мирасы: Татарстан һәм Казахстан галимнәренен фәнни хезмәттәшлеге [Наследие Золотой Орды: научное сотрудничество ученых Татарстана и Казахстана] // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №3. С.191–198. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.191-198>

Информация об авторе:

Гиниятуллина Люция Сулеймановна – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus AuthorID: 57201655777; e-mail: lusiia@mail.ru

Поступила 15.09.2025

Принята к публикации 29.09.2025

The heritage of the Golden Horde:
scientific cooperation between scientists
from Tatarstan and Kazakhstan

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

Scientists from Tatarstan and Kazakhstan have been successfully developing cooperation in the field of studying the heritage of the Golden Horde. Since 1996, memorandums of cooperation have been signed between Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences and scientific centers of Kazakhstan, and joint research projects are being implemented. International forums, scientific conferences and round tables serve as an important platform for multilateral scientific discussions. The scientific journal "Golden Horde Review" and the collection "Golden Horde Heritage" publish articles that introduce new sources, archaeological finds and written monuments into scientific circulation and analyze them. Joint monographs prepared by Kazakh and Tatar scientists strengthen scientific cooperation. The result of these events is the creation of a solid foundation for future research, strengthening international scientific ties. Thus, prospects are opening up for new projects to study the history of the Turkic states and their place in world history, which contributes to the preservation of the common historical and cultural heritage.

Keywords: scientific cooperation, research centers, history, historical and cultural heritage, scientific journal, collection, Golden Horde

For citation: Giniyatullina L.S. The heritage of the Golden Horde: scientific cooperation between scientists from Tatarstan and Kazakhstan. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.3, pp.191–198. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-3.191-198> (In Tatar)

REFERENCES

1. Sabitov Zh.M., Karatayev A.A. Epics about Idegei and his relatives in the epic cycle "Forty heroes of Crimea". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol.12, no.4, pp.814–831. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.814-831> (In Russian)
2. Tulibayeva Zh.M. History of the Golden Horde in Khivan historiography. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol.8, no.2, pp.366–377. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-2.366-377> (In Russian)
3. Uskenbay K.Z. Eastern Dasht-i Kipchak in the 13th – early 15th centuries. Problems of the ethnopolitical history of the Ulus of Jochi. Ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Fen Publ., 2013. 288 p. (In Russian)
4. Shamiloglu Yu. Tribal policy and social structure in the Golden Horde: monograph. Ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 260 p. (In Russian)

5. Golden Horde heritage: Materials of the 8-th International Golden Horde Forum "Pax Tatarica: Medieval sources and historical context", Bolghar–Kazan, June 9–11, 2025. Issue 6. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. 476 p. <https://doi.org/10.22378/978-5-94981-405-5.2025> (In Russian)

6. Giniyatullina L.S. 8-th International Golden Horde Forum, Bolghar–Kazan, June 9–11, 2025. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol.13, no.2, pp.475–479. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.475-479> (In Russian)

7. Ualiyev T.A., Kushkumbayev A.K. Studying kazakh versions of the legends about Edige. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 782–813. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813> (In Russian)

About the author:

Giniyatullina Lyutsiya Suleymanovna – Junior Researcher of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079; ResearcherID: W-4335-2019; Scopus AuthorID: 57201655777; e-mail: lusiia@mail.ru

Received September 15, 2025

Accepted for publication September 29, 2025

2025

**ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property
rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2025. Том 15, № 3

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2025, vol. 15, no. 3

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 06.10.2025 г. Дата выхода в свет 10.10.2025 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Печ. л. 12,5 Тираж 100 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф